Р. В. ИЕЗУИТОВА ЖУКОВСКИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Р. В. ИЕЗУИТОВА

ЖУКОВСКИЙ
В
ПЕТЕРБУРГЕ

Р. В. ИЕЗУИТОВА

ЖУКОВСКИЙ
В
ПЕТЕРБУРГЕ

ЛЕНИЗДАТ
1976

8Р1
И 30

И $\frac{70202-000}{М171(03)-76}$ 000--76

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Пушкин. *К портрету Жуковского*

Эта книга посвящена замечательному русскому поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Сочинениями Жуковского, полными удивительной гармонии и проникновенного лиризма, зачитывались современники поэта. «Пленительной сладостью» его стихов восхищался Пушкин. Лирикой Жуковского увлекался М. Глинка, оставивший немало прекрасных романсов на слова поэта. Глубина мыслей и чувств, заключенных в его поэзии, привлекала Белинского и Гоголя. Мир поэтических образов Жуковского пробуждал творческое вдохновение А. Блока.

Непревзойденный мастер поэтического перевода, Жуковский познакомил русских читателей с произведениями многих классиков мировой литературы. До сих пор лирическая одухотворенность созданий Шиллера, увлекательная фантастика «Лесного царя» Гёте, суровый аскетизм и внутренняя сила «Шильонского узника» Байрона волнуют и восхищают нас в удивительных по точности, глубине и силе художественного воздействия переводах Жуковского. Пушкин прозорливо заметил: «Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил».

Велика и плодотворна роль Жуковского в развитии русской литературы. Выступив в ней на рубеже XVIII и XIX веков, в эпоху смены рационалистического искусства классицизма сентиментализмом, а затем и романтизмом, Жуковский застал творческий расцвет Г. Р. Державина, который, наряду с Н. М. Карамзиным и И. И. Дмитриевым, явился одним из литературных наставников молодого поэта. С творчеством Жуковского неразрывно связаны дальнейшие успехи и достижения отечественной поэзии начала XIX века. В лучших произведениях поэта («Вечер», «Певец», «Светлана» и др.) нашли яркое отражение многие характернейшие особенности романтизма — интерес к человеку, его индивидуальной ценности и неповторимости, стремление проникнуть во внутренний мир личности, внимание к национальной истории и фольклору. Усвоив наиболее ценное в поэтическом наследии XVIII века и обогатив его новыми художественными завоеваниями, Жуковский передал живую творческую эстафету Пушкину.

Как всякий истинный художник, Жуковский вдохновлялся высокими идеалами добра, красоты, любви к отечеству. Сокровенные мечты поэта раскрываются в его стремлении:

Жить для веков в величии народном,
Для блага всех — свое позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать.

В стихах Жуковского проникновенным и исполненным задушевности голосом чуть ли не впервые в русской поэзии заговорило живое чувство. По образному выражению Белинского, муза Жуковского «выговорила» жалобы человека на жизнь. Характер-

нейшей чертой поэта он считал «совершенное недовольство миром, собою, людьми».

Жуковский выступил в защиту права каждого человека на счастье, на осуществление его заветных помыслов и стремлений, жестоко попранных в современном ему обществе. Горькими раздумьями над жизнью продиктованы поэтические строки, обращенные к одному из друзей Жуковского — Александру Тургеневу:

Мы бросим взор на жизнь, на гнусный свет;
Где милое один минутный цвет;
Где доброму следов ко счастью нет;
Где мнение над совестью властитель;
Где все, мой друг, иль жертва, иль губитель!..

Многие произведения поэта-гуманиста проникнуты неподдельным сочувствием к простому человеку, уважением к его труду («Сельское кладбище», «Летний вечер» и др.). Поэтичны и исполнены искреннего восхищения воссозданные в его произведениях картины родной природы. Широко известны стихи из элегии Жуковского «Вечер», вдохновившие Чайковского на создание замечательного романса-дуэта Полины и Лизы в опере «Пиковая дама»:

Уж вечер... Облаков померкнули края.
Последний луч зари на башнях умирает,
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

В изображении русского пейзажа, согретого и одухотворенного незримым присутствием человека со сложным и тонким внутренним миром, Жуковский выступает предшественником многих замечательных мастеров русской лирики. Такие знакомые стихи о русской зиме:

Спасенье есть от хлада и мороза:
Пушистый бобр, седой Камчатки дар,
И камелек, откуда легкий жар
На нас лиет трескучая береза...—

написал не Пушкин, а его предшественник и учитель Жуковский.

Строчки из баллады «Суд божий над епископом» предвосхищают некрасовское описание осени:

Были и лето, и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал,
Сделался голод, народ умирал.

Нарисованная Жуковским картина ночного неба невольно заставляет вспомнить более поздние по времени образы лермонтовского «Демона»:

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунные стада.

Многие поколения русских поэтов от Пушкина до Блока считали Жуковского своим учителем. В его творчестве поэзия обрела не только «душу и сердце», но и поэтический язык, богатый, выразительный и гибкий, невиданное ранее разнообразие стихотворных ритмов и размеров, мелодических и звуковых средств. Своим преемникам Жуковский передал такую высокую культуру стиха, какой русская поэзия до него не знала.

Творчество Жуковского принадлежит к национальному культурному наследию, которое В. И. Ленин призывал бережно хранить и развивать в условиях социалистического общества. В личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле, в кабинете, где были собраны книги, особенно интересовавшие Владимира Ильича,

имелись сочинения Жуковского и написанная академиком А. Н. Веселовским большая монография «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“». Когда в 1918 году после переиздания Наркомпросом Полного собрания сочинений Жуковского критики Л. Сосновский и Е. Петерс увидели в этом пропаганду монархических идей, резкую отповедь им дала Н. К. Крупская. В статье под названием «Неосновательные опасения» в газете «Правда» она писала, что «лучше напечатать талантливую книжку какого-нибудь классика, чем псевдопролетарский сборник», подчеркивая, что «рабочих охранять от влияния Жуковского совершенно излишне».

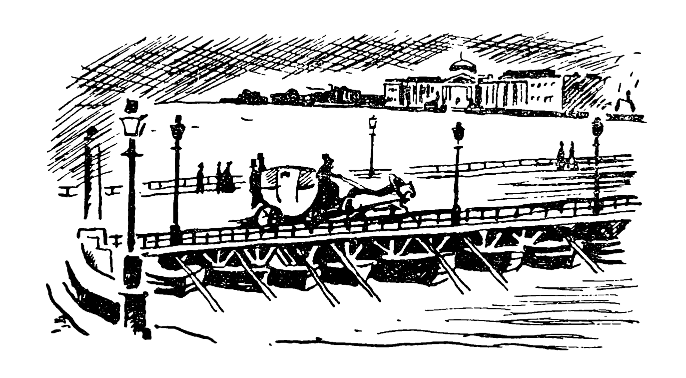
Жуковский принадлежал к блестящей плеяде деятелей русской культуры, неразрывно связанных с Петербургом. Здесь поэт не раз бывал в детские и юношеские годы, а в 1817 году он окончательно переселился в Петербург и более двадцати лет своей жизни провел в столице. В Петербурге широко развернулась разносторонняя деятельность Жуковского — поэта и переводчика, знатока и ценителя искусств, талантливого художника и гравера. В бурном круговороте событий русской и европейской жизни начала XIX века складывались и крепли дружеские, литературные и общественные связи Жуковского.

Жуковский был привлечен на службу при дворе. Но он не стал ни придворным поэтом, ни преуспевающим царским чиновником. В его квартире в Шепелевском доме, находившемся рядом с Зимним дворцом, собирались литераторы и художники, известные своими демократическими взглядами,— Пушкин, Грибоедов, Мицкевич, Кольцов, Гоголь, Брюллов, Глинка и другие. Поэт использовал свои связи для заступничества за русских писателей, поэтов, художников, подвергшихся политическим преследованиям,— за

Пушкина, Баратынского, Киреевского, Герцена и других. Поэт настойчиво добивался смягчения участи декабристов Н. Тургенева, В. Кюхельбекера, Ф. Глинки и многих других. Жуковский сыграл важную роль в освобождении от крепостной зависимости Тараса Шевченко. Всю свою жизнь поэт был неизменным и стойким защитником тех, кто пострадал от самодержавного деспотизма и бесчеловечности крепостного права. Нравственная чистота, душевная отзывчивость и гуманность поэта привлекали к нему людей различных политических убеждений и эстетических взглядов.

Жуковский не мог примириться с насилием и угнетением человека в современном ему обществе, но он не разделял многих взглядов и в особенности практических устремлений дворянских революционеров-декабристов. Поэт-просветитель мечтал о мирных путях общественного прогресса в России. В этом сказалась историческая ограниченность Жуковского-мыслителя. Но она не заслоняет благородных черт его человеческого облика и всего того, что сделано им для русской культуры.

В этой книге читатель найдет хронологически последовательный рассказ о жизни и творчестве Жуковского в Петербурге. В его основе — дневники, переписка и произведения поэта, многочисленные мемуарные источники, новейшие исследования. Работа в архивах позволила установить и некоторые ранее неизвестные петербургские адреса Жуковского.

ВПЕРВЫЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

В зимние февральские дни 1796 года в Петербург направлялся по своим делам майор Рязанского пехотного полка Дмитрий Гаврилович Постников. Вместе с ним в сопровождении крепостного слуги Григория ехал одетый в военное платье тринадцатилетний мальчик. Мальчика звали Василий Жуковский.

Полк, в котором служил Постников, квартировал в Кексгольмской военной крепости*, находившейся в 140 верстах от Петербурга и преграждавшей подходы к столице с севера. Гарнизонная служба не слишком тяготила майора, который подолгу жил в своем родном городе Туле, лишь изредка наведываясь в полк. В ноябре 1795 года Постников собрался нако-

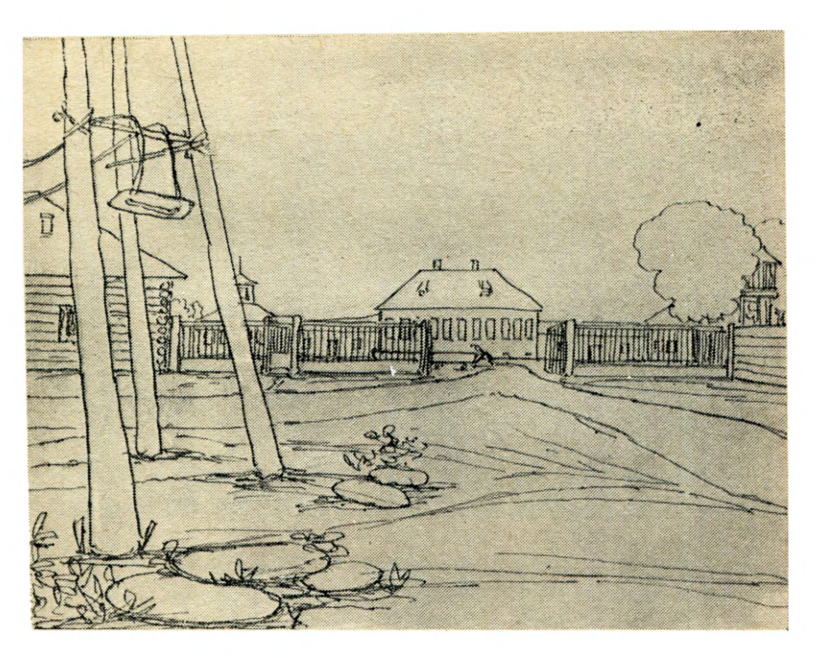
* Старинная русская крепость Корела, расположенная на реке Вуоксе, в XVII веке была захвачена шведами и переименована ими в Кексгольм. В начале XVIII века Кексгольм был возвращен Россией. В 1948 году он получил название Приозерск.

нец в Кексгольм. Родственники мальчика — земляки майора — упросили его взять Василия с собой и определить на военную службу. По воинскому уставу тех времен, в армии была разрешена служба подростков и лиц, еще не достигших совершеннолетия.

Судьба ребенка была необычной. Он был внебрачным сыном богатого тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина и турчанки Сальхи, взятой в плен одним из крепостных Бунина, участником русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Мать будущего поэта, получившая при крещении имя Елизаветы Дементьевны, стала крепостной Бунина. Сначала она была нянькой старших детей помещика, а позднее экономкой в его имении — селе Мишенском, расположенном вблизи Белева. 29 января 1783 года у Сальхи родился сын Василий. Усыновленный Андреем Григорьевичем Жуковским — мелкопоместным дворянином, жившим в доме Буниных, мальчик избежал в дальнейшем тяжелой участи незаконнорожденных детей в царской России.

Детские годы будущего поэта прошли в селе Мишенском, среди приволья и просторов средней полосы России, в живописно расположенном имении, окруженном холмами и перелесками, задумчивыми рощами и светлыми ручьями.

Жена Афанасия Ивановича — Мария Григорьевна Бунина, потерявшая ко времени рождения Жуковского своего единственного сына (студента Лейпцигского университета), приняла мальчика в свою семью и дала ему воспитание наравне с родными внучками. Мальчик рос наблюдательным и впечатлительным. Он рано почувствовал свое особое, необычное положение бедного воспитанника в богатой помещичьей семье. В безмятежный мир детства вторгались тревожные размышления о родной матери — прислуге и

Дом в селе Мишенском. *Рисунок Жуковского. Июнь 1836*

экономке в Мишенском, стоя выслушивавшей приказания своей госпожи. Они выливались позднее в стихотворных элегических жалобах, находили отражение на страницах юношеского дневника.

Бунины не принадлежали к числу жестоких крепостников. Но именно в Мишенском Жуковский, в силу своего особого положения в семье и благодаря душевной чуткости, особенно остро смог ощутить бесправие крепостных. Недаром впоследствии он отдал так много внимания и сил облегчению участи

Дом в селе Мишенском (слева) со стороны двора. *Фотография. XIX в. Публикуется впервые.*

талантливых крепостных, выходцев из крестьянской среды.

После смерти Афанасия Ивановича Бунина в 1791 году заботы о маленьком Жуковском взяли на себя не только Мария Григорьевна, но и ее взрослые дочери, в особенности Варвара Афанасьевна Юшкова. В ее доме в Туле будущий поэт получил свое первоначальное образование, дополненное занятиями сначала в частном пансионе Роде, а затем в Тульском народном училище. Там же он сдружился с маленькими дочками Юшковой: Авдотьей, в будущем А. П. Киреевской-Елагиной — матерью видных деятелей русской культуры Петра и Ивана Киреевских, и

Анной — А. П. Зонтаг, ставшей позднее детской писательницей и автором известных мемуаров о Жуковском. Подруги детства остались преданными и близкими друзьями поэта на протяжении всей его жизни. Домашнее обучение шло успешно: сообразительный и живой мальчик легко усваивал французские и немецкие уроки, хорошо рисовал, обнаружил музыкальные способности, а вот учение в пансионе и в особенности в народном училище давалось с трудом. Мальчик был невнимателен на уроках математики. Причиною этого была не лень, как считали наставники, а увлечение поэзией. В детстве Жуковский проявил незаурядное литературное дарование. Он сочинил для представления на домашней сцене трагедию «Камилл, или Освобожденный Рим» и драму «Павел и Виргиния». Пьесы эти сохранились в памяти А. П. Зонтаг, подробно описавшей в своих воспоминаниях первые триумфы и первые неудачи юного сочинителя.

А. П. Зонтаг запомнила и сборы в дорогу «Васеньки», отправлявшегося вместе с майором Постниковым в Кексгольм: «Новому воину сшили мундир и снарядили как следует. Это восхищало Жуковского». Родственники мальчика надеялись, что определение в полк решит вопрос о его будущем.

В ноябре 1795 года Постников привез юного Жуковского в Кексгольм и стал хлопотать о его зачислении на военную службу. Впечатления от воинских учений, от развода караула, праздничных церемоний отразились в трех сохранившихся детских письмах Жуковского, адресованных «маменьке Елизавете Дементьевне». Ласковые и почтительные одновременно, они раскрывают характер и внутренний мир ребенка, его непосредственность и живость.

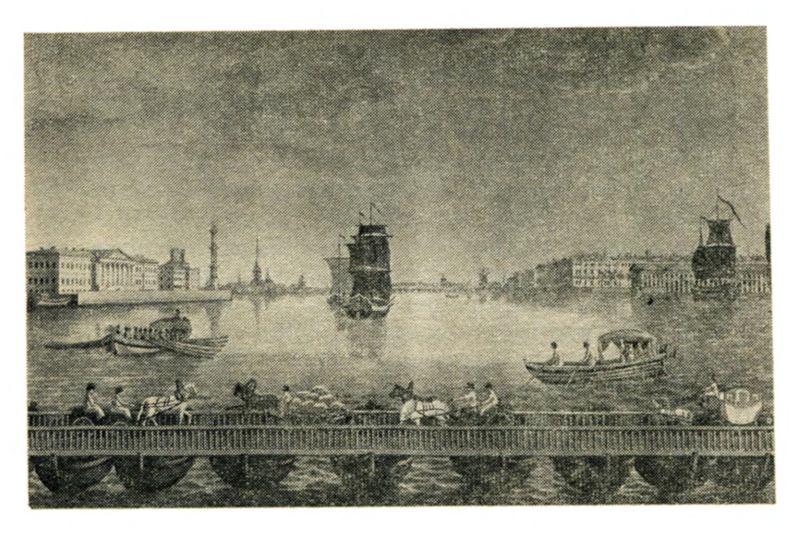
Случилось так, что именно в декабре 1795 года Кексгольмскую крепость посетил прославленный полководец А. В. Суворов. В мир детских впечатлений, расширяя и обогащая их, входила сама история. Живое ее дыхание ощущается и в строчках детского письма. «Недавно у нас был граф Суворов, которого встречали пушечною пальбою со всех бастионов крепости», — сообщает мальчик Жуковский матери.

Майору, видимо, не удалось определить своего питомца на службу. По дороге обратно в Тулу он заехал с ним в Петербург.

Перед глазами юного путешественника возникла «громада» столичного города. Не приходится сомневаться в том, что первое впечатление Жуковского от Петербурга было сильным и навсегда запало ему в душу.

Петербург конца XVIII столетия значительно отличался от того, каким он стал в XIX веке. Еще не вполне сложились знаменитые архитектурные ансамбли. На Дворцовой площади не было здания Главного штаба, на месте его еще стояли частные дома. На месте будущей Александровской колонны находились две каменные беседки под железной кровлей. Зимой там грелись кучера, ожидая господ, приглашенных в Зимний дворец. Здание Адмиралтейства было окружено рвом с облицовкой из кирпича и земляным валом со множеством пушек. Это была и крепость и Морская коллегия. На ее территории располагались мастерские, склады, а со стороны Невы — верфь для постройки военных кораблей. В облике города можно было заметить все особенности морского порта — обилие служб, множество иностранных судов, пристаней и причалов.

...Стояла зима, прервавшая оживленное судоходство по Неве. Под снежным покровом лежали улицы и площади, на которых не прекращались движение и

Исаакиевский мост через Неву. *Гравюра по рисунку М. Дамам-Демартре. Начало XIX в.*

суета. На Петровской площади (ныне площадь Декабристов) с 1782 года возвышался знаменитый памятник Петру I, созданный Фальконе. Напротив него через Неву был наведен «плавучий» Исаакиевский мост, закрепленный на деревянных плашкоутах, снимавшихся только на время ледохода. Здесь, в самом центре северной столицы, кипела жизнь, праздничная, нарядная, столь непохожая на будничный уклад Мишенского и мирное тульское житье.

На Невском проспекте не было многих зданий, возникших позднее (Казанского собора, Публичной библиотеки и других); отдельные дома были одно-

этажными и даже деревянными; пространство между ними было занято огородами и отделено от улицы простым забором. Однако Петербург уже приобрел известность как один из красивейших городов Европы.

Удачное местоположение города, раскинувшегося в дельте Невы, четкая планировка улиц и площадей, разнообразие и богатство правительственных зданий, частных домов, церквей и соборов, над созданием которых трудились выдающиеся зодчие, уже к концу XVIII века сделали из него «полнощных стран красу и диво». Красочные нарядные дворцы и соборы, созданные В. Растрелли, изящные и величавые постройки А. Ринальди, строгие и спокойные здания Фельтена контрастировали с тихими, немноголюдными окраинами, с живописными, когда-то загородными, усадьбами, расположенными по берегам Фонтанки, Мойки и каналов. Все это создавало неповторимое своеобразие еще молодой, бурно строившейся столицы.

Юный Жуковский никогда прежде не видел такого огромного и богатого города. Как показывает план его автобиографических записок, поэт собирался подробно рассказать о «кексгольмской и петербургской жизни». Однако замысел остался неосуществленным, и нам приходится довольствоваться скудными, случайно сохранившимися сведениями. Неизвестно, где в Петербурге остановился со своим подопечным майор Постников, с кем они общались, чем были заполнены досуги мальчика, какие здания и памятники привлекли его внимание. В детской памяти уцелели лишь отдельные эпизоды поездки. Один из них — пышная дворцовая церемония, которыми был так богат XVIII век, — произвел на юного Жуковского неизгладимое впечатление. Это был торжественный

«большой выход» императрицы из личных апартаментов в парадные покои дворца. Он сопровождался стечением посетителей, праздничной музыкой и пушечной пальбой из Петропавловской и Адмиралтейской крепостей. П. А. Плетнев — близкий друг и первый биограф Жуковского — отметил, что во время первой поездки в Петербург в Зимнем дворце мальчика «ожидало впечатление, о котором он любил рассказывать, удержав его навсегда в памяти. По случаю большого выхода ему достали местечко на хорах». Оттуда юный Жуковский наблюдал красочную картину движения пестрых групп людей, слушал звуки торжественной музыки. Особенно запомнилось ему исполнение гимна «Гром победы, раздавайся». Автором музыки гимна был известный композитор конца XVIII века О. А. Козловский, слова принадлежали Г. Р. Державину. Стихи были сочинены пять лет назад и предназначались для праздника, устроенного Г. Потемкиным по случаю взятия Измаила и поразившего современников своим великолепием.

Патриотические стихи Державина входили в сознание будущего поэта как напоминание о недавних исторических победах России, о Суворове. Много лет спустя в письме к И. И. Дмитриеву Жуковский, оживляя в памяти свои детские впечатления, назвал эти стихи Державина «выражением» целой эпохи русской истории.

Упоминание об исполнении гимна «Гром победы, раздавайся», свидетелем которого стал юный Жуковский, ввело в заблуждение некоторых биографов Жуковского, пытавшихся приурочить первую поездку его в Петербург к апрелю 1791 года, когда состоялся потемкинский праздник. Между тем весной 1791 года семейные обстоятельства Буниных и Юшковых сложились таким образом, что о поездке в Петербург не

могло идти речи. В конце марта умер в Туле отец Жуковского — Афанасий Иванович. Похоронили его в Мишенском. По воспоминаниям А. П. Зонтаг, по истечении шести недель после кончины мужа М. Г. Бунина возвратилась в Мишенское, взяв с собою Елизавету Дементьевну с сыном. Здесь он и оставался весной и летом 1791 года.

Жуковский был в Петербурге позднее и наблюдал придворную церемонию в феврале 1796 года. Следовательно, уже в тринадцать лет он видел Зимний дворец, построенный В. В. Растрелли, поднимался по его парадной лестнице и любовался убранством его залов.

Проездив около четырех месяцев, из которых три месяца прошли в Кексгольме и один в Петербурге, Д. Г. Постников привез Жуковского обратно в Тулу. «Златые игры первых лет и первых лет уроки», среди которых свое место занимает и поездка 1796 года в Петербург, остаются в прошлом. Впереди — годы учения в Москве, куда вскоре М. Г. Бунина отвезла Жуковского, надеясь определить его в какое-нибудь учебное заведение. С помощью старого знакомого семьи И. П. Тургенева — в эти годы директора Московского университета и куратора организованного им университетского Благородного пансиона — юного Жуковского удалось поместить в пансион. Здесь ему предстояло провести четыре года.

Программа этого учебного заведения была обширна. Она сочетала задачи обучения первоначальным основам знаний в младших классах с широким охватом целого ряда наук — философии, эстетики, истории — в старших и имела отчетливо выраженный гуманитарный уклон. Это отвечало наклонностям мальчика. В системе воспитания преобладали религиозно-нравст-

венные начала. Но в преподавании ощущалась близость к гуманистическим идеям просвещения.

За годы пребывания в пансионе Жуковский познакомился с произведениями Ж.-Ж. Руссо, Дидро и других энциклопедистов, с сочинениями немецких просветителей Гердера и Лессинга, со стихами Гёте и Шиллера. Здесь Жуковский прошел и первую школу поэтического творчества. Подражая «корифеям» — Ломоносову, Хераскову и, более других, Державину, юный поэт пишет свои первые стихотворения «Майское утро», «Добродетель» и другие.

Значительное влияние на формирование Жуковского-поэта оказала семья И. П. Тургенева. Она принадлежала к кругу образованных и просвещенных дворян. Глава семьи И. П. Тургенев, известный в XVIII веке писатель-масон, близкий друг видного писателя-просветителя Н. И. Новикова, был по приказу Екатерины II отправлен в ссылку, из которой смог возвратиться лишь после смерти императрицы.

Дом И. П. Тургенева стал одним из важных культурных центров Москвы. Его старшие сыновья Андрей и Александр были почти ровесниками и ближайшими друзьями Жуковского; младшие Тургеневы, Николай и Сергей — будущие участники декабристского движения, позднее также сдружились с поэтом. Из воспитанников пансиона и близких к Тургеневым студентов университета постепенно составился тесный дружеский кружок, в который вошли известные впоследствии литераторы, ученые и критики А. Ф. Воейков, А. С. Кайсаров, Д. В. Дашков; позднее к ним присоединился А. Ф. Мерзляков, видный поэт и переводчик, преподаватель Московского университета, а также Д. Н. Блудов и С. С. Уваров — в будущем крупные чиновники.

В атмосфере молодого энтузиазма, царившего в тургеневском кругу, возникло «Дружеское литературное общество» (1801 г.), объединившее прогрессивно настроенных литераторов на основе общности жизненных исканий и нравственных устремлений. Все они ратовали за распространение просвещения в России, стремились содействовать успехам «гражданственности». На заседаниях читали и обсуждали произведения членов общества, спорили о путях дальнейшего развития отечественной литературы.

Здесь впервые определился круг разнообразных художественных интересов Жуковского, постепенно складывалось столь характерное для него представление о высоком назначении поэзии. Дружеские связи, завязавшиеся в Москве, на долгие годы определили характер его дальнейших знакомств и ту литературную среду, которая формировала Жуковского-поэта.

Бывать в семье Тургеневых — означало близко знать Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, возглавлявших в те годы «московскую школу» в русской литературе, с которой было связано развитие сентиментализма.

Термин «сентиментализм» происходит от французского слова sentimentalisme, что означает «чувствительность». Основой этого литературного направления, сменившего классицизм, явилась переоценка значения рассудка и чувства в жизни отдельной личности и общества. Строгий рационализм и соответствующая ему жесткая жанрово-стилистическая регламентация творчества, свойственные классицизму, перестали отвечать возросшим потребностям литературного развития и изменившимся формам индивидуального сознания. Эпоха ставила перед искусством но-

вые задачи, решение которых предложил сентиментализм.

Провозгласив идею «внесословной ценности» человеческой личности, сентименталисты способствовали демократизации литературы, а это привело к новым представлениям о целях и задачах поэтического творчества. Ориентация на вечные и универсальные «образцы», которые классицизм усматривал в античном искусстве, сменилась у сентименталистов культом «естественного», близкого к природе, подражанием «натуре». Изменившиеся эстетические представления привели к возникновению нового литературного стиля, получившего значительное распространение во второй половине XVIII века. В России он достиг особенного развития в 1790-е годы, подготовив и расчистив почву для утверждения романтизма.

Сентиментализм обогатил русскую литературу новыми темами, мотивами и образами, значительно обновил ее художественно-изобразительные средства, ввел в литературу новые жанры, такие, как «чувствительная повесть» — бытовая, светская, историческая, «путешествие», сочетающее интерес к окружающему со стремлением передать субъективные восприятия этого окружающего. В русской поэзии развитие сентиментализма сказалось прежде всего в интимной лирике (песня, элегия, дружеское послание), в которой с наибольшей полнотой выражался внутренний мир личности. Свойственное сентиментализму обостренное внимание к духовному миру человека, к индивидуальным свойствам личности, к психологическому анализу привлекало молодых писателей. Не мог пройти мимо новаторского опыта крупнейших сентименталистов — Карамзина и Дмитриева — и молодой Жуковский. В лирике И. И. Дмитриева Жуковскому были особенно близки идея внесословной ценности человека, воспева-

Рисунок А. Воейковой к стихотворению Жуковского «Сельское кладбище». *1810-е гг. Публикуется впервые.*

ние чувств, поэтическое изображение картин природы — все то, что вошло затем неотъемлемой частью в его собственный художественный мир.

Н. М. Карамзин был для современников не только поэтом, не только автором популярных повестей, которыми зачитывались образованные люди, но подлинным «кумиром всех благородно мыслящих юношей». Перед умом, вкусом, знаниями маститого писателя Жуковский благоговел всю жизнь. Под его непосредственным воздействием формировались литературно-эстетические взгляды Жуковского. С этим именем связан и первый значительный успех молодого поэта: в журнале Карамзина «Вестник Европы» появилось в 1802 году стихотворение «Сельское кладбище», принесшее Жуковскому широкую литературную известность.

Перелагая элегию Томаса Грея, нередко отступая от подлинника в эмоциональной окраске картин и образов стихотворения, Жуковский становится здесь самостоятельным поэтом.

Усиливая по сравнению с оригиналом лирическую, мечтательную интонацию повествования, Жуковский добивается удивительной напевности и мелодичности стиха, чем еще более отдаляется от уровня русской

поэзии XVIII века. Он создает емкие по смыслу метафоры, лирически многозначные эпитеты. Для поэзии классицизма, даже в лучших ее образцах, было характерно употребление слов в их прямом, предметно-вещественном значении. Жуковский начинает свою элегию с нарушения этого незыблемого правила. Он пишет о наступлении вечера:

Уже бледнеет день, скрываясь за горою...

Ни для Ломоносова, ни для Державина такая смелая метафора еще не была возможна. В «Вечернем размышлении о божием величестве» Ломоносов, правда, употребляет сходный образ:

Лице свое скрывает день...

Жуковский видоизменяет характер этой метафоры. Опуская сравнение дня с ликом человека, он как бы одушевляет саму природу, наделяет ее настроениями и переживаниями своего лирического героя.

При всей яркой живописности поэзии Державина мы не встретим у него такого богатства образных ассоциаций и такого емкого лирического подтекста, как у Жуковского. Изобразительная конкретность и в то же время многозначность отличают новые и смелые эпитеты и метафоры Жуковского: «упорные поля» (в рассказе о тяжелом труде поселян), «шалаш спокойный», «дня юного дыханье»... Давая слову необыкновенное разнообразие и богатство ассоциативных значений, Жуковский обновил образные средства русской лирики.

Не менее значительны были и темы, впервые введенные в поэзию Жуковским. Развивая мысль о равенстве людей перед лицом неумолимой смерти, Жуковский напоминает о социальных противоречиях и сословном неравенстве, господствующих среди живых —

в современном ему обществе. Стихотворение проникнуто неподдельным сочувствием к скромным поселянам. Размышляя о бедственном «жребии» этих людей, Жуковский усиливает в облике своего лирического героя черты мечтательности, одухотворенности, значительно приблизив этот образ (имеющий автобиографическое значение и у Грея) к собственному внутреннему миру и сделав его максимально близким русскому читателю 1800-х годов, воспитанному на «чувствительных» стихах Дмитриева, Нелединского-Мелецкого и других поэтов-сентименталистов. Однако этот образ переставал быть условным, литературным и получал реальную жизненную основу. Она была почерпнута в биографии самого поэта, но обретала при этом и некие общие черты, свойственные новому поколению, ощутившему острую неудовлетворенность действительностью. Образ «бедного певца» вскоре занял значительное место в творчестве Жуковского («Певец», «Эолова арфа» и другие стихотворения).

Поэтические принципы, выдвинутые в «Сельском кладбище»,— искренность и непосредственность в передаче душевных переживаний в сочетании с глубокими размышлениями поэта над жизненными противоречиями — получают развитие в зрелой лирике поэта, таких ее шедеврах, как элегия «Вечер», «Желание», «Цветок», «Песня». Обретая собственные темы и обновляя образно-поэтические средства для передачи духовного опыта своего поколения, молодой поэт выступал выразителем новых, романтических веяний.

В лирике поэта, стремительно освобождавшейся из-под влияния поэтических условностей XVIII века, происходило становление Жуковского-романтика. Его уже не удовлетворяет ограниченность внутреннего мира сентиментального героя, его замкнутость в «чувстви-

Гравюра и рисунок Жуковского к стихотворению «Сельское кладбище». *1839 г.*

тельном» любовании прелестями природы, в нежном упоении чувствами. В начале XIX века сентиментализм, бывший до недавнего времени носителем прогрессивных эстетических принципов, постепенно стал обнаруживать свои слабости: односторонний взгляд на природу и человека, уход от больших, общественно важных проблем во внутренние переживания личности, камерность тематики. В творчестве эпигонов Карамзина и Дмитриева сентиментализм изживал себя. Но жизнеспособность его сказалась в том, что из среды учеников и последователей Карамзина вышли и те писатели и поэты, которым предстояло продолжить и завершить то, что в свое время начали сентименталисты. Вместе с Жуковским основы русского романтизма закладывали его ближайшие друзья

и соратники, считавшие себя также учениками маститого писателя,— Батюшков, Вяземский, Пушкин.

Для романтизма как широкого общественно-литературного и идейно-художественного явления европейской и русской жизни была характерна решительная переоценка философско-идейных, нравственных, духовно-эстетических ценностей, созданных в эпоху Просвещения.

Романтизм еще более углубил и расширил процесс преодоления рационализма, уловил существенные противоречия в развитии истории, общества и человека, которые обнажились благодаря революционным потрясениям конца XVIII — начала XIX века. Характерной чертой романтического мироощущения было разочарование во всей системе общественно-политических и нравственно-эстетических ценностей, выработанных в прошлом: в исторических результатах революционных движений, не принесших ожидаемых просветителями благотворных перемен, в послереволюционной действительности, исполненной острых коллизий. Романтическая «разочарованность» приняла универсальный характер, охватывая собою все сферы общественной и частной жизни человека.

Романтизм, так же как и сентиментализм, отказывался признать рациональное начало единственной мерой жизни человека.

В сентиментализме явственно ощущалась связь с просветительством и даже с классицизмом: чувство рассматривалось как своего рода дополнение к рационалистически понимаемой сущности человеческого характера, как бы его внешняя оболочка. Романтики расценивают чувство как первооснову всего сущего и как меру его ценности. Романтизм «раскрепостил» человеческое чувство от всех стесняющих его пут и ограничений. Он сделал свободу художника-творца един-

ственным законом художественного творчества. При этом романтики перешли от всечеловеческих идеалов просветителей к идеалу национальному, исторически сложившемуся. Интерес к народному творчеству своей страны благотворно сказался на развитии романтического искусства, открывшего новые, живые родники художественной правды.

В начале XIX века Жуковский принимает на себя своеобразное посредничество между европейским романтизмом и русской литературой. Этому во многом способствует характерная особенность «авторского творчества» Жуковского, которую сам он определял так: «У меня почти все или чужое, или по поводу чужого — и все, однако, мое». Жуковский обладал способностью, проникнув в дух и характер подлинника, не только передать его в художественно совершенной форме средствами родной поэзии, но и приблизить его к мировосприятию русского человека своего времени и даже сделать его достоянием отечественной литературы.

По определению Пушкина, Жуковский был настоящим «гением перевода». Благодаря его таланту впервые прозвучали эстетически равноценно на русском языке выдающиеся немецкие и английские поэты Гёте и Шиллер, Бюргер и Уланд, Вальтер Скотт и Байрон. Жуковский стал зачинателем поэтического перевода, создав его своеобразную «школу», которую позднее пройдут его младшие современники: Пушкин, Козлов, Лермонтов и другие.

После создания «Сельского кладбища», определившего творческую индивидуальность Жуковского, он провел несколько лет на своей родине в углубленных литературных занятиях. Поэт поселился сначала в Мишенском, а затем переехал в соседний с ним уездный город Тульской губернии Белев, куда, овдовев, пере-

селилась младшая из дочерей М. Г. Буниной — Екатерина Афанасьевна Протасова. Здесь в «белевском уединении», в кругу своих близких, поэт много читает, пишет стихи, переводит. Он дает уроки словесности подрастающим дочерям Протасовой — Марии и Александре. В это время зарождается чувство поэта к Маше Протасовой, оставившее глубочайший след в жизни и в поэзии Жуковского.

Пребывание в Белеве, прерываемое поездками в Москву, замечательно напряженной внутренней работой, отразившейся в «Дневнике» Жуковского 1804—1805 годов. В нем молодой поэт стремится осмыслить «прошедшую» жизнь, выработать общие принципы жизненного поведения, наметить конкретные планы на будущее. В обширных программах самообразования, в углубленном внимании к своему внутреннему миру выявляется своеобразие личности Жуковского, в характере которого причудливо сочетается созерцательность с действенностью, стремление к самоанализу с попыткой определить твердые принципы взаимоотношений с окружающими.

В планах будущей жизни, составленных в 1804 году, в качестве одной из ближайших целей значится новая поездка в Петербург. Поэт намеревался осуществить ее в декабре 1804 года. 5 августа 1804 года Жуковский записывает в «Дневнике»: «Может быть, в декабре поеду в Петербург с И. П. Тургеневым. Это путешествие приятно, потому что оно доставит мне случай много видеть такого, о чем не имею еще идеи; может быть, узнаю несколько больше общество; не безделица видеть один из лучших театров, слышать прекрасных певиц и певцов, посещать кабинеты картин, статуй и прочее; одним словом, съездив в Петербург, запасусь, может быть, многими идеями для своего

Белев. *Рисунок Жуковского. 14 июля 1837 г. Публикуется впервые.*

уединения». Он составляет перечень того, что необходимо в первую очередь посмотреть в Петербурге.

Поэт стремится ближе ознакомиться с замечательной архитектурой города, художественными коллекциями Эрмитажа (и, возможно, Академии художеств), с петербургскими театрами. Жуковский осознает, что для того, чтобы съездить в Петербург с пользой, надо быть внутренне готовым для поездки. «Чтобы видеть с прямым удовольствием кабинеты скульптуры и

живописи, надобно знать что-нибудь о том и о другом, надобно иметь понятие о российской истории, уметь судить о театре»,— считает он.

Петербург в начале 1800-х годов не случайно привлекал русскую молодежь. Это время ознаменовалось оживлением в сферах административно-государственной деятельности, особенно заметным благодаря контрасту с недавним режимом Павла I. Время, которое Пушкин впоследствии называл «дней Александровых прекрасное начало», возродило общественные надежды на возможность реформ, ограничивающих самовластье и крепостное право. Молодые люди, воспитанные в духе идей Просвещения, исполненные свободолюбивых, радикальных устремлений, надеялись осуществить на деле те высокие гражданственные идеалы и принципы, которые формировались в острых дискуссиях и литературных спорах. Пройдет более двух десятилетий, прежде чем эти иллюзии окажутся рассеянными и герой комедии «Горе от ума» Чацкий заявит: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Поездка Жуковского в Петербург диктовалась и прямой необходимостью поступить на службу. Жуковский не располагал ни постоянным литературным заработком, ни наследственным имением. Семья Буниных выделила ему небольшой капитал, который позволял какое-то время обойтись без службы и даже обзавестись собственным домиком в Белеве, однако отнюдь не избавлял от забот о будущем.

Из дневниковых записей 1804 года становится очевидным, что свои жизненные планы Жуковский связывал в первую очередь с Петербургом, столичным городом, в котором проще было найти службу, оставляющую досуг для поэтического творчества. Однако поэт страшился переезда в столицу и чиновничьей службы, так как не находил в себе способностей «публич-

ного человека». Считая, что служить — значит «действовать для пользы отечества и своей собственной так, чтобы последняя не была противна первой», Жуковский излагает целую программу служения отечеству на гражданском поприще, благородную и гуманную, но тем не менее утопичную и неосуществимую в рамках российского государственного порядка.

Когда же состоялась вторая поездка Жуковского в Петербург? Ни одна из его многочисленных дореволюционных биографий (К. К. Зейдлица, П. А. Плетнева, А. Н. Веселовского, П. Загарина и др.) не содержит никаких упоминаний об этом. Между тем из плана автобиографических записок Жуковского видно, что поэт ездил в Петербург в 1805 году.

Александр Тургенев писал 7 марта 1805 года из Москвы в Геттинген младшему брату Николаю: «Я завтра еду в Петербург вместе с Жуковским, который дня четыре как сюда приехал. Он прогуляться только едет, а я, бедный — на досаду и поклоны». Письмо А. Тургенева, ехавшего устраиваться на службу, не оставляет сомнений в том, что план подробного ознакомления с Петербургом Жуковский осуществил в марте 1805 года. Не имея обширных петербургских знакомств, Тургенев и Жуковский могли остановиться лишь у кого-то из своих прежних московских друзей. А. Тургенев сообщает брату: «В Петербурге остановиться думаем мы у Блудова».

Д. Н. Блудов к этому времени уже несколько лет жил в Петербурге. Его биограф Е. П. Ковалевский указывает: «Дмитрий Николаевич, по приезде в Петербург, поселился в небольшой квартире против Владимирской церкви, в доме, принадлежавшем генералу Варлонту».

Ковалевский упоминает несколько адресов Блудова в Петербурге. В квартире в доме Варлонта — самой

ранней из всех — он прожил несколько лет. Вероятнее всего, что именно здесь и остановились Жуковский и А. Тургенев, приехавшие в Петербург 11 марта 1805 года.

Дом Варлонта находился в нескольких минутах ходьбы от Невского проспекта, в Московской части, напротив Владимирской церкви. Здесь не было ни парадных дворцов, ни пышных усадеб и официальных зданий — всего того, с чем обычно ассоциировалось представление о столице Российской империи. Зато размещались городские больницы, смирительный дом, Семеновские казармы, представлявшие собой в те времена деревянные дома, расположенные в форме правильных квадратов на немощеной территории.

По соседству, в Нарвской части, находились казармы лейб-гвардии Измайловского полка (на месте нынешних Красноармейских улиц — бывших «рот»).

На Разъезжей улице располагался один из городских рынков. В этой части города издавна селился трудовой люд Петербурга. Недаром еще с XVIII века соседние с Владимирской церковью улицы имели «профессиональные» наименования: Стремянная улица, Поварской переулок. Стройная колокольня Владимирской церкви дала название Колокольной улице. Близость к присутственным местам, расположенным на Невском, влекла сюда на жительство мелких чиновников, которыми изобиловал бюрократический Петербург.

В 1805 году, когда Жуковский и А. Тургенев поселились у Блудова, он был незаметным чиновником в Коллегии иностранных дел и жил не столько служебными, сколько литературными интересами. Получивший прекрасное образование, знающий новые и древние языки, Блудов был любителем и знатоком искусства, страстным театралом. Строгость его вкуса,

воспитанного на чтении античных и французских классиков, на изучении трудов теоретиков классицизма Буало и Лагарпа, создала ему непререкаемый авторитет в дружеском кругу. Литературные суждения Блудова долгие годы были для Жуковского вполне убедительными.

Поселившись у Блудова, Жуковский и А. Тургенев разделили скромный образ жизни с хозяином квартиры. Об этом со слов отца рассказала в своих мемуарах дочь Блудова — Антонина Дмитриевна: «Когда батюшка жил холостым в Петербурге, он получал очень скудное содержание, а натура его была русская, тароватая; и в два первые месяца у него выходила почти вся треть; он берег только ровно столько денег (по рублю на вечер), чтоб всякий день ходить в театр, который он страстно любил. Вместо же обеда, завтрака и ужина он со своими любимыми друзьями Жуковским и А. И. Тургеневым довольствовался мороженым с бисквитами у кондитера Лареды, где у него был открытый кредит. Эту кондитерскую я еще помню, в конце Невского проспекта, где-то за Полицейским мостом». Кондитерская швейцарца Лареда была расположена на Невском проспекте, в доме Вольно-экономического общества (ныне участок дома № 2, куда выходит крыло здания Главного штаба). «Эта лавка — одна из лучших кондитерских Петербурга,— отмечалось в очерке «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту»,— комнаты в лавке хорошо убраны, есть фортепиано, „Инвалид“, „Гамбургский корреспондент“, „Петербургские ведомости“». Здесь можно было провести время в дружеской беседе, почитать свежую газету, отдохнуть после скитаний по городу.

Нередко Жуковский, отправляясь по делам или с официальным визитом, надевал сюртук Блудова. Дядька Блудова любил рассказывать о том, как ему

приходилось подкармливать и самого барина, и его молодых друзей: «И частехонько, бывало, они, мои голубчики, приходят домой, когда я варю себе обед; проходят мимо и говорят: ах, Гаврило, как славно пахнет! Должно быть, хорошие щи. Я уж знаю; у меня и щей довольно, и приварок есть на всех, и они, бывало, так-то убирают! Видно, что голодные!»

Петербург начала 1800-х годов жил разносторонней культурной жизнью, с которой поэт стремился ближе познакомиться.

Жуковский питал особый интерес к изобразительным искусствам. Поэт с раннего детства обнаруживал незаурядные способности к рисованию. Альбом, карандаши, акварельные краски нередко сопровождали Жуковского в его поездках. В более поздние годы он брал уроки у профессиональных художников, учился нелегкому искусству гравирования. Изучал он и историю живописи. Мы не ошибемся, если назовем Эрмитаж первой из тех галерей, которые могли привлечь Жуковского в Петербурге. Для посещения Эрмитажа нужно было получить разрешение в дворцовой канцелярии. Человеку из «порядочного общества» это было нетрудно, и Жуковский смог увидеть многое из того, что составляло гордость Эрмитажа: картины Леонардо да Винчи, Джорджоне, Веласкеса, Пуссена, Дюрера, Рубенса, П. Брейгеля и других.

По описанию известного ученого-этнографа Георги, «великое множество живописных картин, скульптурных и других художественных произведений» имела и Академия художеств. В выставочные залы академии в конце июня — в дни ежегодно устраиваемых выставок — допускались все желающие. «И кроме сего времени,— добавляет Георги,— могут чужестранные или путешественники видеть все, испрося на то позволение начальников». В Академии художеств Жуковский мог

посмотреть картины Рубенса, Рембрандта, Дюрера, собрание древних греческих и римских статуй и бюстов, а также произведения русских художников и скульпторов — воспитанников и членов Академии художеств.

Хотя и не сохранилось конкретных документальных свидетельств, не приходится сомневаться в том, что Жуковский был частым посетителем театров. Петербургский театр, располагавший в эти годы многочисленными труппами (русской, французской, немецкой), был одним из лучших в России. В эти годы еще не произошло разделения театров на драматические и музыкальные. Трагедии и оперы, балеты и водевили шли на одной и той же сцене. Самым большим театральным зданием Петербурга был Большой театр, построенный еще в 1783 году архитектором Тишбейном. По описаниям старожилов, старое здание театра не отличалось красотой и благородством пропорций. Расположенный на месте нынешнего здания Консерватории (Театральная площадь, 3), Большой театр был излишне громоздким и плохо «вписывался» в пространство Театральной площади. В 1801 году перестройка его была поручена архитектору Тома де Томону.

В новом великолепном здании с огромным шестиярусным зрительным залом незадолго до приезда Жуковского, в ноябре 1804 года, состоялась премьера трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», явившаяся важнейшим событием в театральной жизни Петербурга. Жуковский, бесспорно, видел этот спектакль, с неизменным успехом шедший на сцене не только Большого, но и Малого театра. (Здание Малого театра, расположенное на нынешней площади Островского, было разобрано в 1832 году в связи со строительством Александринского театра.)

В этот свой приезд поэт познакомился и с автором пьесы, В. А. Озеровым. Драматург приходился двоюродным братом Д. Н. Блудову со стороны матери. Братья постоянно общались, и Жуковский смог ближе узнать Озерова. Уезжая в Москву, поэт обещал помочь драматургу, думавшему о постановке «Эдипа в Афинах» на московской сцене. Жуковский выправил список трагедии и передал его управляющему московским театром М. П. Волконскому. Премьера «Эдипа», прошедшая с большим успехом, состоялась в Москве осенью 1805 года.

Трагедии Озерова «Эдип в Афинах», «Фингал» (1805) и «Димитрий Донской» (1806) составили целую эпоху в русском театре и в отечественной литературе. Продолжая в своих произведениях лучшие традиции тираноборческой трагедии XVIII века, созданной Сумароковым, Княжниным и другими, Озеров выступил выразителем новых, предромантических веяний в русской театральной драматургии. Его пьесы связаны с миром живых человеческих переживаний и чувств. Героям Озерова в равной степени свойственны живая патетика глубоко личного, интимного чувства, возвышенность стремлений и напряженный накал гражданских и политических страстей. Пьесы В. А. Озерова, несмотря на исторические и античные костюмы его героев, были исполнены острых, злободневных намеков.

После триумфальной премьеры «Димитрия Донского», состоявшейся 14 января 1807 года, драматург принялся за создание новой пьесы на античный сюжет — «Поликсены». 14 мая 1809 года она была поставлена в Петербурге, а в сентябре 1809 года Жуковский запрашивал у А. Тургенева ее печатный текст: «Вышла ли Поликсена? Доставь ее мне поскорее. По дурной критике, напечатанной в *Цветнике* (петербургском журнале.— *Р. И.*), заключаю, что план этой

трагедии очень прост и отзывается древностию. Между приведенными стихами в пример есть прекрасные, но мало. Озеров с великим талантом и чувством».

Неудачно сложившаяся сценическая судьба «Поликсены» тяжело отозвалась на душевном состоянии Озерова. Имевшая успех трагедия была снята со сцены после двух представлений. Молва приписывала это интригам А. А. Шаховского, боявшегося чрезмерного возвышения драматурга. Но причины трагедии, постигшей Озерова, были более глубокими. Они крылись в острой борьбе вокруг его пьес, которая шла в театральных кругах. Остро переживал драматург и «неблаговоление» к новой пьесе Александра I, отказавшего театральной дирекции в ее просьбе о выплате автору полного гонорара. Озеров устранился от участия в театральной жизни. Тяжелая душевная болезнь прервала его литературную деятельность. Трагическая судьба В. А. Озерова впоследствии нашла отражение в стихотворном послании Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814). Здесь в романтическом ореоле воссоздан образ певца, погубленного завистниками. Оплакивая участь Озерова, Жуковский писал:

Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело...

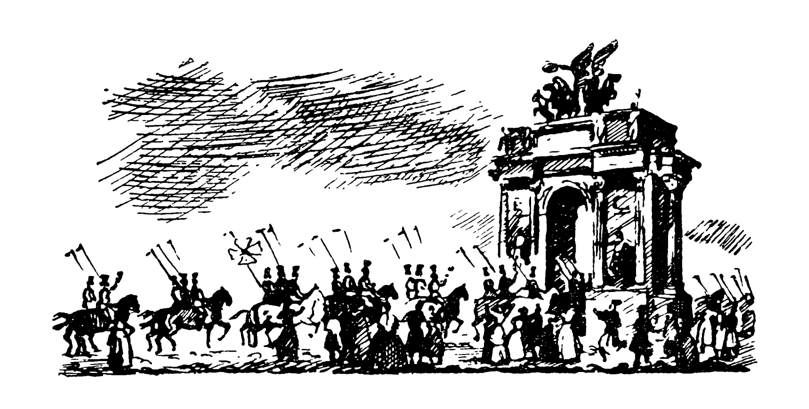
Мотивы этого стихотворения оживут впоследствии в замечательных стихах Лермонтова «Смерть поэта», посвященных трагической гибели Пушкина.

Весенняя поездка в Петербург оставила заметный след в биографии Жуковского. Она пробудила у него широкий интерес к разнообразным сферам культурной жизни, жажду новых впечатлений. «Белевское уединение» становилось тесным: поэта звал большой мир.

Блудов и А. Тургенев, поступивший на службу, звали Жуковского в столицу, подыскивая место и ему. Возникающие предложения служили предметом оживленной дружеской переписки. В ответ на одно из таких приглашений Жуковский в письме к А. Тургеневу от 17 января 1807 года спрашивал друзей: «Нет ли у вас, например, какого-нибудь библиотекарского места с хорошим жалованьем, и вообще я бы желал места по части просвещения». Письмо заканчивается откровенным признанием, почему переезд в Петербург в эти годы не состоялся: «По-настоящему, если бы нашлась хорошая должность в Москве с хорошим жалованием, то мне бы выгоднее остаться в Москве; мои родные все здесь, и сверх того, моя матушка могла бы жить со мною».

Дружеская переписка 1805—1807 годов показывает, что Жуковский все яснее сознавал необходимость быть как можно ближе к центрам культурной жизни России. Переход от поры самообразования к поре творческой зрелости побуждал поэта к более активному участию в процессе формирования новой литературы. Предстояло сделать выбор между Петербургом и Москвой. Поэт, однако, колеблется. С Москвой связаны его прошлое и настоящее. Но в думах о будущем все чаще возникал Петербург.

„ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ“

В 1807 году Жуковский получил предложение принять на себя обязанности издателя и редактора московского журнала «Вестник Европы», созданного Карамзиным еще в 1802 году. Позднее Карамзин передал свои издательские права М. Т. Каченовскому, при котором журнал начал приходить в упадок. В 1807 году этот редактор, снискавший себе репутацию отъявленного консерватора, решил вовсе отказаться от издания журнала. Стремясь вернуть «Вестнику Европы» его прежнее значение, Карамзин обратился за помощью к Жуковскому. Вскоре начались переговоры с поэтом, о которых мы узнаём из его письма к Александру Тургеневу. «Хочу выдавать на будущий год „Вестника Европы“, — информирует Жуковский друга.— Теперь начинаю готовить пиесы... не худо будет, если ты постараешься помочь мне». И вот к петербургским друзьям идут подробные письма о планах издателя.

В Москве поэт оказывается в самом центре напряженной общественно-литературной борьбы, разгоравшейся в 1800-е годы между сторонниками Карамзина и их противниками, объединившимися вокруг известного петербургского консерватора и литературного старовера адмирала А. С. Шишкова. В начале 1800-х годов центром «карамзинизма» была Москва. Здесь, вблизи Карамзина и Дмитриева, образовался тесный и сплоченный кружок молодых литераторов, разделявших их общественно-литературные взгляды и эстетические принципы, в который входили П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин (дядя будущего поэта), позднее К. Н. Батюшков и другие. Сторонники Карамзина выступали за обновление литературного русского языка, за приближение его к нормам речи современных образованных людей. В соответствии с новыми требованиями жизни карамзинисты ратовали за развитие литературных жанров, близких и понятных современному читателю,— повестей, лирических песен, дружеских посланий. Их противники защищали незыблемость отживших к тому времени принципов классицизма, строгую иерархию жанров, теорию «трех штилей». Наиболее развернутые возражения Карамзину и его сторонникам дал А. С. Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803), которое вызвало ожесточенную полемику по вопросам развития литературного языка. Под предлогом сохранения национальных традиций шишковисты стремились воскресить мертвый старославянский язык, предлагая положить его в основу современного литературного языка. Резко критикуя Карамзина и его сторонников, Шишков восхищался одами Ломоносова, языком старинных книг, Библией. Вопрос о путях развития отечественной литературы породил в эти годы острую идейную борьбу.

В эти годы крепнут и расширяются дружеские и литературные связи Жуковского с московскими карамзинистами. Завязывается знакомство с высококультурным семейством С. Л. Пушкина, где подрастал будущий поэт Александр Пушкин, в судьбе которого Жуковскому было суждено сыграть важную роль.

Жизнь в Москве стала для Жуковского началом творческого самоопределения. От произведений, отмеченных печатью подражания Карамзину,— прозаических повестей вроде «Марьиной рощи» и «Трех поясов», от стихотворений, в которых молодой поэт выступает последователем Дмитриева, Жуковский переходит к элегии, романсу, песне. Он находит собственные темы, создает индивидуальный литературно-поэтический слог, который позднее Пушкин назовет «образцовым». «Вечер» (1806) явился первым в русской поэзии образцом элегии нового типа, проникнутой тонким лиризмом, глубоко раскрывающим внутренний мир личности. Ее появление знаменовало новый, романтический этап в творчестве Жуковского.

В 1808 году на страницах «Вестника Европы» появилась его первая баллада — «Людмила». Она открыла новую оригинальную страницу в истории русской поэзии. Воображение читателей поразили фантастические персонажи и коллизии, «мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною», «бешено-страстная Ленора со скачущим трупом любовника»... В литературу вошли небывалые еще образы, новые темы, особое видение мира. Мемуарист Ф. Ф. Вигель утверждал от лица читающей публики, что Жуковский «создал нам новые ощущения, новые наслаждения». «Вот и начало у нас романтизма»,— писал он.

Появившиеся вслед за «Людмилой» многочисленные переводные и оригинальные баллады Жуковского — «Светлана» (1808— 1812), «Кассандра» (1809),

Рисунок А. Воейковой к балладе Жуковского «Людмила». *Публикуется впервые.*

«Эолова арфа» (1814), «Ахилл» (1814) определили пути, по которым позднее пойдет творческое развитие поэта-романтика.

Жуковскому принадлежит важная роль и в развитии гражданской лирики. Опираясь на лучшие традиции высокой патриотической поэзии Ломоносова и Державина, Жуковский в противовес оде, уже выродившейся в творчестве эпигонов классицизма, вводит в русскую поэзию героическую песню и военный гимн.

Жуковский не стоял в стороне от больших общественно-исторических событий своей эпохи. Судьбы родины всегда волновали поэта и получали отзвук в его творчестве. Участие России в антинаполеоновских войнах 1805—1807 годов, вызвавшее подъем патриотических чувств во всем русском обществе, сообщило высокий гражданский пафос лирике Жуковского.

На поражение союзных войск под Аустерлицем Жуковский откликнулся созданием «Песни барда над гробом славян-победителей» (1806). Используя мотивы и образы популярной тогда поэзии Оссиана — легендарного древнешотландского барда, от имени которого издал свои поэмы английский предромантик Д. Макферсон, Жуковский запечатлел чувства своих соотечественников. В чеканных, торжественных ритмах поход-

В. А. Жуковский. *Рисунок неизвестного художника. 1810-е гг. Публикуется впервые.*

ного марша, в «плаче» над гробом павших русских воинов предугадывается будущий автор патриотического отклика на события 1812 года — «Певца во стане русских воинов».

В одном из дружеских писем 1806 года А. Тургеневу поэт говорил о невозможности в условиях угрожающей России военной агрессии со стороны Наполеона творить в прежнем духе. О своих лирических «пиесах» он пишет: «...я смешон бы был, когда б хлопотал об них или занимался сочинением басен в такое время, каково настоящее». Его в равной мере волнуют и «военные известия», и события внутренней жизни России. Он видит, какое впечатление произвел на народ правительственный манифест от 30 ноября 1806 года о создании ополчения — «милиции» — для предстоящей борьбы с Наполеоном.

Критикуя авторов манифеста за «риторику» и «ложный пафос», Жуковский отмечает, что народ воспринял в этом документе лишь известие о внеочередном и разорительном рекрутском наборе. По мнению поэта, «простому люду» необходимо объяснить смысл и назначение манифеста в доступной, понятной форме.

Несмотря на умеренность конечных выводов, письмо Жуковского — свидетельство значительной гражданской его смелости и яркий документ в истории развития русской общественной мысли 1800-х годов. Намекая на возможную перлюстрацию письма, Жуковский, как он пишет, осмеливался «вверить почте» рассуждение о том, что чувство патриотизма в его официальном, правительственном понимании чуждо простому народу. «Причина очевидна»,— пишет Жуковский, явно намекая на крепостное право.

Сложившаяся политическая ситуация требует консолидации всех сословий в борьбе с Наполеоном. Жуковскому она кажется подходящей «для дарования многих прав крестьянству, которые бы приблизили его несколько к свободному состоянию, которого наш государь так сильно, кажется мне, желает: первый шаг труден,— и для сделания сего шага нужен нам непременно повод, а теперешний случай может почесться весьма сильным поводом».

Мнение о том, что «государь» желает освобождения крестьян, было одной из широко распространенных иллюзий начала XIX века. Крепостное право было одним из самых острых противоречий российской действительности XVIII—XIX веков. Опасаясь народного возмущения — «новой пугачевщины», Александр I предпринял попытку некоторого урегулирования крестьянского вопроса. Она свелась, однако, к дебатам в так называемом «Негласном комитете», которому была поручена выработка проекта будущих реформ. Никаких ощутимых, практических результатов эта попытка не принесла, и положение крепостных крестьян продолжало оставаться тяжелым, безвыходным. Однако это стало вполне ясно значительно позднее. В самом же начале XIX века сторонники отмены крепостного права в России, к которым при-

надлежали Жуковский и многие из его ближайших друзей — братья Тургеневы, А. Кайсаров и другие,— верили в возможность разрешения крестьянского вопроса «сверху».

Гуманные убеждения и патриотические настроения Жуковского не могли не сказаться и на его литературных взглядах. Поэт отводил искусству важную роль в воздействии на общественное мнение, в воспитании патриотических и гражданских чувств. Эти идеи были положены Жуковским в основу новой программы «Вестника Европы», к изданию которого он приступил в 1808 году.

В цикле литературно-критических статей и заметок «Писатель в обществе», «Письмо из уезда к издателю», «О критике», «О нравственной пользе поэзии» Жуковский выступил как прогрессивный критик, стремившийся к распространению просвещения и сближению литературы с насущными требованиями времени. На страницах своего журнала Жуковский поднял голос в защиту бесправного положения крепостных. Появлением в печати очерка «Печальное происшествие, случившееся в начале 1809 года» (о трагической участи крепостной девушки Лизы) «Вестник Европы» откликнулся на проблему крепостного права, волновавшую передовую общественную мысль 1800-х годов. Несмотря на умеренность политической позиции Жуковского, считавшего, что вопрос об отмене крепостного права должно решить правительство, очерк его содержал яркий материал, свидетельствующий о необходимости ограничения деспотического произвола помещиков-крепостников.

Среди забот, связанных с изданием журнала, не порываются теснейшие связи поэта с петербургскими друзьями, с которыми Жуковский состоял в оживленнейшей переписке. Одно из писем к А. Тургеневу

говорит о намечавшейся поездке в Петербург. «Через две недели, любезный друг, а много через три, надеюсь тебя увидеть. Приготовь мне, если можно, угол в своей горнице. Однако прежде напиши, будет ли у тебя место. Ведь ты живешь теперь с Блудовыми. О причине моего прибытия в Петербург узнаешь тогда, когда увидимся: что бы ни вышло, мы проживем вместе месяц или два»,— сообщает поэт другу 10 февраля 1809 года.

Адрес петербургской квартиры, где остановился Жуковский, выясняется из писем Н. И. Тургенева брату Александру, адресованных в 1809—1810 годах в «Итальянскую слободку, в дом его высокоблагородия Петра Ивановича Путятина» (родственника братьев Тургеневых). Двухэтажный дом (первый этаж — каменный, второй — деревянный) находился на углу Шестилавочной и Малой Итальянской улиц (он не сохранился).

Причиной, заставившей Жуковского решиться на эту внезапную поездку в Петербург, была скорее всего неожиданно появившаяся возможность определиться наконец на службу. Но хлопоты друзей, по-видимому, не принесли желаемого результата. Через год с небольшим Жуковский пишет А. Тургеневу, отказываясь от новой попытки: «Нет, я не поеду: не сделаю той глупости, которую вздумал было в начале последнего года сделать».

В 1811 году Жуковский отклонил также и предложение С. С. Уварова, ставшего крупным чиновником — попечителем петербургского учебного округа. Он хлопотал для Жуковского место в Педагогическом институте в Петербурге. Многочисленные служебные проекты петербургских друзей потерпели неудачу, и самую мысль о службе в столице Жуковский оставляет на несколько лет.

Журнальная деятельность не могла в полной мере удовлетворить Жуковского, он стремился к творческой работе, а журнал отнимал много времени и сил. Это заставило поэта сначала прибегнуть к сотрудничеству прежнего издателя журнала М. Т. Каченовского, а затем полностью передать ему свои обязанности. После ухода из «Вестника Европы» в 1811 году поэт возвращается в родные места, где за время его отсутствия произошли большие изменения. Почти одновременно, в течение мая 1811 года, умерли сначала М. Г. Бунина, а затем и мать поэта Елизавета Дементьевна. Переехали из Белева в Муратово (небольшое имение, расположенное в Орловской губернии) Протасовы. Жуковский помогал Екатерине Афанасьевне в хлопотах по постройке дома в Муратове, а сам поселился в купленной им соседней деревеньке, которую поэтически именовал «мой Тускулум». Подросли и стали совсем взрослыми бывшие ученицы Жуковского — дочери Е. А. Протасовой. Его чувство к старшей из них — Марии Андреевне Протасовой — натолкнулось на непреодолимое препятствие: предрассудки и непреклонный деспотизм матери Маши.

Жуковский, однако, не терял надежды, что со временем ему удастся убедить Екатерину Афанасьевну изменить свое решение, и лелеял планы будущей счастливой жизни в кругу семьи, среди мирных занятий поэзией. Он подружился в это время с Плещеевыми, имение которых Чернь находилось в сорока верстах от Муратова. Александр Алексеевич Плещеев происходил из весьма образованной семьи. Его родителям Н. М. Карамзин посвятил свои «Письма русского путешественника». Плещеев был известен в литературных кругах Москвы и Петербурга своими многочисленными талантами. Ему принадлежала музыка романсов на стихи Жуковского, которые часто

М. А. Протасова. *Рисунок Жуковского. 1811 г.*

исполнялись в Черни и в Муратове. Пела обычно Анна Ивановна Плещеева, обладавшая прекрасным голосом. Нередко, воодушевленный присутствием Марии Андреевны, свои романсы исполнял и сам поэт.

В то время на Россию надвигалась «гроза двенадцатого года»: 24 июня французские войска, перейдя Неман, вторглись в пределы страны. Уже пылали русские города и села, а в орловских имениях еще текла мирная жизнь.

3 августа в Черни отмечались именины хозяйки дома. Жуковский спел положенный на музыку Плещеевым романс «Пловец», в котором Екатерина Афанасьевна усмотрела намек на чувства поэта к ее дочери. Жуковскому пришлось немедленно покинуть Муратово.

Впрочем, это было неизбежно: решение вступить в народное ополчение созрело еще раньше, при обнародовании манифеста о создании ополчения для защиты отечества. Уже 10 августа Жуковский в Москве был зачислен в резерв в звании поручика. В час испытания, нависшего над родиной, поэт вместе со всем своим народом встал на ее защиту. Жуковскому не пришлось принять непосредственного участия в Боро-

динском сражении, однако он с волнением следил за военными действиями. Много лет спустя Жуковский написал воспоминания об этом дне.

При отступлении русской армии из Москвы Жуковский встретился со старым своим товарищем А. С. Кайсаровым, который заведовал походной типографией Главного штаба. Вокруг нее в тяжелые и тревожные месяцы осени 1812 года группировались передовые офицеры, патриоты. Здесь, вблизи театра военных действий, складывалось представление о «народной войне», противостоящее официально-монархической точке зрения. В окружении Кайсарова была высоко оценена и получила полную поддержку стратегия и тактика М. И. Кутузова, ставшего в августе 1812 года главнокомандующим. А. Кайсаров помог поэту определиться на службу при Главном штабе, где тот близко наблюдал знаменитого полководца. После сражения под Красным он посвятил Кутузову стихотворение «Вождю победителей». Напечатанное в виде листовки в походной типографии А. Кайсарова, оно разъясняло смысл военной тактики замечательного полководца.

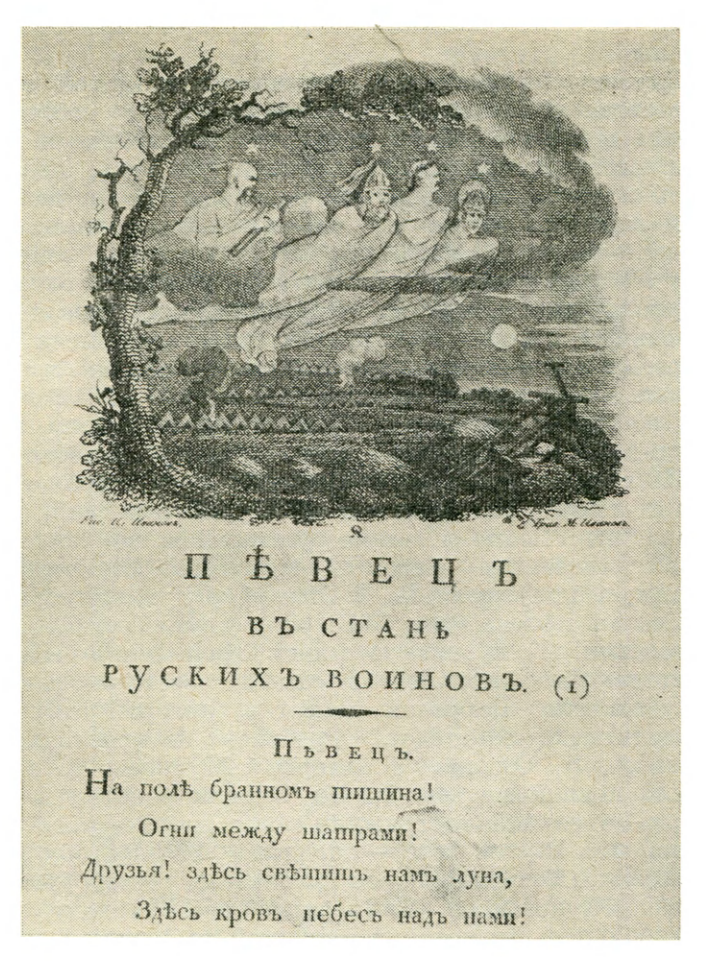
Жуковский принимал участие и при составлении рапортов и донесений главнокомандующему. Эти документы, написанные с блестящим мастерством, заслужили одобрение Кутузова. Правда, главнокомандующий считал автором их генерала Скобелева, который, не оговаривая вопроса об авторстве, подавал эти рапорты от своего имени.

Вместе со всей армией Жуковский прошел путь от Москвы к Тарутину и далее — к Красному, разделив с нею все опасности и тяжелые испытания. В Тарутинском лагере (при короткой передышке в военных действиях) Жуковский создал прославившее его стихотворение «Певец во стане русских воинов». Стихотворение содержало оценку событий Отечественной войны

1812 года не в правительственно-монархическом духе, а в духе передовых идей времени. В нем упоминаются цари и «святая вера», однако в общей картине, нарисованной поэтом, они отступают на второй план. Александру I посвящена в стихотворении всего одна строфа, далекая по своему тону от каких-либо неумеренных восхвалений.

Поколение Жуковского, пережившее события войны 1812 года, с особенной силой и глубиной ощутило общность своей личной судьбы с историческими судьбами России и народа. Эта слитность общего и частного в едином патриотическом порыве ярко отражается в «Певце во стане русских воинов».

Избранная Жуковским поэтическая форма застольной военной песни, условно-архаическая окраска образов и картин восходят к Оссиану. Однако в основе стихотворения лежат реальные события Отечественной войны 1812 года. Поэтическая формула, провозглашенная Жуковским — «Певцы — сотрудники вождям», содержит новое понимание роли поэта как выразителя чувств и стремлений народа, поднявшегося на защиту своего отечества. Поэтические тосты певца: за славных предков, великих полководцев — Святослава, Дмитрия Донского, Петра I, Суворова, за «родину святую», за героев идущей войны, и живых и павших во славу России,— раскрывают глубину патриотического чувства, пронизывающего произведение. Родина — это и замечательное историческое прошлое, и вся Россия с ее необъятными просторами, и одновременно тот малый кусочек родной земли, где родился и вырос каждый русский человек: это его близкие, друзья. Для самого поэта с родиной связаны и детские воспоминания о «златых играх первых лет», и священный круг друзей, и светлое чувство к любимой, и радость поэтического творчества. В этом смысле переживания

ПѢВЕЦЪ

ВЪ СТАНѢ

РУСКИХЪ ВОИНОВЪ. (1)

Пѣвецъ.

На полѣ бранномъ тишина!
Огни между шатрами!
Друзья! здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами!

«Певец во стане русских воинов». Виньетка ко второму изданию стихотворения. *Рисунок И. Иванова, гравированный М. Ивановым.*

поэта — это переживания подлинного патриота своей страны.

Глубоко лирическая трактовка гражданской темы сочетается у Жуковского со стремлением поставить личное в связь с общенациональным. Глубина и масштабность в изображении войны 1812 года, искренность и непосредственность переживаний и настроений лирического героя — современника великих событий — делают «Певца во стане русских воинов» одним из наиболее значительных произведений русской патриотической лирики. Стихотворение, рожденное в военном лагере под аккомпанемент ружейных выстрелов и пушечных залпов, оказалось лучшим стихотворным памятником «российской славы» 1812 года. Оно во множестве списков разошлось по России, пробуждая любовь к отчизне, мужество, веру в победу.

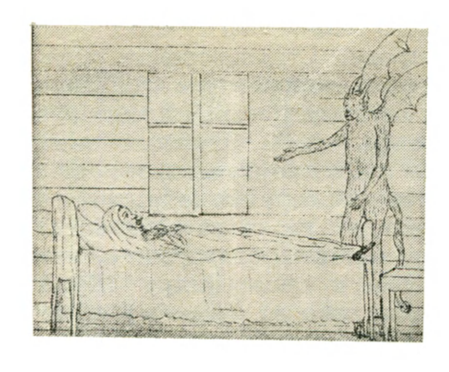
Поэт придавал особое значение этому произведению и продолжал снова и снова работать над ним. Появление «Певца во стане русских воинов» на страницах «Вестника Европы» принесло Жуковскому огромную популярность. В Петербурге стихотворение вышло на протяжении 1813 года двумя отдельными изданиями. К художественному оформлению «Певца во стане» были привлечены самые известные граверы и художники. Набросок виньетки, которой открывалось стихотворение, сделал президент Академии художеств А. Н. Оленин, с которым Жуковскому предстояло познакомиться ближе. Оленин работал и над оформлением нового гражданско-патриотического стихотворения Жуковского — послания «Императору Александру». Об издании его хлопотали петербургские друзья Жуковского. Написанное в 1814 году, оно с наибольшей полнотой и глубиной раскрывает общественно-политическую программу поэта. Обращение к царю лишь повод для выражения раздумий русского

поэта, перед взором которого только что прошла яркая страница истории его народа. Стихотворение исполнено сознания великого исторического значения 1812 года и заграничных походов русской армии. Тон его возвышен и благороден. А. С. Пушкин писал о нем: «Так, мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы... Прочти послание к Александру Жуковского... Вот как русский поэт говорит русскому царю».

Тема родины и ее замечательного прошлого будет и в дальнейшем неизменно пробуждать творческое вдохновение Жуковского.

Болезнь помешала Жуковскому принять участие в победных походах русской армии, освободившей свою страну и Западную Европу от наполеоновского ига. После сражения под Красным поэт слег в жестокой горячке. Однако от мысли вновь вернуться на военную службу Жуковский еще не отказался. Узнав об этом намерении поэта, А. Тургенев писал ему из Петербурга в Муратово: «Не знаю, нужно ли тебе ехать опять в армию, ибо не знаю, какую пользу ты там принести можешь службе и себе. Отечество ожидает от тебя другого»; «Тебе нельзя оставаться и в деревне, ибо там можешь ты с трудом совершенствоваться, и Москвы нет уже более, или, по крайней мере, долго не может она служить убежищем для твоих талантов». В этих словах выразилось представление о Жуковском как о национальном поэте, прошедшем вместе со своим народом тяжелые испытания и отныне призванном служить ему прежде всего своим творчеством.

В Петербурге понемногу собирался прежний дружеский круг, рассеянный событиями 1812 года. Возвра-

Карикатура на Жуковского из серии «14 иллюстраций к сатире Воейкова „Дом сумасшедших"». *Публикуется впервые.*

щаются Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, К. Н. Батюшков. Понемногу налаживалась мирная жизнь с ее будничными заботами. Отвечая А. Тургеневу, Жуковский писал 20 мая 1813 года: «Ты зовешь меня в Петербург. Я и сам, милый друг, ничего так не желаю, как тебя видеть. Но теперь невозможно. Я обеднел совершенно. Мой поход стоит мне половины моего капитала, о котором, однако, я не жалею. Для путешествия в Петербург нужны деньги. Сверх того мне нужно всем снова запасаться, даже платьем, ибо у меня все почти распропало. А в долги входить опасно. Итак, я принужден отложить мое свидание с тобою до приведения в большее устройство моих скудных финансов. Ты говоришь, что мне нельзя оставаться в деревне... Здесь буду и могу писать более, нежели где-нибудь». Осознавая свою возросшую ответственность, поэт заявляет: «Вся моя деятельность должна ограничиться авторством, а служба совсем меня не прельщает». Однако он не может не думать «о куске хлеба» в будущем. Поэт снова и снова возвращается к мысли о переезде в Петербург.

Дружеская переписка Жуковского 1813—1815 годов исполнена опасений по поводу той жизни, которая ожидает его в столице. Поэт страшился в сутолоке и суете петербургской жизни утратить способность

к работе, требующей уединения и душевного спокойствия; боялся, поступив на службу, потерять личную и общественную независимость.

Но жизнь в сельском уединении подходила к концу. В ноябре 1813 года в Муратово по приглашению Жуковского приехал старый его друг А. Ф. Воейков. Поэт и переводчик, близкий к литературным кругам Жуковского, Воейков был автором нашумевшей сатиры на литературные нравы «Дом сумасшедших», в которой язвительно высмеял не только своих противников, но и друзей. Досталось в ней и «балладнику» Жуковскому:

Вот Жуковский: в саван длинный
Спутан, лапочки крестом,
Ноги вытянувши чинно,
Черта дразнит языком.

Воейков, подобно Жуковскому, был участником Отечественной войны, долго скитался по России, многое повидал на своем веку. Обладая даром увлекательного рассказа, язвительным, насмешливым складом ума, экспансивностью и чувствительностью, Воейков сумел, несмотря на свою внешнюю непривлекательность, произвести сильное впечатление и на Екатерину Афанасьевну Протасову, и на ее дочерей, особенно на младшую из них — Александру Андреевну, поэтически прозванную Жуковским Светланой. Поэт надеялся на помощь приятеля, которого посвятил в свои планы. Однако беспринципный Воейков быстро понял сложившуюся ситуацию и, стараясь снискать благоволение Екатерины Афанасьевны, принял ее сторону.

Непривлекательные черты облика Воейкова раскрылись Жуковскому в полной мере лишь впоследствии, уже после того как тот стал мужем Александры

Андреевны, сыграв мрачную роль в жизни этой одаренной женщины.

Замужество Александры Андреевны летом 1814 года резко переменило семейные планы Протасовых. По просьбе поэта петербургские друзья исхлопотали Воейкову место профессора русской словесности в Дерптском университете, одном из лучших учебных заведений того времени.

В начале 1815 года Воейковы и Протасовы, а вслед за ними и Жуковский, отправились в Дерпт. Наступал новый важный этап в жизни поэта.

НЕ ЖИТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ НЕЛЬЗЯ

В марте 1815 года Жуковский приехал в Дерпт (ныне Тарту), не заежая в Петербург, где его давно ожидали друзья. Поэт торопился к родным и был уверен, что старые товарищи позаботятся о его сочинениях, которые он намеревался издавать в Петербурге, собираясь приехать туда при первой же возможности.

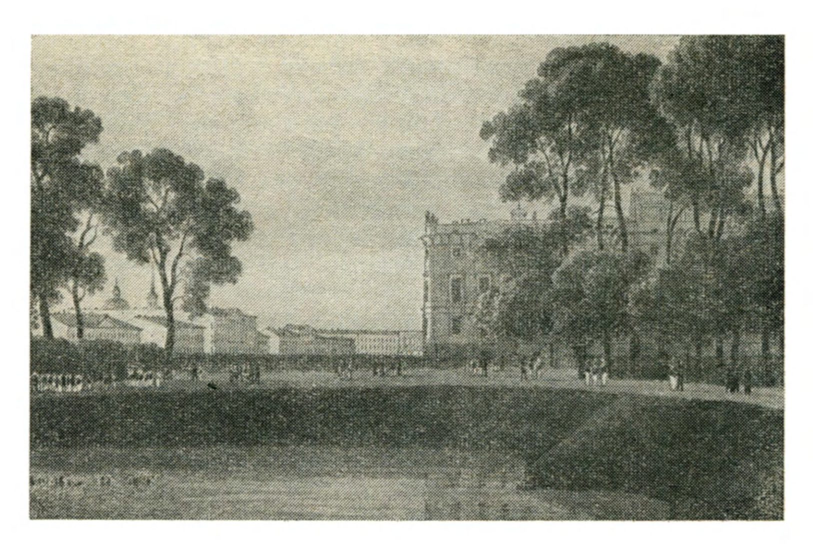
Дерпт был тесно связан со столицей. Через него проходила почтовая дорога, ведущая из Петербурга в северо-западные губернии России и Польшу. Через этот город обычно проезжали русские путешественники, отправляясь за границу. Поэту предстояло провести здесь около двух лет, пока не решилась окончательно его судьба. Это были очень нелегкие, порою трагические и вместе с тем важные для него годы. Они были заполнены напряженной творческой работой и тяжелыми переживаниями. Жуковскому так и не

удалось сломить сопротивления Е. А. Протасовой и добиться согласия на брак с Машей. Чувство к Маше удерживало поэта в Дерпте, между тем обстоятельства требовали незамедлительного появления в Петербурге. В метании между Дерптом и Петербургом прошло около двух лет, что дало право поэту с горькой иронией писать 18 февраля 1816 года И. И. Дмитриеву о своей «страннической или странной жизни».

«Странствия» начались уже в мае 1815 года. Приехав в Петербург в ночь с 3 на 4 мая, Жуковский поселился у Александра Тургенева, жившего в просторной и светлой квартире, которую предоставил ему в своем доме видный петербургский сановник А. Н. Голицын. Впоследствии реакционный министр народного просвещения и обер-прокурор Синода, он в молодости был дружен с И. П. Тургеневым. Привязанность к нему он перенес на его сыновей, оказывая им на первых порах помощь и покровительство.

Дом Голицына с некоторыми изменениями сохранился до наших дней (его нынешний адрес: Фонтанка, 20). Трехэтажный особняк, украшенный колоннами и фронтоном, находился в одном из живописнейших уголков Петербурга. «Живу очень просторно с Тургеневым. Половина верхнего этажа состоит в нашем непосредственном владении; у меня четыре больших комнаты; из одной прекрасный вид на Фонтанку и на Михайловский замок и на Летний сад»,— писал поэт Плещеевым и А. П. Киреевской.

Это была та самая квартира, которая позднее стала местом дружеских встреч передовой, революционно настроенной молодежи, группировавшейся вокруг Николая Тургенева. Здесь в 1817 году часто бывал А. С. Пушкин. «Прекрасный вид» на замок, которым восхищался Жуковский, для молодого Пушкина — «пустынный памятник тирана» в оде «Вольность», на-

Летний сад и Михайловский замок. *Литография А. Мартынова. Около 1820 г.*

писанной, по воспоминаниям современников, в этой квартире.

«Забвенью брошенный дворец» — Михайловский замок, построенный Бренна (по проекту В. И. Баженова),— был последней резиденцией Павла I. Оставленный царской семьей вскоре после убийства Павла I, дворец этот использовался для размещения некоторых обществ и учреждений. Вплоть до 1823 года, когда на его территории начались под руководством К. Росси реконструкционные работы, он сохранял облик уединенного замка-крепости, окруженного со всех сторон водой: двумя каналами, впоследствии засыпанными, и речками Фонтанкой и Мойкой. На своеобразный

остров, образованный ими, можно было попасть, только перейдя подъемные мосты. Перед зданием дворца, обращенным главным фасадом к парадной площади Коннетабля, был установлен памятник Петру I (работы К.-Б. Растрелли). Вблизи Михайловского замка расположен Летний сад. Из окон квартиры Тургеневых вдали виднелись контуры деревьев, аллеи, живописные группы посетителей. Летний сад был местом публичных гуляний, отдыха и разнообразных встреч.

Вечером 6 мая, в честь приезда Жуковского, у Тургеневых собрались молодые люди — друзья и знакомые: одни, чтобы встретиться со своим давним товарищем, другие, чтобы познакомиться с известным поэтом. Память одного из присутствующих, Ф. Ф. Вигеля, сохранила для нас интересные подробности этого вечера.

После театра, где вечером 6 мая состоялась премьера трагедии Расина «Ифигения в Авлиде», Вигель вместе с ее переводчиком М. Е. Лобановым, Н. И. Гнедичем и И. А. Крыловым явились к Тургеневу. Следовало ожидать, что разговор обратится к премьере, но этого не произошло. «На Жуковском сосредоточивались все любопытные и почтительные взоры присутствовавших: он был истинным героем празднества»,— отметил Вигель.

В этот день состоялось знакомство Жуковского со знаменитым баснописцем Крыловым. Поэт всегда высоко ценил творчество этого непревзойденного мастера. Недаром перу Жуковского принадлежала одна из лучших статей о Крылове, появившаяся еще в 1809 году — «О басне и баснях Крылова». Теперь же он получил возможность ближе узнать Крылова, личность которого уже при первом знакомстве поразила поэта своим удивительным своеобразием. «Крылов —

тонкий человек под видом добродушного медведя»,— сообщил Жуковский Плещеевым.

С начала 1800-х годов Крылов постоянно жил в Петербурге, занимая видное место в петербургских литературных и театральных кругах. Тесные дружеские отношения связали Крылова с поэтом и переводчиком Гнедичем, известным знатоком классического театра, учившим знаменитую Семенову декламации. Оба они служили в Публичной библиотеке, расположенной на углу Невского и Садовой улицы. Столь непохожие друг на друга своими вкусами и жизненными привычками, Крылов и Гнедич были литераторами-единомышленниками. Их дружба упрочилась еще больше, когда оба они поселились в одном из зданий библиотеки, выходившем фасадом на Садовую улицу. Этот старинный трехэтажный дом сохранился до нашего времени без изменений. Во времена Жуковского нижний этаж был занят книжными лавками; квартира Крылова была расположена во втором этаже; Гнедич поселился над Крыловым, в третьем этаже. Бывая в Петербурге, Жуковский не раз посещал этот дом, особенно подружившись с Гнедичем. Познакомились они в Москве через К. Н. Батюшкова, одного из ближайших друзей Гнедича. Будущий переводчик «Илиады», строгий «классик», Гнедич приветствовал в одной из своих критических статей (1816) «любезного творца Светланы», романтика Жуковского.

Уже на первом вечере у Тургенева наметился примерный круг лиц, с которыми Жуковский особенно сблизился. Кроме Крылова и Гнедича, старых друзей Александра Тургенева и Блудова, в их число вошел Д. В. Дашков, совмещавший чиновничью службу с занятиями литературой.

В дружелюбной обстановке, царившей на вечере у Тургенева, застенчивый от природы Жуковский

чувствовал себя свободно, внося сердечную простоту и беззаботную доверчивость в отношения с окружающими, которые в свою очередь отвечали ему искренней симпатией.

Наблюдательный Ф. Ф. Вигель обратил внимание на одного из гостей — «молодого еще человека», С. С. Уварова, который, щеголяя любезностью, всякого рода успехами и французскими стихами «старался брать первенство перед находящимися тут ровесниками своими, и его откровенное самодовольство несколько смирялось только перед остроумием Блудова и исполненным достоинства разговором Дашкова». Простодушный и открытый Жуковский в оценке этого человека был осторожен. «Связь» с Уваровым «еще не имеет для меня самого надлежащей определенности»,— отмечает он. В те годы, когда многие из друзей Жуковского лишь начинали свою служебную деятельность, Уваров был уже весьма преуспевающим чиновником, карьере которого способствовала женитьба на дочери графа А. К. Разумовского, бывшего министром народного просвещения до назначения на этот пост А. Н. Голицына. Обширные светские связи и значительное состояние жены открыли Уварову путь в высшие административные круги. Впоследствии он стал одним из реакционнейших николаевских министров, гонителем передовой литературы и личным врагом Пушкина.

Но в середине 1810-х годов позиция Уварова еще не в полной мере определилась. Он был известен главным образом как критик, знаток античной литературы. Уваров был автором известного «Письма к Н. И. Гнедичу о греческом гексаметре». Позднее он помогал Батюшкову делать переводы из греческой антологии. Стремясь быть справедливым, Жуковский ценил в нем ум, широкую образованность и знание

древних и европейских языков. Близость к Жуковскому могла дать тщеславному Уварову возможность укрепиться в литературных кругах. Со своей стороны Уваров стремился приблизить поэта ко двору. Это при его прямом участии состоялось представление Жуковского вдовствующей императрице Марии Федоровне. Аудиенция была назначена в Зимнем дворце. И снова, как в годы юности, поэту пришлось занимать у «добрых приятелей мундирную пару...».

Жуковский был благодарен тем, кто принимал участие в устройстве практической стороны его жизни. Выйдя в отставку в декабре 1814 года в чине штабс-офицера (который упомянут А. С. Пушкиным в шуточном экспромте 1818 года, обращенном к «Штабс-капитану, Гёте, Грею...»), Жуковский постоянно нуждался в заработке. Однако старания приятелей доставить поэту какое-либо место на придворной или государственной службе встречали его глубокое внутреннее сопротивление, возраставшее по мере знакомства с укладом петербургской жизни.

Находясь в Петербурге, Жуковский особенно остро ощутил поразительный контраст между величественной красотой города и убийственной прозой и сухостью его жизненного уклада. О жителях Петербурга он замечает, что «это мумии, окруженные величественными пирамидами, которых величие не для них существует». Письма поэта, относящиеся к этому времени, наполнены жалобами на бездушие атмосферы, царящей в чиновно-бюрократическом и великосветском Петербурге, в котором человек оказывается затянутым в омут мелочных забот о служебной карьере, чинах, приобретении веса в обществе. Близкое знакомство с бытом петербургских чиновников приводит его к убеждению: «Надобно все видеть здесь вблизи,

чтобы увериться, что служить для пользы невозможно», что «быть полезным — это химера», которая только в Белеве кажется «чем-то существенным, здесь ее иметь невозможно». Так окончательно рассеивается одна из долголетних иллюзий Жуковского о возможности совмещать в Петербурге службу с занятиями литературным творчеством.

Пребывание в столице имело, конечно, привлекательную для Жуковского сторону: здесь, как нигде в России, ощущалось живое дыхание эпохи, наполненной событиями большой исторической важности, напряженно пульсировала умственная жизнь, шла глубокая внутренняя работа.

В послевоенные годы вызревали и складывались оппозиционные настроения в среде передового дворянства, опиравшиеся на растущее возмущение крестьян феодально-крепостническим угнетением. Русский народ, освободивший Европу от ига Наполеона, сам продолжал оставаться в рабстве. В стране усиливалось недовольство внешней и внутренней политикой Александра I, приобретавшей все более реакционный характер. Впоследствии декабрист И. Д. Якушкин писал, что «в это время свободное выражение мыслей было принадлежностью не только всякого порядочного человека, но и всякого, кто хотел казаться порядочным человеком».

Центром широкого движения, охватившего разнообразные сферы общества, стал Петербург, куда в 1815—1817 годах из заграничных походов и поездок возвращались будущие организаторы первых тайных обществ — М. Орлов, Н. Тургенев, М. Лунин, Никита Муравьев и другие.

Ко времени появления Жуковского в Петербурге, в 1815 году, тайные общества еще не существовали, однако в тех петербургских кругах, в которые вошел

поэт, подготавливалась почва для их возникновения. Многие из участников этих обществ окажутся добрыми знакомыми, а некоторые и друзьями Жуковского.

Приехав в Петербург, Жуковский поспешил навестить семейство Муравьевых, которое знал еще по Москве.

Михаил Никитич Муравьев — один из виднейших русских писателей конца XVIII — начала XIX века, близкий друг И. П. Тургенева, литературный соратник Карамзина и Дмитриева — занимает почетное место в истории отечественного просвещения. Автор ряда известных педагогических сочинений, он был одновременно деятельным и энергичным организатором отечественной науки. Назначенный в 1803 году товарищем министра народного просвещения, попечителем Московского университета, он способствовал усовершенствованию университетского образования, приглашал в Россию видных европейских ученых, ревностно следил за научными успехами своих соотечественников, оказывал им помощь в учреждении различных ученых обществ, добивался создания новых научных изданий и литературно-художественных журналов. Человек огромных, поистине энциклопедических знаний, талантливый писатель, поэт, переводчик, он оказал значительное влияние на формирование поэта Батюшкова. Батюшков приходился ему родственником и подолгу жил у Муравьевых. В Москве, а затем и в Петербурге, М. Н. Муравьев оказывал покровительство и Жуковскому. Поэт был знаком и с его женой Екатериной Федоровной Муравьевой, матерью Никиты и Александра Муравьевых. Воспитание детей в духе идей просвещения было начато еще их отцом. После его смерти в 1807 году Е. Ф. Муравьева, женщина умная и энергичная, не жалела средств и сил,

чтобы завершить образование своих детей. Особенной одаренностью с ранних лет отличался старший из братьев — Никита Муравьев, будущий теоретик и идеолог декабристского движения.

Осенью 1814 года Е. Ф. Муравьева вместе с младшим сыном Александром (Никита, поступивший на военную службу в 1812 году, принимал участие в заграничных походах русской армии) переехала на постоянное жительство в Петербург. Здесь она приобрела дом вблизи Аничкова моста, выходивший своим фасадом на Фонтанку. Построенный еще в конце XVIII века купцом А. Кружевниковым, дом этот сохранился до наших дней (ныне Фонтанка, 25; дом надстроен). Здесь после приезда Никиты Муравьева стали собираться члены тайных обществ, о которых писал Пушкин в зашифрованных строфах X главы «Евгения Онегина»:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

Однако еще до возвращения из-за границы «беспокойного Никиты» двери дома Е. Ф. Муравьевой были широко распахнуты для многочисленных друзей, знакомых и родственников. По воскресеньям здесь устраивались «семейные обеды». «И случалось,— пишет известный краевед А. Яцевич,— что за стол садилось человек по семьдесят». Тут были и важные генералы, и сенаторы, и безусая молодежь, блестящие кавалергарды и скромные провинциалы.

Дом Муравьевой отличался не только широким хлебосольством, но и особой атмосферой, царившей на этих приемах. Гостиная Е. Ф. Муравьевой была наполнена «либералами» всех родов. Здесь звучали острые

в политическом отношении речи, высказывалось осуждение «верховной власти», и в частности Александру I, которого Екатерина Федоровна не «жаловала».

С домом Муравьевых связано несколько важных моментов петербургской жизни Жуковского. Отличаясь добротой и отзывчивостью, Екатерина Федоровна приняла близкое участие в судьбе ряда видных деятелей русской культуры. Заменив рано умершую мать поэту К. Н. Батюшкову, она помогала и другому родственнику мужа, его сводному брату Н. И. Уткину, известному граверу.

По-видимому, именно здесь Жуковский познакомился с Уткиным и договорился с ним об участии в оформлении первого издания своих сочинений. Искусный мастер гравировал виньетку, помещенную на заглавном листе второго тома сочинений Жуковского, вышедшего в Петербурге в самом начале 1816 года. На ней была воспроизведена расположенная в Павловском парке скульптура работы И. Мартоса. Уткин вместе с другим известным гравером И. Ческим гравировал и фронтиспис к балладе Жуковского «Двенадцать спящих дев», вышедшей отдельным изданием в 1817 году. Позднее, когда поэт сам занялся гравированием (в 1816 году он брал даже уроки в Дерпте у известного профессора Зенфа), Н. Уткин оказывал Жуковскому большую помощь. По свидетельству Н. Уткина, поэт оказался весьма способным учеником. Уже через несколько уроков он хорошо гравировал собственные рисунки (главным образом, виды петербургских окрестностей), а Уткин, приготовлявший для него гравировальные доски, лишь слегка подправлял работу Жуковского. Об этом мы узнаём из переписки поэта с Уткиным, относящейся к 1820-м годам. Уткин принимал непосредственное

участие в гравировании таких широко известных работ Жуковского, как 18 видов Павловска, 6 видов Гатчины, 9 видов Царского Села, ряда швейцарских видов, а также видов Рейна и Кульма.

В доме Муравьевых завязались и отношения Жуковского с Орестом Адамовичем Кипренским. Осенью 1815 года Жуковский сообщал А. П. Киреевской: «Спешу к живописцу, который принялся писать с меня портрет in folio для бессмертия и для Уварова. Если не дорого будет стоить список, то у вас, друзья, он будет». Художник в облике поэта подчеркнул романтические черты: задумчивое и вдохновенное лицо, сосредоточенный мечтательный взгляд, артистическую небрежность облика. Перед нами автор поэтически-таинственных баллад, которыми зачитывались современники. Живописный фон портрета — башни, освещенные бледным светом луны, деревья, трепещущие под порывами ветра,— воссоздает условно-романтический пейзаж, характерный для баллад поэта. Художник отказывается от всестороннего освещения личности Жуковского, любившего веселую шутку, оживленную дружескую беседу, серьезный спор. В этом портрете — одном из шедевров художника — Кипренский отразил типические представления о поэте-романтике, кумире молодого поколения. Портрет был закончен в 1816 году и долгое время висел в петербургском доме С. Уварова, затем хранился в его подмосковном имении Поречье. В настоящее время портрет находится в Государственной Третьяковской галерее.

В 1817 году с оригинала Кипренского художником Вендрамини был создан гравированный портрет Жуковского. Один из оттисков этого портрета поэт подарил Александру Тургеневу, в доме которого часто бывал в эти годы А. С. Пушкин. На полях этой

В. А. Жуковский. *Гравюра Ф. Вендрамини с портрета работы О. Кипренского. 1817 г.*

гравюры Пушкин набросал известный стихотворный экспромт «Его стихов пленительная сладость». Надпись «К портрету Жуковского» глубоко и точно определяет значение, которое приобрела его поэзия в духовной жизни русского общества.

Подъем патриотических и национальных чувств народа в период Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии привел к небывалому оживлению художественной жизни страны. Подлинный расцвет переживают в это время драматический театр, балет, опера, изобразительные искусства. Прославленные имена Е. С. Семеновой, Я. Г. Брянского и И. И. Сосницкого, А. И. Истоминой, А. О. Орловского и Ф. П. Толстого говорят о необычайном взлете русского искусства. На смену таким мастерам классики, как Захаров, Воронихин, Тома де Томон, пришло новое, не менее значительное поколение петербургских архитекторов. Раскрылось яркое дарование К. И. Росси, создателя архитектурных ансамблей, поражающих величием форм и благородством пропорций. Творчество В. П. Стасова, завершающего последний этап классицизма, придало этому стилю новые черты «мужественной величавости» и суровой простоты. Общественный подъем повлиял на развитие отечественной архитектуры. Чувство патриотической гордости нашло отражение в ряде величественных памятников, созданных петербургскими зодчими в послевоенные годы. Это Триумфальная арка, воздвигнутая Д. Кваренги в 1814 году на Нарвском шоссе в честь возвращавшейся из Парижа русской армии; ворота «Любезным моим сослуживцам», построенные В. П. Стасовым в Царском Селе в 1818 году.

Подъем национального самосознания способствовал развитию отечественной науки, и в частности усилил интерес к истории, к русской древности, к архео-

графии. В те годы в Петербурге жили и работали такие знатоки российских древностей, как А. Х. Востоков, П. И. Кеппен и другие видные ученые.

Жуковский стоял несколько в стороне от научных кругов Петербурга, но он испытал благотворное воздействие художественно-литературной среды, где царили те же интересы.

Несмотря на преобладание в творчестве Жуковского тем и сюжетов, почерпнутых из эпохи европейского средневековья, он интересовался национальной русской историей, памятниками древней литературы. На протяжении целого ряда лет поэт внимательно изучал «Слово о полку Игореве» по экземпляру первого издания, подаренному ему еще в 1800 году Андреем Тургеневым.

Жуковскому принадлежит один из самых ранних и самых значительных переводов «Слова» на современный литературный язык. Этот перевод, выполненный в стихотворной форме, был начат в 1808 году, а закончен в 1819-м.

Увлекался поэт и античным искусством. Поэтому появление Жуковского в доме А. Н. Оленина, видного петербургского мецената, собирателя русских древностей, знатока отечественной истории, ценителя античности, представляется вполне закономерным. Вокруг А. Н. Оленина еще с начала 1800-х годов группировались многие известные литераторы, ученые, художники, артисты, объединенные общностью понимания высоких целей искусства. Здесь господствовал культ античности, но не в ее традиционном, классицистическом истолковании, а значительно обновленной теми идеями, которые получили распространение в начале XIX века. Здесь увлекались Оссианом, толковали о будущем русской живописи, спорили о современном театре. Завсегдатаями дома Олениных, распо-

ложенного на Фонтанке, вблизи Обуховского моста (дом этот сохранился, его нынешний адрес: Фонтанка, 101), многие знакомые и друзья Жуковского — В. А. Озеров, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, К. Н. Батюшков и многие другие. Бывала в этом доме и высшая знать.

Алексей Николаевич Оленин был во многих отношениях замечательной личностью и по праву считался одним из образованнейших людей своего времени. Память современников сохранила облик этого человека, сочетавшего положение крупного чиновника со знаниями и вкусом тонкого знатока и ценителя искусств, ревностного покровителя отечественных талантов. Об Оленине писали многие мемуаристы: одним из них он запомнился гостеприимным и хлебосольным хозяином особняка на Фонтанке и владельцем загородной мызы Приютино, расположенной в пятнадцати верстах от столицы, другие ценили в нем мецената, беспредельно увлеченного русской стариной, деятельного и энергичного директора Публичной библиотеки, а с 1817 года президента Академии художеств.

Однако и почитатели, и скептики неизменно подчеркивали широту художественных взглядов Оленина, его горячую увлеченность национальной русской культурой. «Качество это,— писал известный пушкинист П. В. Анненков,— сделало самый дом его нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположных воззрений». Вечера у Олениных были одним из наиболее примечательных явлений культурной жизни Петербурга первой трети XIX века. Вскоре после своего появления в Петербурге получил приглашение посетить дом Олениных и В. А. Жуковский.

К ярко освещенному подъезду дома одна за другой подъезжали кареты. Гостей встречал хо-

зяин, маленький, седой человечек в неизменном синем вицмундире, и хозяйка дома Елизавета Марковна Оленина, «любезная и умная» женщина, как писал о ней Жуковский. В парадных гостиных и кабинете хозяина, украшенных слепками с античных статуй, этрусскими вазами, картинами и гравюрами, было многолюдно, оживленно и весело. Здесь говорили о последних театральных событиях, спорили о новых картинах, узнавали политические новости. Посетив Оленина, поэт поделился с Плещеевым своими первыми впечатлениями: «Дом его есть место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором». Что-то в Оленине на первых порах отталкивало Жуковского. Причиной могло быть различие литературно-эстетических взглядов. Оленин по своим литературным симпатиям — скорее классик, стоявший за развитие высокой трагедии, лирики, басни. Этим вкусам как нельзя более отвечали сочинения Гнедича, Крылова, Батюшкова, но не «балладника» Жуковского.

Жуковскому не понравилось, что здесь хотя и «бранят Шишкова», но не защищают Карамзина, и даже «спорят с теми, кто его хвалит». В отношении Жуковского к самому Оленину чувствуется настороженность, нежелание попасть в какую бы то ни было зависимость от чужого, хотя и авторитетного, литературного мнения.

Однако Жуковский знал и ценил Оленина как талантливого рисовальщика. Вспомнив о работе над художественным оформлением «Певца во стане», поэт договорился с ним о виньетках для затеваемого в Петербурге издания своих стихов. Предполагалось, что издание это состоится в трех томах. Оленин взялся рисовать «для 1-го тома *Мемнон*, для второго, где баллады: древний *Трубадур,* для третьего *фантазия»*. План этот осуществился лишь отчасти: первое издание сти-

хотворений Жуковского вышло в двух томах. А. Н. Оленин принял участие в оформлении первого тома, который открывался виньеткой с изображением Мемнона, выполненной по эскизу Оленина художником И. Ивановым. Статуя Мемнона, колоссальная по своим размерам, сохранилась в Египте. При восходе солнца она словно оживала: камень издавал какой-то странный звук, напоминающий человеческий голос. Согласно романтическим представлениям, Мемнон воплощал идею высшего назначения поэзии. Так расшифровывалась мысль, положенная поэтом в основу издания и по-своему раскрытая художником. Оленин участвовал в иллюстрировании нового, второго издания стихотворений Жуковского (1818). Одна из виньеток, выполненная теми же художниками-граверами по эскизам Оленина, изображает погрузившегося в сон поэта, над которым витают герои его баллад. К Оленину Жуковский обратился и в 1822 году при издании «Шильонского узника». Участие А. Н. Оленина в иллюстрировании сочинений Жуковского свидетельствовало о постепенном их сближении. В 1820-е годы Жуковский уже не раз пользовался советами и рекомендациями Оленина в своих занятиях древнерусской историей.

Вспоминая о появлении Жуковского в Петербурге весной 1815 года, Ф. Вигель писал в своих мемуарах о «возросшей литературной известности» поэта. Его стихи и баллады читались повсюду, заучивались наизусть, переписывались в альбомы. В своих письмах он жалуется на необходимость посещать великосветские гостиные, горько иронизируя по этому поводу: «В большом свете поэт, заморская обезьяна, Ventriloque[1] и тому подобные редкости стоят на одной

---

* Чревовещатель *(франц.)*.

доске — для каждой из них одинаковое, равно продолжительное и равно непостоянное внимание». Жуковский резко отделяет себя от подобного общества, считая, что его призвание «жить и писать

Для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей!»

Петербургские аристократы, в салоны которых ввели Жуковского его друзья, принадлежали к той просвещенной, меценатствующей верхушке, где были сильны фрондерские настроения и велись разговоры об освобождении крестьян. В этих салонах можно было встретить крупных землевладельцев — сторонников крестьянской эмансипации, ратовавших за уничтожение прежде всего личной, внеэкономической зависимости крестьян от помещиков и ставивших вопрос об улучшении положения крепостных. В этом отношении заслуживает внимания знакомство Жуковского с семьей графа П. А. Строганова.

Павел Александрович Строганов был сыном А. С. Строганова, богатейшего вельможи, мецената и до 1811 года президента Академии художеств. «Покровитель художников и любитель художеств», он, по словам Ф. Ф. Вигеля, сочетал с иностранным воспитанием и вкусами «русские навыки и хлебосольство, жил барски, по воскресеньям угощал у себя не одним рожденьем, но и талантами отличающихся людей». В начале 1800-х годов в великолепном дворце Строгановых, расположенном на углу Невского проспекта и Мойки (здание сохранилось; ныне Невский, 17), бывали поэты и писатели: Державин и Крылов, Гнедич и Батюшков, художник В. Л. Боровиковский, скульптор И. П. Мартос и многие другие. С семьей Строгановых была тесно связана судьба их крепост-

Полицейский мост, Строгановский дворец и река Мойка. *Гравюра К. Беггрова по рисунку В. Форлопа. 1820-е гг.*

ного, позднее выдающегося зодчего Андрея Никифоровича Воронихина.

Жуковский не мог не знать необычных обстоятельств жизни зодчего, а получив приглашение посетить Строгановых, ближе познакомился не только с его замечательным искусством архитектора, но и художника-декоратора. Еще А. С. Строганов поручил Воронихину реконструкцию своего дворца, построенного В. Растрелли в середине XVIII столетия. Сохранив неизменным внешний облик здания, Воронихин пристроил к нему два новых флигеля (соединенный с дворцом — боковой, выходящий фасадом на Мойку, и другой — в глубине двора), сохранив при

этом единство стиля. Молодой архитектор перепланировал ряд старых помещений, изменил их внутреннюю отделку, а также создал в боковом флигеле особый зал для коллекции картин.

К картинной галерее примыкал созданный Воронихиным Минеральный кабинет, занимавший угловое помещение растреллиевского здания. Здесь хранилась уникальная коллекция минералов, собранная А. С. Строгановым, владельцем огромных имений на Урале.

Нетрудно представить себе, с каким вниманием осматривал Жуковский и знаменитые коллекции, и высокохудожественные интерьеры строгановского дворца.

Интересны были личность и судьба хозяина дворца — Павла Александровича Строганова. Великая Французская революция застала его в Париже. Руководимый своим наставником Ж. Роммом (впоследствии видным якобинцем), молодой Строганов был увлечен потоком революционных событий и принял в них участие. По требованию Екатерины II он был вынужден вернуться в Россию. Императрица определила ему местожительство в одном из имений, запретив въезд в столицу. После воцарения Александра I Строганов поступил на государственную службу. Занимая ряд видных административных постов, он стал членом «Негласного комитета», в котором наиболее последовательно высказывался за отмену крепостного права. Позднее он поступил на военную службу, участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах. В 1815 году П. А. Строганов возвратился в Петербург.

Здесь у него снова стали бывать петербургские литераторы и художники. Постоянно посещали Строгановых Крылов и Гнедич, Александр Тургенев и Оленин.

Со Строгановыми была дружна и Е. Ф. Муравьева. Кто-то из друзей послужил посредником в знакомстве поэта со Строгановым.

Сильное впечатление произвела на Жуковского жена Строганова Софья Владимировна — умная, любезная и высокообразованная женщина. После смерти мужа в 1817 году она занялась реорганизацией своих многочисленных имений, пыталась улучшить положение крепостных крестьян. Хозяйка великосветского салона, она была вместе с тем любительницей современной поэзии. В доме Строгановых по просьбе присутствующих Жуковский в 1814 году читал недавно написанную балладу «Старушка». Позднее Александр Тургенев в письме к Жуковскому передает ему совет С. В. Строгановой закончить «этой уткой» баллады в готовящемся собрании сочинений. Письмо обнаруживает осведомленность графини в литературно-издательских делах и планах Жуковского.

Поэт любил называть «Старушку» — одну из самых «страшных» своих баллад — «приемышем». Это был перевод из английского поэта-романтика Роберта Саути. Полное название произведения звучало весьма интригующе: «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди». Старушка оказалась ведьмой. Страшным спутником старушки был сам дьявол, явившийся за ее душой. Шотландские предания о берклийской ведьме, положенные в основу этого сюжета, были переработаны Жуковским в духе национальных русских обычаев и народных поверий о ведьмах и «нечистых».

Народно-поэтическая фантастика баллады пришла в несоответствие с канонами православной религии. «Старушка», несколько раз представляемая Жуковским в цензуру, неизменно запрещалась: в первоначальной редакции стихотворения дьявол входил в

церковь, где отпевали душу умершей ведьмы, и забирал свою жертву. Чтобы баллада смогла появиться в печати, Жуковскому пришлось изменить ее финал: вывести «дьявола за пределы храма» и отказаться от подробностей описания его торжества. И все-таки «Старушка», созданная в 1814 году, смогла увидеть свет лишь в 1831-м.

Современников Жуковского привлекали в этой балладе острота сюжета, атмосфера таинственности, описания народных обычаев и верований, изящество и легкость слога. Несмотря на цензурный запрет, она была широко известной и распространялась во множестве списков. В творчестве поэта баллада ознаменовала дальнейшее сближение с народной поэзией. Плодотворность этого пути лучше всего доказывает ее воздействие на гоголевскую повесть «Вий», в которой используются мотивы и образы «Старушки».

Узнав о приезде Жуковского, его пожелала принять вдова недавно скончавшегося фельдмаршала М. И. Кутузова. Екатерина Ильинична Кутузова жила в собственном доме на Гагаринской набережной вблизи Литейного проспекта (дом сохранился; ныне набережная Кутузова, д. № 30). Приглашение посетить этот дом Жуковскому передал скорее всего И. А. Крылов, старинный друг семейства Кутузовых, но врожденная застенчивость останавливала поэта. Пришлось все же отправиться к Кутузовым, так как Екатерина Ильинична «едва не обиделась».

Вечер, проведенный в семье знаменитого полководца, оказался на редкость удачным. Жуковского окружили вниманием и теплом. И сама Екатерина Ильинична, и ее дочери ценили в нем не только создателя патриотических стихов, прославляющих Кутузова, но и современного русского поэта, автора популярных баллад и романсов. Один из маленьких

внуков Кутузова (К. Ф. Опочинин), смущаясь и волнуясь, начал по просьбе взрослых читать «Светьяну» (т. е. «Светлану»), чем растрогал поэта, впервые слушавшего свое произведение в таком необычном исполнении. Сама Екатерина Ильинична стала также «с смешной размашкой», как пишет поэт, декламировать его «Стансы»:

Можно ль в жизни молодой
Сердце мучить ложной тенью.

«Мне было это приятно»,— признался Жуковский в письме к Плещеевым. По окончании вечера вдова Кутузова попросила Жуковского на память о встрече вписать в ее альбом какие-либо стихи. Так родился экспромт, текст которого поэт сообщил А. П. Киреевской. Очевидно, по какому-то недоразумению ни в одно издание сочинений Жуковского он не попал:

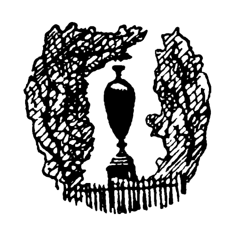
Я счастлив был неизъяснимо!
Семью вождя великого я зрел,
И то, что я смиренной лирой пел
В честь памяти его боготворимой,
Теперь вдове его дерзаю посвятить!
Дерзаю гордое в душе питать желанье:
С воспоминанием о нем соединить
И обо мне воспоминанье.

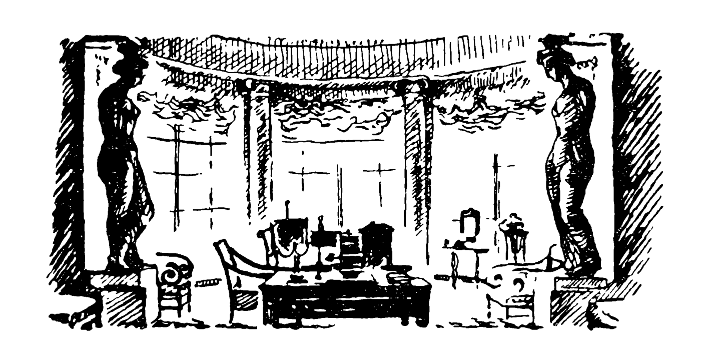
Лето поэт намеревался провести на даче, поочередно живя у Блудова, Е. Ф. Муравьевой и Уваровых. Однако отъезд в Дерпт в середине июля помешал этому плану. Он, по-видимому, ограничился только посещением Блудовых, снимавших дачу на Крестовском острове. Живший вместе с ними Вигель писал: «Крестовский остров был некогда уединеннейшим местом в окрестностях Петербурга, далее всех других островов выдвинутый во взморье, трехверстное его пространство со всех сторон было окружено широкими протоками Невы и покрыто было непроходимым лесом»,

В начале 1800-х годов эта сторона ожила. Владельцы острова князья Белосельские построили здесь дачи, сдаваемые внаем, и расчистили место для публичных гуляний. Сюда по воскресным дням стекались жители Петербурга. Здесь можно было встретить не только светских дам и франтов, но и простой народ. Постоянный мост связывал Крестовский остров с Каменным, где находились загородные дачи аристократов и одна из летних резиденций Александра I.

Деревянный двухэтажный дом, снимаемый Блудовыми, находился вблизи «старого трактира, неподалеку от большого перевоза с Колтовской набережной» (дом не сохранился).

На живописно расположенных островах в летние месяцы обычно было весело, оживленно, многолюдно. Но лето 1815 года было на редкость дождливым. Недаром персидский посол, находившийся в это время в столице, назвал петербургское лето «зеленой зимой». Дачная жизнь теряла свою привлекательность. В середине июля Блудовы вернулись в город, а вскоре друзья прощались и с Жуковским, спешившим в Дерпт, где в конце июля у А. А. Воейковой родился первый ребенок — дочь Екатерина.

„НЕ ГОТОВЯТ ЛИ МНЕ НЕВОЛИ?“

Пробыв в Дерпте немногим больше месяца, 24 августа Жуковский поехал в Петербург; друзья настаивали на его присутствии в столице, ссылаясь на срочные дела. С. Уваров сообщал о своем разговоре с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая сообщила ему о своих «grands projets» (грандиозных проектах) по поводу будущих придворных занятий Жуковского. Планы императрицы вызвали тревогу у поэта, писавшего родным: «Не готовят ли мне неволи? Тогда плохо придется моей Музе!» Страшась утратить независимость, Жуковский просил петербургских друзей ничего за него не решать. Еще и еще раз приходилось разъяснять свою позицию, свое жизненное кредо: «Независимость да и только! Способ писать, не заботясь о завтрашнем дне. Что, где и когда писать — мне на волю».

Вернувшись в Петербург, поэт остановился у Блудова жившего теперь в собственном доме. Владелицей

дома числилась его мать Екатерина Ермолаевна. Дом Блудовой, выходивший фасадом на Невский, находился в Литейной части, занимая участок № 177 (на месте нынешнего дома № 82 по Невскому проспекту). Здесь Жуковский прожил около четырех месяцев, до нового отъезда в Дерпт в конце декабря 1815 года. Блудов стал за эти годы видным дипломатом, многое и многих видел, жил богато и независимо. В его доме, в знаменитой «голубой гостиной», о которой вспоминает его дочь А. Д. Блудова, собирались друзья юности и новые знакомые из числа известных петербургских и московских литераторов. Здесь бывали Крылов, Гнедич, Батюшков, Пушкин. Дом Блудова стал одним из центров литературной жизни.

Спустя два дня после приезда в Петербург Жуковский получил приглашение посетить Павловск, переданное ему поэтом Нелединским-Мелецким, близким ко двору. Рано утром 4 сентября 1815 года экипаж, запряженный лошадьми, тронулся в путь. Миновали Царскосельский проспект (ныне Московский), Московскую заставу (в районе нынешней Заставской улицы) и выехали на Московское шоссе, на котором первой почтовой станцией была София — часть Царского Села.

Дорога проходила по живописным окрестностям Петербурга. Осень едва начиналась: стояли теплые и прозрачные сентябрьские дни. В воздухе был разлит покой. Но на душе у поэта было тревожно. Невеселые мысли теснились в голове. Приходилось окончательно прощаться с мечтой о совместной жизни с Машей. Пребывание в Дерпте из-за упорного сопротивления Е. А. Протасовой с каждым разом становилось мучительнее. Тревожило и положение Саши (А. А. Протасовой-Воейковой), страдавшей от тяжелого нрава мужа. Угнетали каждодневные заботы, думы о будущем.

Ворота в Павловский парк. *Гравюра Жуковского и художника Клары с рисунка Жуковского. 1823 г.*

А если еще потерять свободу, сделаться ремесленником и жить только для того, чтобы не умереть с голоду?..

Мало-помалу живые впечатления отвлекли поэта от мрачных мыслей: экипаж приближался к Павловску. Перед глазами поэта медленно разворачивалась панорама одного из красивейших в России парков, раскинувшегося по берегам Славянки в живописных окрестностях Петербурга. Для торжественного въезда в парк в конце XVIII — начале XIX века предназначалась тройная Липовая аллея, ведущая прямо к Большому дворцу. Видимо, именно этим путем подъехал

ко дворцу Жуковский. Его ожидали здесь как гостя Марии Федоровны.

Построенный в 1782—1786 годах по проекту Ч. Камерона, Павловский дворец не был парадной резиденцией. Он напоминал более усадебный дом. Расположенный на высоком левом берегу Славянки, дворец как бы парил над парком и был хорошо виден из разных его уголков. Центральный трехэтажный корпус дворца, увенчанный широким куполом, со стройной колоннадой вокруг естественно вписывался в окрестный пейзаж.

Жуковскому предстояло провести в Павловске три дня.

«В первый день,— сообщает поэт в письме к своим родным,— было чтение моих баллад в ее кабинете в приватном обществе, состоявшем из великих княгинь, двух или трех дам, Нелединского, Вилламова и меня. Читал Нелединский сперва „Эолову арфу“, потом „Людмилу”, потом опять „Эолову арфу“, которая особенно понравилась; потом „Варвика”, потом „Ивика”».

«Приватное общество», приглашенное для участия в первом чтении баллад Жуковского, могло собраться в Пилястровом кабинете, где обычно устраивались небольшие приемы и вечерние семейные собрания. Но чтение могло происходить и в уютном помещении кабинета «Фонарик», созданном А. Воронихиным. «Фонарик» выходил в «Собственный сад», разбитый перед личными покоями императрицы. Нарядные цветники, боскеты, четкие прямые аллеи, подстриженные кусты гармонировали с архитектурой дворца.

Камерность помещений дворца, немноголюдность собрания несомненно способствовали восприятию лирического настроя стихотворений Жуковского. Музыкальные строфы «Эоловой арфы» с ее апофеозом чи-

стой юношеской любви, преодолевающей сословные и имущественные преграды, могли звучать особенно выразительно в окружении парка, настраивающего на задумчивый, меланхолический лад.

«На следующем чтении, которое происходило уже в большом кругу,— продолжает поэт,— читал я сам „Певца во стане русских воинов", потом Нелединский — „Старушку", „Светлану" и, наконец, „Послание к царю"».

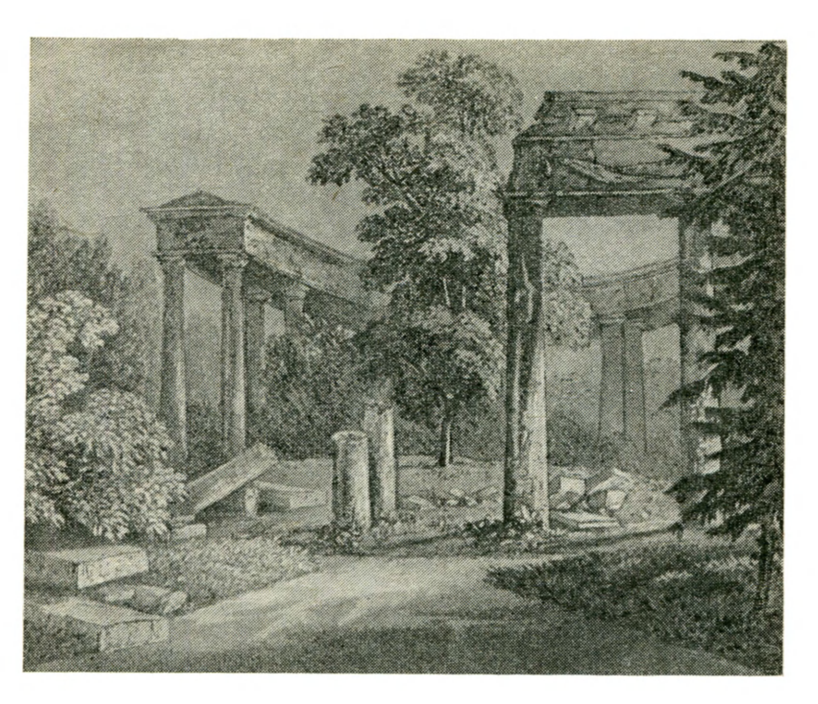
Звучанию патриотических стихов Жуковского более соответствовала торжественная обстановка. Известно, что для его нового выступления, рассчитанного на более широкий круг присутствующих, было выбрано иное помещение. Какое?

Возможно, чтение состоялось в большом зале нижнего этажа, которое тогда именовалось «Столовой», но служило гостиной, где обычно собирались приглашенные во дворец писатели и поэты. Здесь бывали многие современники Жуковского — Карамзин, Дмитриев, Гнедич, Крылов, устраивались литературные вечера и небольшие концерты. Из окон и широкой остекленной двери открывался великолепный вид на долину Славянки и Колоннаду Аполлона.

Это выступление могло происходить и в Розовом павильоне, где также устраивались литературные чтения. Изящное и пропорциональное здание, построенное А. Воронихиным, получило свое название от особого декоративного оформления его, варьирующего изображение розы. По первоначальному замыслу, это был увеселительный домик, рассчитанный на ближайшее окружение семьи Павла. Летом 1814 года по желанию Марии Федоровны к павильону была пристроена обширная, богато оформленная зала для проведения в ней празднества по случаю возвращения русской армии и Александра I из заграничных походов. Здесь

А. С. Пушкин. *Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г.*

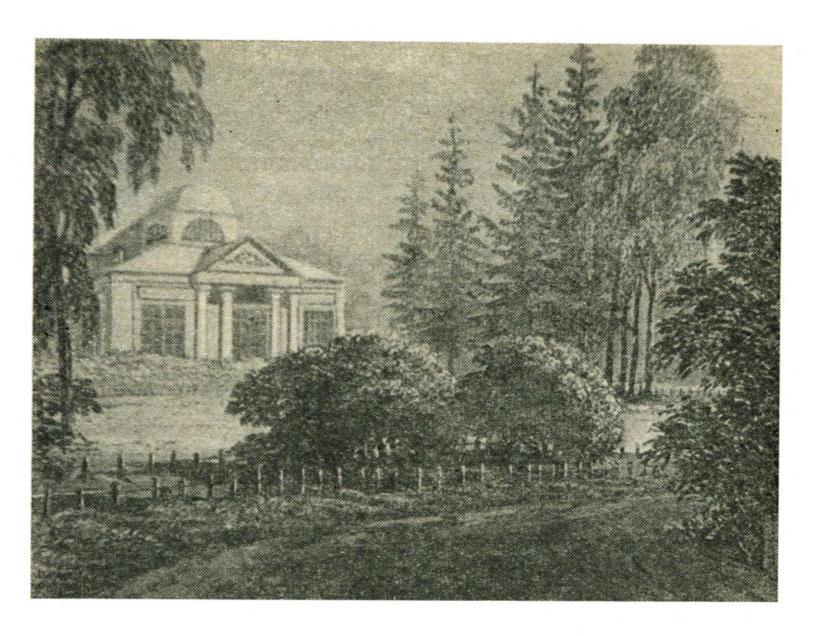
Руины Аполлонова храма. *Гравюра Жуковского и художника Клары с рисунка Жуковского. 1823 г.*

все напоминало о триумфе России, разгромившей полчища Наполеона. Легко себе представить, как необычно могли прозвучать здесь патриотические стихи Жуковского. Голос поэта, говорившего с «царями» без «печати рабского унижения», был исполнен достоинства, звучал как выражение дум и чувств всей нации. Ведь выступал не придворный поэт, а поэт национальный. Позднее Пушкин напишет Жуковскому: «Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры, глас народа».

Поездка в Павловск в сентябре 1815 года имела неожиданные для поэта последствия. Жуковский получил приглашение стать чтецом императрицы Марии Федоровны, любившей оказывать покровительство «отечественным талантам». Приняв это предложение, поэт все же сохранял за собой известную независимость, право располагать временем и своими занятиями.

Однако более важное значение этой поездки состояло в другом: одной из прогулок Жуковского по живописным берегам реки Славянки русская поэзия обязана появлением элегии «Славянка», воссоздающей неповторимое своеобразие и красоту знаменитого парка, в планировке и украшении которого принимали участие Ч. Камерон, П. Гонзаго, В. Бренна, А. Воронихин, Тома де Томон и многие другие. Замечательные мастера, они стремились, используя богатые природные возможности, создать иллюзию естественных красот, сохранить, где для этого имелись условия, в нетронутом виде местный ландшафт. Идея создателей дворцово-паркового комплекса в Павловске была внутренне близка Жуковскому, воспевавшему в своих лирических стихах гармоническое слияние человека с природой. Не случайно поэтому из всех живописных пригородов Петербурга, в которых поэту позднее пришлось бывать и подолгу жить, Павловск оказался ему наиболее близким.

Своеобразие и красота Павловского парка нашли в Жуковском глубокого истолкователя. Элегия начинается проникновенным обращением к Славянке и словно воссоздает движущуюся панораму парка, точную во всех подробностях и деталях, но одновременно лирически окрашенную, проникнутую эмоциональным восприятием автора. Поэтические краски стихотворения навеяны удивительной живописностью ранней осени в Павловске:

Розовый павильон. *Гравюра Жуковского и художника Клары с рисунка Жуковского. 1823 г.*

Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
    С осенней свежестью сливает.

«Славянка,— писал автор в особом примечании к стихотворению,— река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов и в особенности два памятника, произведение знаменитого Мартоса...

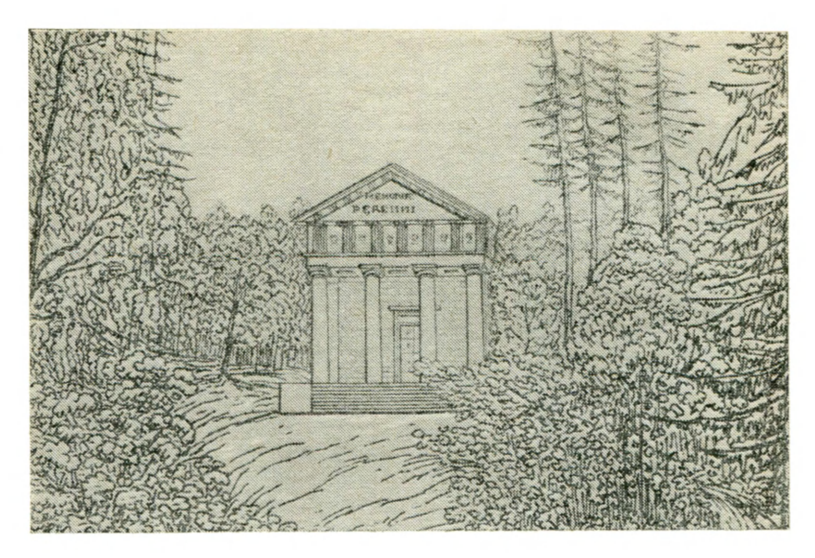
Спустясь к реке Славянке (вливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется семействен-

Ферма. *Гравюра Жуковского и художника Клары с рисунка Жуковского. 1823 г.*

ною... Посреди рощи стоит уединенная урна Судьбы. Далее, на самом берегу Славянки, под тенью дерев, воздвигнут прекрасный памятник... вы видите молодую женщину, существо более небесное, чем земное... Жизнь в виде юного гения простирается у ее ног и хочет удержать летящую, но она ее не замечает, она повинуется одному небу — и уже над головой ее сияет звезда новой жизни».

Разъяснения Жуковского помогают понять поэтическую топографию его стихотворения и смысл его отдельных образов, но оно не сводится к стихотворному

Монумент Павлу I. *Офорт Жуковского. 1823 г.*

описанию достопримечательностей Павловского парка. В изображении поэта-романтика — это мирный уголок природы, настраивающий то на грустный, то на светлый лад человека, склонного к уединению и размышлению. Прогулка его по парку сопровождается всеми оттенками настроений и переживаний, которые рождает в душе человека общение с природой: от безмятежного наслаждения красотой ясного осеннего вечера до мыслей о разрушении и смерти среди сумрачных, глухих зарослей; от мирных размышлений о прелестях сельского труда при посещении шалé и фермы к рассуждениям о бессмертии, к поискам смысла человеческой жизни. От светлых «холмов», одетых «последнею красой» осени, путь его лежит к мемориаль-

Долина реки Славянки. *Офорт Жуковского. 1823 г.*

ному зданию мавзолея, построенному в 1808 году Тома де Томоном. Траурный облик мавзолея, расположенного в уединенном уголке парка, среди елей с печально опущенными ветвями, рождает у поэта мысли о непрочности земной славы и быстротечности жизни:

Сей храм, сей темный сад, сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу обращенный —
Здесь всё свидетель нам, сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновенны.

Поэтическое описание надгробной стелы (работы скульптора И. П. Мартоса) раскрывает идею «бессмертия и славы», сопутствующих человеческой судьбе.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой;
    Сей громоносец двоеглавый,
Под шуйцей * твердою седящий на щите...

Угрюмые, мрачные ландшафты парка сменяются светлыми, напоминающими о жизни, ее тихих радостях. Открытая поляна с маленькой мызой, построенной для царской семьи (Мария Федоровна принимала «участие» в уходе за коровами, а ее сыновья — в сенокосе), в изображении Жуковского никак не связана с царскими забавами.

В стихотворении — это уголок излюбленной им сельской жизни с мирными заботами поселян:

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрыпя, тащится ряд возов,
    Тяжелый груз снопов везущих.

Жуковский отмечает разнообразие меняющихся видов парка. «Что шаг, то новая в глазах моих картина!» — восклицает поэт. И действительно, шале и ферму сменяет Храм дружбы, построенный архитектором Камероном в форме ротонды. Один из лучших памятников русского классицизма, он поражает величием и простотой своих форм:

Здесь храм между берез и яворов мелькает;
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
    Недвижим в сумраке сияет.

Из долины Славянки при закате солнца Павловский дворец на холме кажется огромным и величественным:

---

* Шуйца — левая рука (*древнеслав.*).

Семейственная роща. *Гравюра Жуковского и художника Клары с рисунка Жуковского. 1823 г.*

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате озлащенном,
Как исполин, глядясь в зерцало вод, блестит
В величии уединенном.

С наступлением сумерек парк преображается: вечер «накинул» покров таинственности на все окружающее. Поэт вступает в березовую рощу на берегу Славянки:

Я на брегу один... Окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья младых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.
Вхожу с волнением под их священный кров.

Мысли поэта, разбуженные неповторимым очарованием вечера, снова обращаются к жизни, ее светлым надеждам и к грустным воспоминаниям. Сложность и тонкость переживаний и размышлений, которые стремится передать поэт, заставляют его прибегнуть к символике. Таинственный смысл Урны судьбы — мраморной вазы на гранитном цоколе, находившейся в начале XIX века в «Семейственной роще»,— раскрывается как порыв человека к миру возвышенных стремлений и вера в светлое начало самой жизни:

Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

Этими же идеальными устремлениями проникнуто и описание другого памятника, созданного И. Мартосом в 1812—1814 годах и представляющего собою женскую фигуру, осененную звездой. У ее ног распростерт гений жизни:

Титульный лист книги «Стихотворения Василия Жуковского». *Гравюра Н. Уткина и И. Ческого. 1816 г.*

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.
Помедли улетать, прекрасный сын небес!
Младая жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Все вокруг молчит... призрак исчез,
И небеса покрыты мглою.

Эта скульптура, находившаяся в XIX веке в парке, перенесена теперь в здание дворца-музея, в Оркестровую комнату.

В стихотворении дается романтическая интерпретация творения русского скульптора-классициста, современника Жуковского. Впечатление, произведенное этим памятником на поэта, было значительным и глубоким.

Воспроизведение скульптуры Жуковский поместил на титульном листе второй части первого издания своих стихотворений (1816).

Элегия «Славянка» открывает новый этап эволюции Жуковского-романтика, этап творческой зрелости. В ней сочетается конкретная осязаемость образов с глубокими философскими размышлениями о жизни и назначении человека. Многообразная художественная палитра Жуковского-лирика обогатилась умением

через емкие, эмоционально насыщенные картины внешнего мира рисовать не просто переживания и чувства человека, а передавать глубоко сокровенные, трудноуловимые движения его внутренней жизни. В тончайшем психологическом мастерстве видел одну из исторических заслуг поэта Белинский. «Его романтическая муза,— считал критик,— дала русской поэзии душу и сердце». По глубокому убеждению Белинского, «одухотворив русскую поэзию романтическими элементами», Жуковский «сделал ее доступною для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

К осенней поре 1815 года относится первая встреча поэтов, которой суждено было стать встречей исторической. Жуковский был тогда в полном расцвете сил, а поэтическая звезда Пушкина лишь начинала восходить. Молва о чудесном даре юного поэта, «безмятежно расцветавшего» в садах Лицея, уже разнеслась среди друзей Жуковского, и тот захотел ближе познакомиться с «молодым чудотворцем».

Вскоре после возвращения из Павловска, во второй половине сентября (не позднее 19-го), Жуковский приехал в Царское Село, где и состоялось его знакомство с юным Пушкиным. «Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть! Нам надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет»,— писал Жуковский Вяземскому.

Взволнованному тону этого письма вторят вдохновенные строчки пушкинского послания «К Жуковскому»:

И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей —
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторге пламенела.

Встреча в Царском Селе положила начало более чем двадцатилетней дружбе Жуковского и Пушкина, прерванной лишь гибелью Пушкина.

„СВЯЩЕННОЙ ИСТИНЫ ДРУЗЬЯ“

Еще в феврале 1814 года Жуковский писал Воейкову: «Мы должны быть стеснены в маленький кружок. Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Плещеев, Тургенев должны быть под одним знаменем: простоты и здравого вкуса. Забыл важного и весьма важного человека: Дашкова... Министрами просвещения в нашей республике пусть будут Карамзин и Дмитриев». Мечта поэта осуществлялась. Такой «кружок» постепенно формировался в Петербурге. Правда, «министры» оставались пока в Москве. Что же касается сверстников поэта, то они и в самом деле составляли своеобразную маленькую дружескую «республику», где царило товарищество и превыше всего ценились дарования и честный образ мыслей. Кружок жил напряженной умственной жизнью. Вскоре ему было суждено превратиться в литературное общество.

21 сентября у Блудова праздновался день именин хозяина дома и Дмитрия Дашкова. На праздничном обеде, где присутствовали Жуковский, Александр Тургенев, Вигель, Жихарев, Крылов и Гнедич, зашла речь о последних театральных новостях. «Афиша в этот день возвещала первое представление 23-го числа новой комедии Шаховского в пяти действиях и стихах, под названием „Липецкие воды, или Урок кокеткам“. Для любителей литературы и театра известие важное: кто-то предложил заранее взять несколько нумеров кресел, чтобы разделить удовольствие, обещаемое сим представлением»,— сообщает в своих мемуарах Ф. Ф. Вигель.

Известный драматург начала XIX века, видный деятель отечественного театра, А. Шаховской был одним из ярых приверженцев классицизма и не менее ярым противником Карамзина и карамзинистов. Плодовитый литератор, он был автором бесчисленного множества трагедий, комедий, водевилей. Обладая незаурядными способностями полемиста, А. Шаховской использовал для литературной борьбы со своими противниками жанр комедии, которую насыщал злободневными намеками, бытовыми зарисовками и выпадами против тех или иных конкретных лиц. В 1806 году Шаховской выступил с комедией «Новый Стерн», направленной против Карамзина и его подражателей.

В 1807 году он начал писать комическую поэму «Расхищенные шубы». В основу сюжета Шаховской положил истинное происшествие, случившееся в петербургском Шустер-клубе, в котором во время разъезда пьяный швейцар перепутал шубы посетителей. Пьеса высмеивала сентиментальную чувствительность эпигонов Карамзина, в число которых попал по прихоти автора и Жуковский. В комическом перечне произведений, которые переплетал герой этой поэмы переплет-

чик Гашпар, значатся и «сто жалостных баллад». В пасквильном виде Шаховской изобразил многих литераторов, близких к Карамзину.

Главы из своей поэмы автор читал на заседаниях организованной шишковистами Беседы любителей русского слова. Это общество, стяжавшее себе незавидную репутацию оплота реакционнейших писателей — литературных староверов, эпигонов классицизма, политических рутинеров,— пользовалось официальной правительственной поддержкой. Возглавил Беседу А. С. Шишков, один из авторов устава этого общества, получившего «высочайшее одобрение». Шишковисты обосновались не только в Беседе, но и в Публичной библиотеке, а также в Российской Академии. Шаховской был одним из наиболее активных «беседчиков». В острой полемике, разгоревшейся после появления в печати первых песен поэмы «Расхищенные шубы», приняли участие ближайшие друзья поэта Блудов, Батюшков, Вяземский. Батюшков откликнулся на выпад Шаховского пародийной поэмой «Певец в Беседе любителей русского слова», где иронически восклицал:

Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб родитель!

За Шаховским закрепилось прозвище «шуб краденых певца» (В. Л. Пушкин), творца «холодных шуб» (Вяземский и др.). Литературным противникам Шаховской ответил новой комедией. На этот раз удар был направлен прямо против Жуковского.

...Наступило 23 сентября. К зданию петербургского Нового театра, расположенного на Дворцовой площади в доме Ланского-Молчанова (дом не сохранился; ныне здесь находится западное крыло построенного К. Росси Главного штаба), съезжалась публика. После грандиозного пожара 31 декабря 1810 года, уничто-

жившего Большой театр, спектакли русской труппы были перенесены в это здание. Здесь и состоялась премьера новой комедии Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам». Вигель, присутствовавший на спектакле, вспоминал: «Нас сидело шестеро в третьем ряде кресел: Дашков, Тургенев, Блудов, Жуковский, Жихарев и я. Теперь, когда я могу судить без тогдашних предубеждений, нахожу я, что новая комедия была произведение примечательное по искусству, с каким автор победил трудность заставить светскую женщину хорошо говорить по-русски, по верности характеров, в ней изображенных, по веселости, заманчивости, затейливости своей». Ансамбль актеров, занятых в спектакле, был великолепен.

Но вот на сцене появился поклонник графини Лелевой (героини комедии) — поэт Фиалкин, которого играл артист Климовский. Горничная Саша давала Фиалкину такую характеристику:

...Ах! пресладкое творенье,
Чувствительный поэт, и держим мы его
Для сумерек одних...
Чтоб нежным голосом под тихий строй гитары
Он наши прелести слезливо воспевал.

Вигель отметил, что Шаховской «в поэте Фиалкине, жалком вздыхателе, всеми пренебрегаемом, перед всеми согнутом» хотел представить «благородную скромность Жуковского». Когда же Фиалкин заговорил строчками стихов из баллад Жуковского, на поэта, сидевшего здесь же в зале, стали обращаться насмешливые взоры зрителей. «Можно вообразить себе положение бедного Жуковского! — восклицает Вигель, добавляя.— Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его! Перчатка была брошена; еще кипящие молодостью Блудов и Дашков спешили поднять ее».

Выходка Шаховского сильно огорчила поэта. Он сообщал из Петербурга в ноябрьском письме 1815 года А. П. Киреевской: «Здесь есть автор князь Шаховской. Известно, что авторы неохотники до авторов. И он поэтому неохотник до меня. Вздумал он написать комедию и в этой комедии смеяться надо мной. Друзья за меня заступились... Теперь страшная война на Парнасе. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и все молчали. Город разделился на две партии, и французские волнения* забыты при шуме парнасской бури. Все эти глупости еще более привязывают к поэзии, святой поэзии, которая независима от близоруких судей и довольствуется сама собой».

Появление «Липецких вод» друзья и литературные соратники Жуковского восприняли как объявление открытой войны. Для отпора беседчикам было решено создать особое литературное общество, прообразом которого явилось шуточное общество «ученых людей», нарисованное в памфлете Блудова «Видение в какой-то ограде». События, описываемые Блудовым, происходят в провинциальном городе Арзамасе Нижегородской губернии. Под видом «тучного проезжего», ополчившегося на кроткого юношу, блистающего талантами и успехами, в памфлете был изображен Шаховской. На постоялом дворе автор памфлета становится свидетелем собрания никому не известных молодых людей — любителей словесности. Это арзамасское собрание подало мысль друзьям Жуковского о создании литературного Общества безвестных любителей словесности — Нового Арзамаса.

Образованный с литературно-полемическими целя-

* Жуковский имеет в виду волнения, вызванные событиями ста дней (возвращением Наполеона с острова Эльба).

В. А. Жуковский. *Портрет работы неизвестного художника. 1810-е гг. Публикуется впервые.*

ми, Арзамас пародировал в своей структуре организационные формы Беседы с царившей в ней служебно-сословной и литературной иерархией. Но если членами и сотрудниками Беседы стали маститые поэты, важные сановники и должностные лица, то в Арзамас вошли лица сугубо частные, так как занимаемые ими служебные посты для общества были несущественны. В Беседе все держалось на авторитете имен; для Арзамаса реальные имена его членов неважны: это — Общество безвестных людей, которые демонстративно отрекаются от своих имен, получая взамен прозвища, взятые из «невинно умученных» баллад Жуковского.

Поэт умел особенно удачно наделять своих арзамасских товарищей шутливыми прозвищами, подчеркивающими ту или иную их характерную черту. Сам Жуковский был наречен Светланой; А. Тургенев получил имя Эолова арфа, серьезный, сдержанный Дашков был прозван Чу (предостерегающее междометие, часто встречающееся в балладах), пылкий и темпераментный Блудов стал Кассандрой (по имени античной героини, обладавшей даром прорицания), Уваров был назван Старушкой (из баллады о зловещей «Старушке»), Вигель за характерный острый профиль получил

прозвище Ивиков журавль, а Жихарев, до недавнего времени входивший в состав Беседы, именовался Громобоем (грешником, продавшим душу дьяволу).

Публичные заседания Беседы протекали в торжественной, парадной обстановке: мужчины приезжали в дом поэта Г. Р. Державина (где обычно проходили эти чтения) во фраках или мундирах, при звездах и регалиях; дамы — в бальных, парадных туалетах. На заседания Арзамаса, проходившие обычно по четвергам, собирались запросто, в узком кругу, заканчивая встречу веселым дружеским ужином. Дамы на заседания не приглашались; никаких открытых публичных чтений не было.

Первое заседание Арзамаса состоялось в доме С. Уварова, находившемся на Малой Морской улице (дом сохранился; теперь это улица Гоголя, 21). В комнате, где помещалась библиотека Уварова, за длинным столом собрались 14 октября 1815 года друзья Жуковского, с тем чтобы образовать литературное общество Новый Арзамас. В дружеской обстановке, среди веселья и оживленных споров, были подписаны предварительные правила Арзамаса, в составлении которых принял деятельное участие Жуковский.

Поэт изобрел особый шутливый ритуал вступления в Арзамас, дополненный веселыми предложениями его друзей. По примеру академических обществ для вступления в Арзамас будущий его член должен был прочитать похвальную речь своему покойному предшественнику. Так как члены Нового Арзамаса считались бессмертными, было решено брать покойников напрокат из Беседы и Российской Академии. «Покойниками» оказывались живые беседчики, бездарные графоманы и эпигоны классицизма граф Д. И. Хвостов, С. А. Ширинский-Шихматов и другие.

В кругу арзамасцев ярко развернулось юмористиче-

ское дарование Жуковского, которого единодушно выбрали постоянным арзамасским секретарем. Большинство шутливых протоколов заседаний Арзамаса, как прозаических, так и стихотворных, написано Жуковским. В шутливо-пародийных формах арзамасского общества без труда угадываются демократические порядки: председатель выбирался общим голосованием (для каждого заседания — новый) и, открывая заседание, облачался в красный колпак (якобинский символ свободы и независимости мнений); члены общества именовали себя «гражданами» или «согражданами»; в обществе господствовало равенство, уважение к мнениям друг друга.

Для заседаний Арзамаса не было назначено постоянного места: положено было «признавать Арзамасом всякое место, на коем будет находиться несколько членов налицо, и сие место, какое бы оно ни было — чертог, хижина, колесница, салазки,— должно именоваться во все продолжение заседания Новым Арзамасом». Чаще всего арзамасцы встречались в петербургских домах Уварова и Блудова, а одно из заседаний происходило даже в дорожной карете, везущей арзамасцев в Царское Село. Арзамасские собрания всегда заканчивались дружеским ужином, за которым обычно подавался жареный гусь (город Арзамас славился гусями). Гусь был эмблемой нового общества и служил предметом нескончаемых шуток и каламбуров.

11 ноября 1815 года в Арзамас принимали Жуковского. «Меня ввели,— писал он в шуточном протоколе,— и все лица просияли. Как важный гусь подступал я к месту президентскому: красная шапка надо мною растопорщилась». Свою похвальную речь арзамасец Светлана посвятил печально известному графу Д. И. Хвостову, которого высмеял под именем Кубрского (т. е. певца реки Кубры, близ которой находи-

лось имение Хвостова). Жуковский обратил свои полемические стрелы против неуклюжих, бездарных басен Хвостова, называя его «привилегированным фабрикантом галиматьи». Один за другим «отпевались» в шуточных арзамасских речах и другие беседчики.

Арзамас противостоял рутине и консерватизму в общественно-литературной жизни, вел борьбу с устаревшими эстетическими принципами, со всем тем, что мешало утверждению новой литературы. На арзамасских заседаниях не только высмеивали, но и внимательно слушали. Здесь звучали новые произведения Жуковского, Батюшкова, П. А. Вяземского и других. Арзамас, по верному определению П. А. Вяземского, был школой «литературного товарищества», взаимного литературного обучения. Постепенно круг арзамасцев расширился: в общество были избраны заочно, а затем прошли и процедуру избрания поэты К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин. Арзамас становился центром передовой русской литературы, притягивающим к себе прогрессивно мыслящую русскую молодежь.

Еще на первом заседании общества в Арзамас был включен П. А. Вяземский. Он отличался особой непримиримостью к порядкам, царившим в самодержавно-крепостнической России. «Наша российская жизнь есть смерть,— писал он Александру Тургеневу в начале 1816 года.— Я приеду освежиться в Арзамас и отдохнуть от смерти». Приехав в Петербург вместе с Н. М. Карамзиным, 24 февраля 1816 года Вяземский впервые присутствовал на заседании Арзамаса, выступив с шуточным «надгробным словом» известному московскому обскуранту и гонителю Карамзина — П. И. Голенищеву-Кутузову.

Вяземский внес в арзамасскую среду дух неукротимой борьбы со всякого рода рутинерством,

не только литературным, но и общественно-политическим. Его яркое остроумие и беспощадная язвительность придавали особый блеск арзамасским собраниям. Благодаря участию Жуковского и Вяземского принятие в члены Арзамаса поэта-москвича Василия Львовича Пушкина прошло в особенно веселой и непринужденной обстановке. Неистощимый на затеи Жуковский изобрел ритуал, который был совершен над добродушным и доверчивым Василием Львовичем: в дело пошли символические «липецкие воды» и вполне реальные «расхищенные шубы», под которыми чуть не задохнулся тучный Василий Львович, слушая чтение пространной классической трагедии в переводе петербургского автора-беседчика.

В деятельности Арзамаса нашли отражение глубокие внутренние перемены в русской жизни начала XIX века и в общественно-литературной обстановке. В боевых схватках арзамасцев с «покойниками» — членами Беседы, в насмешках над мертвой схоластикой их писаний, в колких выпадах арзамасских пародий и разящей остроте эпиграмм было нечто большее, чем вражда с уходящим в прошлое литературным направлением. За всем этим скрывались новые понятия о личности, постепенно освобождавшейся из-под власти узкой, сословно-феодальной морали, из-под гнета представлений, выработанных в эпоху абсолютизма.

В Арзамасе спорили не только о литературе, но и об историческом прошлом и будущих судьбах России; мечтали о гармоническом расцвете человека, горячо осуждали всё то, что мешало общественному прогрессу. Участники общества любили называть свой союз «братством», подчеркивая свое глубокое внутреннее родство. Недаром Вяземский писал: «Мы уже были арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское общество служило только оболоч-

кой нашего нравственного братства. Шуточные обряды его, торжественные заседания — все это лежало на втором плане». «Истинно русской академией», составленной «из молодых людей, умных и с талантом», называл Арзамас Н. М. Карамзин, которому при его появлении в Петербурге был вручен почетный диплом «природного члена» этого общества.

Поездка Карамзина в Петербург в феврале 1816 года была предпринята в связи с изданием «Истории государства Российского», над которой он трудился более десяти лет. Когда были закончены первые восемь томов, Николай Михайлович приехал в столицу, где собирался издавать свой труд. В Петербурге Карамзин и Вяземский остановились у Е. Ф. Муравьевой, в верхнем этаже ее дома.

Об исторических изысканиях Карамзина было известно уже давно. Но в Петербурге еще не имели возможности ознакомиться с результатами этой работы. Вскоре после приезда писателя в Петербург в доме Муравьевой состоялось первое чтение одной из глав «Истории». Первыми ценителями «Истории государства Российского» стали арзамасцы.

Между 18 февраля и 2 марта в доме Муравьевой состоялось вторичное чтение «Истории», о чем сообщал сам Карамзин жене в Москву, добавляя: «Сказать правду, здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть».

Труд Карамзина явился важнейшим событием в идейной жизни России 1810-х годов. Несмотря на монархическую направленность, «История государства Российского» стала первым основательным и систематическим исследованием, раскрывшим яркие страницы исторического прошлого России. Оно предстало перед читателем не в форме сухих описаний, а в драматических столкновениях реальных человеческих и народ-

ных судеб, в борьбе страстей и характеров. Искусство писателя оживило героические страницы отечественной истории. Они приоткрылись и арзамасцам, слушавшим Карамзина с напряженным вниманием.

«Какое сокровище для языка, для поэзии, не говорю уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах! — восклицал Жуковский.— Эту историю можно назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями, и все истории русского народа доселе известные можно назвать только гробами, в которых мы видели лежащими эти безобразные мумии. Теперь все оживятся, подымутся и получат величественный, привлекательный образ. Счастливы дарования, теперь созревающие! Они начнут свое поприще, вооруженные с ног до головы». Поэт не ошибся. «История государства Российского» действительно стала одним из важнейших источников исторических сведений русских литераторов. «Древняя Россия,— скажет позднее Пушкин,— казалось, найдена Карамзиным как Америка Колумбом». Выход из печати в 1818 году первых восьми томов этого труда сопровождался огромным успехом. Пушкин вспоминал: «Появление Истории государства Российского (как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлось в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества».

Историческая концепция, положенная Карамзиным в основу труда («история народа принадлежит царям»), вызывала резкую критику. Карамзинv возражали новые арзамасцы (члены тайных обществ) — Н. Тургенев, Н. Муравьев, М. Орлов. Но в 1816 году эти несогласия было еще трудно предвидеть, да и знакомство с работой Карамзина было далеко не полным.

Своей важнейшей задачей Арзамас считал в это время борьбу за сплочение прогрессивных литературных сил. Поэтому союзниками его оказывались не только литераторы-единомышленники, но нередко и писатели иной литературно-эстетической ориентации, например Крылов и Державин, которые, как известно, были членами Беседы любителей русского слова. Вражда с беседчиками не мешала арзамасцам с глубоким уважением относиться к замечательному баснописцу и к прославленному поэту, имена которых оставались неприкосновенными в спорах Арзамаса с Беседою.

В представлении молодого поколения литераторов Державин был лучшим представителем «золотого века» русской поэзии, ее гордостью, ее украшением. Жуковский сформировался как лирик на традициях Державина. Престарелый поэт доживал свой век в Петербурге на покое и, несмотря на явное угасание поэтической деятельности, пользовался всеобщим уважением. В один из весенних дней 1816 года, незадолго до своего отъезда в Дерпт, Жуковский вместе с Карамзиным и Вяземским посетил Державина в его доме на Фонтанке, близ Обуховского моста (ныне дом № 118). В письме от 17 апреля Жуковский приносил Державину «сердечную благодарность» за несколько счастливых часов, проведенных в беседе с ним. Это была первая и последняя в жизни Жуковского личная встреча со своим великим предшественником. Она оставила неизгладимый след в памяти поэта, писавшего Державину 29 июня 1816 года: «Ваши стихотворения — школа для поэта. Но, читая их, только скорее научишься узнать собственную слабость свою. Искусство бессильно; оно никогда не поспевает за гением. Вам назначено быть неподражаемым». Через несколько

дней Державина не стало; он скончался в своем имении Званка Новгородской губернии.

Со смертью Державина Беседа любителей русского слова прекратила свои заседания. Арзамасцы, оставшиеся в Петербурге, продолжали собираться. Но в этих заседаниях Жуковский не смог принять участия: в начале апреля он снова уехал в Дерпт и вернулся в Петербург лишь в середине декабря 1816 года.

Несколько ранее он обращался к Александру Тургеневу с просьбой о пристанище. Но Александр Иванович ожидал в это время возвращения в Петербург брата Николая. Не желая стеснять братьев, Жуковский оставил у них только свои вещи, а жил в основном у Блудова, на Невском проспекте. Сюда 24 декабря 1816 года собрались арзамасцы для встречи с Жуковским.

После обычных приветствий и дружеских расспросов председатель предоставил слово арзамасскому секретарю — Светлане. Принимая вновь «священное звание секретаря Арзамаса», Жуковский обращался к друзьям с приветственной речью, стилизованной под выспренний, «варяго-росский» слог беседчиков: «Благодарю небо! Оно опять привело меня в Арзамас. Я жил на берегах Эмбаха, в стенах Юрьева *, но душа моя была с вами».

Приступая к отчету о важных событиях, происшедших за время его отсутствия, Жуковский прежде всего вспомнил о Державине: «И сей величественный прорицатель исчез, и нам остался один неумолкающий его голос! Наследство священное! Связь неразрывная между теми, для кого добро всего святее в жизни, и тем, которого нет уже в их круге. В этих сло-

* Старинное наименование Дерпта.

вах заключался глубокий смысл: «священное наследство» державинской поэзии становилось прямым достоянием молодых литераторов, для которых «добро всего святее в жизни». Голос поэта, принявшего творческую эстафету от Державина, звучал торжественно и проникновенно. Но вот Жуковский вспомнил о Беседе: «Опустела храмина ее как пустые головы действительных ее членов. Стулья, к которым они прикасались благороднейшею частию своего состава, лежали кверху ногами... И красное сукно, облегавшее стол беседный, служит одеялом одинокому сторожу». Комическими красками изобразил Жуковский бесславный конец Беседы, члены которой «для пользы наук нанялись бы уродами в императорской кунсткамере».

Арзамасцы стремились поднять вес и авторитет литературного труда в общественном мнении, видели свою задачу в том, чтобы, по словам Вяземского, «дать состоянию писателей законное существование, признанное покровительством правительства и уважением общества».

Для осуществления этой цели Александр Тургенев предпринял попытку обратить на Жуковского внимание правительства и добиться официального признания его литературных заслуг. Поводом послужил выход из печати первого издания «Стихотворений Василия Жуковского» (первый том — в 1815-м, а второй — в 1816 году). Используя посредничество влиятельного министра А. Н. Голицына, Тургенев преподнес сочинения Жуковского Александру I. В сопроводительной записке Тургенев обращал внимание на такие стороны деятельности Жуковского, которые давали ему право на имя поэта национального: на патриотические стихи, посвященные Отечественной войне,— «Певец во стане русских воинов», «Певец в Кремле», на полезные труды по ознакомлению русского читателя с современ-

В. А. Жуковский и А. И. Тургенев. *Медальон. Париж. 1830-е гг.*

ной английской и немецкой поэзией, на работу Жуковского над поэмой «Владимир» из эпохи Киевской Руси. Свою записку Тургенев закончил выражением надежды на милость правительства: «Позволительно думать, что свершение столь великого труда, кроме таланта, требует еще и обстоятельств благоприятных, особливо независимости от нужд недостаточного состояния».

Письмо Тургенева было своего рода ходатайством о назначении Жуковскому пенсии за особые заслуги в области развития российской словесности. 30 декабря 1816 года был подписан указ, согласно которому Жуковский, «обогативший русскую словесность отличными произведениями, из коих многие посвящены славе российского оружия», получил 4000 рублей ежегодной пенсии. Жуковский мог теперь отдаться творческой работе. Осознавая возросшую ответственность, Жуковский писал Тургеневу: «Поэзия час от часу становится для меня чем-то возвышенным... Не надобно думать, что она только забава воображения! Этим она может быть только для петербургского света. Но она должна иметь влияние на душу всего народа, и она будет иметь это благотворное влияние, если поэт обратит свой дар к этой цели». Общественно-литературная позиция Жуковского была связана с особым пониманием им роли поэта в современном обществе. Он считал, что «писатель, уважающий свое звание, есть также полезный слуга своего отечества... как и судья, блюститель закона». Этим убеждениям, проникнутым духом патриотизма, поэт не изменял на протяжении всей своей жизни.

6 января 1817 года в доме Блудова Тургенев зачитал арзамасцам рескрипт об учреждении Жуковскому пенсии. Этот вечер был прощальным. Поэт снова уезжал в Дерпт. Подходила к развязке его личная драма. Еще

осенью 1815 года известный дерптский хирург И. Ф. Мойер сделал предложение М. А. Протасовой. Душевные качества Мойера расположили к нему Машу, желавшую вырваться из тягостной семейной обстановки, созданной Воейковым. Прежде чем принять предложение Мойера, М. А. Протасова обратилась к Жуковскому за советом и помощью. Поэт долго не хотел смириться с решением Маши. И только пребывание в Дерпте (в январе — феврале, апреле — декабре 1816 года) убедило Жуковского в том, что решение о замужестве Маша приняла добровольно, без нажима со стороны родственников. Теперь поэт торопился в Дерпт на ее свадьбу, назначенную на 9 января. Здесь он оставался до начала мая 1817 года.

В Дерпте Жуковский не прекращал разнообразную литературную работу. Он задумал издавать в Петербурге литературно-художественный альманах, предполагая привлечь к этой работе и Д. В. Дашкова. Жуковский предлагал другу «приняться вместе за дело» и «выдавать» ежегодно по две малые книжки: одну — состоящую из русских сочинений в стихах и прозе, другую — как собрание переводов из немецких писателей. Оба альманаха были задуманы как иллюстрированные издания. В русской книжке поэт собирался поместить виды Петербурга и Павловска (которые хотел заказать архитектору Монферрану, превосходному рисовальщику), а также иллюстрации к некоторым из своих баллад.

План издания иллюстрированного альманаха, к сожалению не осуществившийся, важен для понимания литературно-журнальной позиции Жуковского. Задуманная им «русская книжка» — прообраз будущих литературных альманахов, таких, как «Полярная звезда», издаваемая впоследствии К. Рылеевым и А. Бестужевым, и «Северные цветы», выпускаемые А. Дельвигом.

Состав авторов, которых Жуковский намеревался пригласить к участию в альманахе (Вяземский, Батюшков, Блудов, Воейков, А. Пушкин, Н. Муравьев), позволяет утверждать, что он стремился к сплочению передовых художественных сил того времени.

Среди будущих сотрудников альманаха стоит и имя А. Мещевского. В намерении привлечь к участию в альманахе молодого поэта, томившегося в сибирской ссылке, проявилась гражданская смелость Жуковского. Ему Мещевский выслал из Сибири рукописи своих произведений, к нему же обращался с просьбами о поддержке. Со своей стороны, Жуковский, используя влиятельные знакомства, пытался добиться если не отмены сурового приговора, то, во всяком случае, его смягчения. Жуковский стал посредником между Мещевским и Арзамасом. Жуковский предложил напечатать за счет Арзамаса (в пользу автора) поэму «Наталия, боярская дочь», написанную Мещевским по мотивам повести Карамзина. Беспечные арзамасцы не слишком торопились это сделать. Задержка в таком деле казалась Жуковскому недопустимой, и он напоминал арзамасцам: «В Сибири терпение тяжелее, чем в Москве, и в Дерпте, и в Петербурге».

Между тем подходила к концу страническая жизнь Жуковского. В апреле 1817 года проездом через Дерпт с ним встретился Г. А. Глинка, известный в начале XIX века писатель и ученый, муж родной сестры В. К. Кюхельбекера. Г. А. Глинке, состоявшему с 1811 года «кавалером» (помощником воспитателя) великих князей, было предложено давать уроки русского языка невесте будущего императора Николая I, принцессе Шарлотте. Глинка, чувствуя себя не совсем здоровым, предложил это место Жуковскому.

Разговор с Глинкой заставил поэта задуматься. Место учителя при царском дворе давало заработок

в 5000 рублей ежегодно, казенную квартиру. Он понимал, что «без совершенной беззаботности о своем содержании нельзя в Петербурге ничего доброго сделать».

Жуковский был педагогом-просветителем по призванию. В годы первой молодости он с увлечением обучал А. А. и М. А. Протасовых, которым сумел привить не только высокие нравственные правила, но и серьезность запросов. Поэт считал, что он сможет благотворно влиять на свою новую ученицу, внушить и ей возвышенные представления о жизни и ее целях. Это соображение, при всей его утопичности, казалось Жуковскому особенно важным, а собственная миссия рисовалась ему в идиллическом свете. Излагая мотивы, побуждавшие его согласиться на предложение Глинки, Жуковский просил совета у А. Тургенева и Карамзина. Для окончательного решения этого вопроса он отправился в начале мая 1817 года в Петербург, рассчитывая затем провести летние месяцы в родных местах Тульской губернии, куда направлялись и его дерптские родные. Но служебные хлопоты затянулись почти на все лето, и эти планы не смогли осуществиться. Неожиданно возникли препятствия: вмешались старинные недруги — А. С. Шишков и другие, не желавшие «укрепления» Жуковского при дворе. Дело, однако, решилось в его пользу.

Назначение на новую должность привязало Жуковского к Петербургу, но по существу жителем столицы он стал уже раньше, в 1815 году. За два года, проведенные в поездках между Дерптом и Петербургом, поэт привык к столичному жизненному укладу, приобрел широкую известность в литературно-художественной среде. Здесь увидели свет его первые книги, здесь созревали и вынашивались новые творческие замыслы.

Оставалось последнее: окончательно обосноваться в Петербурге. Это и произошло весной 1817 года.

...Май 1817 года выдался в Петербурге теплый, солнечный. «Давно такого здесь не помнят»,— отметил Николай Тургенев в письме за границу брату Сергею. Он сообщает, что на днях в столицу приехал из Дерпта Жуковский, который успел уже побывать у Тургеневых на Фонтанке. В их квартире было всегда многолюдно и оживленно. В ней, по шутливому замечанию москвича А. Я. Булгакова, с самого утра как «в волшебном фонаре или кукольной комедии: то один, то другой, то поп, то солдат, то нищий, то мамзель». Братья Тургеневы встречали Жуковского приветливо и радушно. Часто бывая у них, поэт сблизился с Николаем Тургеневым, одним из примечательнейших людей своего времени.

Поэта привлекали в Николае одаренность, глубокие знания и высокие нравственные достоинства. Еще осенью 1816 года, поздравляя Александра с возвращением в Петербург брата, Жуковский просил: «Обними за меня брата Николая. Враг хамов* должен быть арзамасцем. Тащи его в Арзамас».

Н. Тургенев вступил в Арзамас в отсутствие Жуковского, еще 24 февраля 1817 года, получив шутливое балладное прозвище Варвик, а уже через два месяца арзамасцем стал и другой участник тайных обществ — генерал М. Ф. Орлов. В Арзамасе его нарекли Рейном, по названию реки, на которой разыгрывалось действие многих баллад Жуковского. В случае необходимости прозвище это дополнялось эпитетами — усатый, важный, статный, в которых обыгрывались отдельные черточки внешнего облика М. Ф. Орлова и его манеры держаться.

---

* Так называл Н. Тургенев крепостников.

Н. И. Тургенев и М. Ф. Орлов органически вошли в арзамасскую среду и вскоре заняли там заметное место. Они сдружились с Жуковским, постоянно встречаясь с ним на заседаниях Арзамаса, которые в том году были особенно частыми и оживленными, и в домах многочисленных знакомых поэта, и у себя дома. Зная характер Николая Тургенева — страстного и откровенного противника самодержавно-крепостнического режима, безудержного в проявлениях своей любви к отечеству, можно предположить, какими были их постоянные разговоры. Запись в дневнике Н. Тургенева от 27 мая 1817 года свидетельствует об одном из них, происходившем у М. Ф. Орлова: «Сидел я с Жуковским долго у Михаила Орлова. Много говорили, много болтали. Такие разговоры при теперешнем положении нашем утомляют более, нежели „оживляют"».

«Теперешнее положение» легко расшифровывается в лексике членов тайных обществ как реакционное направление внутренней и внешней политики Александра I в послевоенные годы. Страной фактически управлял военный министр граф Аракчеев, который наводнил Россию казармами и военными поселениями. Крестьяне были разорены огромными повинностями и хищничеством чиновников; деревни опустошались рекрутскими наборами. В государственном аппарате, на чиновничьей службе процветали бюрократизм, карьеризм, забота о личной выгоде. Н. Тургенев замечал далее: «Прежде, когда положение вещей у нас представлялось в другом виде, подобные мысли и разговоры меня оживляли, воспламеняли; теперь давят, наводят отчаяние».

Лучшие люди эпохи — и к ним мы с полным правом можем отнести и Жуковского — ощущали трагическую безысходность российской действительности. Поиски выхода из сложившейся ситуации, однако, шли

М. Ф. Орлов. *Портрет работы неизвестного художника. 1810-е гг.*

разными путями. Для будущих декабристов они заключались в практической революционной деятельности с целью изменения существующего порядка вещей. Для Жуковского, как и для многих других арзамасцев, эти пути были неприемлемы. После одной из бесед с арзамасцами Николай Тургенев отметил в своем дневнике, что они «любят то же, что и я люблю. Но я этой любви не верю. Что любишь, того и желать надобно. Они же желают цели, но не желают средств».

Однако для сближения членов тайных обществ с арзамасцами почва все же имелась. Их объединяли патриотические настроения, ненависть ко всякого рода деспотизму, рутине, отсталости, стремление содействовать общественному прогрессу, объединяла и общность литературно-эстетических воззрений.

Рассматривая литературные объединения и кружки как удобную форму легальной пропаганды своих идей, будущие декабристы стремились придать более широкий общественный размах деятельности Арзамаса. Правда, уже в первые месяцы существования Арзамаса возникла идея издания журнала, которую особенно активно поддерживал Вяземский. Теперь ее вновь выдвинули Николай Тургенев и Михаил Орлов, видевшие в создании журнала реальные возможности для распространения передовых идей и воздействия на общественное мнение в нужном им направлении. 9 июня Н. Тургенев сообщал брату Сергею: «Арзамасское общество решилось создавать журнал» — и просил его «заготовить что-либо» для этого журнала, имея в виду интересы С. Тургенева в области политики, законодательства, административной деятельности.

Письмо это позволяет несколько уточнить дату того заседания Арзамаса, на котором обсуждался проект издания журнала. Оно состоялось в самом начале

месяца, не позднее 8 июня. Заседание происходило на даче Уварова, на набережной реки Карповки, в так называемом «павильоне Штейна». Имя барона Штейна, либерального прусского министра, было в те годы широко известно в передовых общественных кругах Петербурга. По требованию Наполеона, завоевавшего Пруссию, Штейн был выслан из Пруссии и провел несколько лет в России, где занимал ряд административных должностей. Он был сторонником освобождения крестьян в России. Этим, в первую очередь, объясняется то уважение, которое питали к Штейну прогрессивно настроенные современники. Хорошо знали его и некоторые арзамасцы — Николай Тургенев, встречавшийся с ним во время своего пребывания за границей, а также молодой Уваров, который и назвал именем Штейна павильон на своей даче.

Неистощимый на выдумки секретарь Светлана и на этот раз нашел новую форму для протоколов — знаменитые «Гексаметры» — стихотворные отчеты о заседаниях, написанные комически важным слогом. Но за пародийностью формы угадывается серьезность предметов обсуждения в арзамасских собраниях 1817 года.

В «павильоне Штейна» М. Орлов ознакомил присутствующих с проектом журнала, статьи которого «новостью и смелостью идей пробудили бы внимание всей читающей России». Программа журнала, основанная на идеях просвещения и свободы, нашла полную поддержку и в выступлении Вяземского, предложившего конкретный план издания. Речь шла, по существу, о полной реорганизации Арзамаса, о решительном повороте его к политике, о повышении его авторитета в общественном мнении. Новое направление, которое стремились придать ему радикально настроенные арзамасцы, вызывая споры и разногласия по отдельным

вопросам, на первых порах встретило общее сочувствие. Недаром последняя строчка протокола подводит следующий итог прениям: «Чем же сумятица кончилась? Делом: Журнал состоялся».

Стремление придать Арзамасу более серьезный, основательный характер нашло отражение и в арзамасских «законах» — уставе, разъясняющем цели общества, права и обязанности его членов. Написанный М. Ф. Орловым устав имел отчетливо выраженную политическую окраску. Конечная цель общества определялась уже не как содействие просвещенному вкусу, а как «польза отечества, состоящая в образовании общего мнения». Чтение и обсуждение законов происходило в конце июня в петербургском доме М. Ф. Орлова.

В доме важного Рейна был Арзамас не на шутку,
В том Арзамасе читали законы, читали «Вадима»...—

сообщал Жуковский в очередном шуточном протоколе.

Чтение баллады Жуковского «Вадим» в кругу членов тайного общества — важное событие в творческой биографии Жуковского. Баллада, составляющая вторую часть старинной «повести» в стихах «Двенадцать спящих дев», была ответом поэта на новые запросы в области национального русского искусства. Действие «Вадима», в отличие от подавляющего большинства баллад Жуковского, происходит в Древней Руси. Далеко не случайно героем произведения становится Вадим Новгородский, имя которого восходит и к летописному сказанию о защитнике знаменитой новгородской вольницы, и к традиции русской литературы конца XVIII — начала XIX века о герое — патриоте и свободолюбце. Однако в своей романтической интерпретации Жуковский выдвинул на первый план мечтательность, порыв героя к идеалу, возвышенные представ-

ления о любви. Смысл баллады раскрывает предпосланный ей эпиграф, взятый поэтом из Шиллера:

Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес:
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

Читатель вступал вместе с Вадимом в удивительный мир, созданный творческой фантазией поэта-романтика. Мир этот жил таинственной и необычной жизнью, символом которой стало «прелестное виденье», явившееся Вадиму во сне:

Младая дева, лик закрыт
 Завесою туманной,
И на главе ее лежит
 Венок благоуханный.

Приключения героя, отправившегося на поиски своей идеальной героини и совершившего на пути немало подвигов, составляют содержание этой баллады.

Новая баллада привлекла современников высотой нравственного чувства, верой в торжество подлинной любви, одухотворенностью.

Отдавая свое произведение на суд «священного ареопага» друзей, поэт опасался, поймут ли читатели сложную романтическую символику баллады, не наскучит ли она им. В шутливом посвящении Д. Н. Блудову он писал:

Вадим мой рос в твоих глазах;
 Твой вкус был мне учитель;
В моих запутанных стихах,
 Как тайный вождь-хранитель,
Он путь мне к цели проложил.
 Но в пользу ли услуга?
Не знаю... Дев я разбудил,
 Не усыпить бы друга.

В июле 1817 года «Двенадцать спящих дев» были изданы в Петербурге отдельной книгой и имели огромный успех. К. Зейдлиц, объясняя успех книги у публики, писал, что «стихи „Вадима“, полные мечтаний о чудесах, вере и любви, сделали глубокое впечатление на сердца, успокоившиеся после окончания войны и вновь приобретшие восприимчивость к романтическому направлению». Блудов в одной из петербургских газет определил причину успеха этого произведения, отметив, что оно основано на мотивах народной фантастики, отличается занимательностью действия и блеском художественного мастерства. Строгий и требовательный Николай Тургенев тоже считал, что баллада «написана хорошо; картины или описания превосходны».

В то время, когда друзья хлопотали об определении Жуковского на службу при дворе, он особенно активно общался с членами тайных обществ и с людьми, не скрывавшими своего отрицательного отношения к современным российским порядкам. Одним из таких лиц был Н. И. Кривцов, участник и герой Отечественной войны, известный своим вольнодумством. Н. И. Кривцов встречался с Жуковским у Тургеневых (с которыми был дружен) и у М. Ф. Орлова. Впоследствии он стал близким приятелем А. С. Пушкина.

Петербургский дневник Кривцова, который он вел в мае — июле 1817 года, содержит ряд важных упоминаний о встречах с Жуковским. Из этого дневника мы узнаём о тех разговорах, которые велись, например, у М. Ф. Орлова. «Вечером,— записывает Кривцов,— мы собрались у него — Вяземский, Жуковский, Тургенев и я,— и он развивал ту мысль, что только слабость характера может помешать человеку усвоить либеральные идеи».

Летом 1817 года Жуковский мог встречаться и с Никитой Муравьевым, который был принят в Арзамас, вероятно, на заседании 13 августа. Это заседание у Михаила Орлова во многих отношениях знаменательно. Для хозяина дома оно было прощальным: 15 августа он уехал в Киев. Царь стремился освободиться от беспокойного генерала, осаждавшего его предложениями об отмене крепостного права.

На заседании развернулись оживленные споры по поводу характера статей для будущего арзамасского журнала. Со своими предложениями выступили М. Орлов и Н. Тургенев. Предметом развернувшихся дискуссий были проблемы современной политической жизни и различия в представлениях об исторических путях развития России.

Выявившееся несогласие свидетельствовало о назревании внутреннего раскола в Арзамасе, что и отразилось в протоколе Жуковского: «Читано три программы, два — членом Рейном, одна — членом Варвиком, по поводу коей произошел страшный арзамасский язычных бой, и совершилось вторичное по сотворении мира смешение языков». Добродушная шутка поэта была меткой. Присутствующие на заседании говорили на разных языках: радикалы М. Орлов и Н. Тургенев требовали решительных мер и немедленных действий, их противники звали на путь реформ.

Несмотря на умеренность общественно-политических взглядов Жуковского, принадлежавшего к правому крылу Арзамаса, его участие в летних арзамасских заседаниях, острых спорах, личное общение с деятелями тайных обществ говорит о сближении поэта с передовыми кругами петербургского общества, где закладывались основы декабристского движения.

В это время поэт познакомился в рукописи со знаменитой книгой Н. Тургенева «Опыт теории налогов»,

Н. М. Муравьев. *Портрет работы П. Соколова. 1824 г.*

принесшей ее автору репутацию отчаянного «либералиста». В письме от 5 августа Н. Тургенев писал младшему брату: «Книгу мою читаю с Жуковским и думаю, что решусь печатать». Как это видно из письма, Жуковский одобрил рукопись и нашел ее вполне готовой к печати, и тем самым способствовал скорейшему выходу в свет этого замечательного документа декабристской политической мысли.

Лето 1817 года было для Жуковского знаменательно и в других отношениях. В июне этого года в Петербурге появился А. С. Пушкин, закончивший Царскосельский лицей. На его выпуск члены Арзамаса, как вспоминает Вигель, смотрели «как на счастливое для них происшествие, как на торжество. Сами родители его не могли принимать в нем более нежного участия; особенно же Жуковский, восприемник его в „Арзамасе", казался счастлив, как будто бы сам бог послал ему милое чадо».

Жуковский бережно и заботливо опекал юного поэта, с которым постоянно встречался и на квартире братьев Тургеневых, и в домах других арзамасцев, и на летней даче Карамзиных в Царском Селе. Лицеист Пушкин часто посещал «Кавалерский дом», занимаемый вплоть до 1822 года семьей историографа и расположенный на углу Садовой (ныне Комсомольской) улицы и Леонтьевской (ныне улицы Труда). Дом этот, в котором Карамзины жили обычно до глубокой осени, был построен в конце XVIII века известным архитектором С. И. Чевакинским.

По выходе в 1815 году первой части своих стихотворений Жуковский подарил их Пушкину, тогда еще лицеисту, с гордостью записавшему в своем дневнике: «Жуковский дарит мне свои стихотворения». Поэт высоко ценил не только замечательное дарование юного Пушкина, но и его безукоризненный вкус и

безошибочное художественное чутье. Со слов знатоков биографии Пушкина П. В. Анненкова и П. И. Бартенева, опиравшихся на устные рассказы лиц, близко знавших поэта, известно, что Жуковский имел обыкновение читать Пушкину свои новые стихи и, если тот не вспоминал их при следующей встрече, Василий Андреевич считал такие строфы неудавшимися и переделывал их.

Тесное общение Жуковского и Пушкина постепенно переходило в дружбу, скрепленную общностью творческих интересов. Составляя летом 1817 года сборник своих стихотворений, написанных еще в Лицее, Пушкин постоянно советовался со своим учителем, который внимательно читал и правил тексты отдельных стихотворений, делал замечания на полях рукописи.

9 июля Пушкин уехал вместе с родителями в село Михайловское, а с наступлением осени возвратился в Петербург. Незадолго до этого в столице появился наконец и Батюшков, а также старый товарищ Жуковского А. Плещеев. Все они вошли в число арзамасцев: 27 августа прошел процедуру избрания в Арзамас Батюшков, уже числившийся арзамасцем, но лишь теперь принявший личное участие в заседаниях. В это же время в Арзамас был принят и А. Пушкин, давно считавший себя арзамасцем и принимавший горячее участие в борьбе с Беседой. Батюшков — Ахилл и Пушкин — Сверчок достойно пополнили ряды передовых литераторов-арзамасцев.

А. Плещеев не был писателем-профессионалом, однако его яркая и всесторонняя одаренность, живой и общительный нрав, неподражаемая способность к «передразниванию», композиторский дар делали его прирожденным арзамасцем. В Арзамасе Плещеев получил прозвище Черный Вран за свою характерную внеш-

ность: кудрявую, темноволосую голову, смуглый цвет лица.

4 сентября в Царском Селе Жуковский встретился с друзьями-арзамасцами. Гуляя по парку, шутили, вспоминали отсутствующих. Участие в этом скромном дружеском торжестве выдающихся русских поэтов выразилось в создании двух шутливых экспромтов, которые были записаны на листке бумаги и уцелели в архиве Жуковского. В них звучит мотив верной, неизменной дружбы. Это не было для Жуковского поэтической метафорой или эффектной игрой слов. Василий Андреевич был преданным и бескорыстным другом, готовым прийти на помощь товарищу, попавшему в беду. Узнав о смерти жены Плещеева, поэт сразу хотел поехать в Чернь, однако не смог, и это тревожило и угнетало его. Он писал родным в июле 1817 года: «О Плещееве не знаю ничего, и это меня мучит! Знаю, что он сбирается в Петербург, и только! Но когда и каков он?.. Напишите о нем подробнее! Одна из самых тяжелых жертв, принесенных мною обстоятельствам, есть то, что я к нему не поехал...»

Приезд Плещеева в Петербург осенью 1817 года был связан с необходимостью устроить детей, оставшихся без матери, в учебные заведения. По приезде в столицу Плещеев снял квартиру на Галерной улице (ныне Красной) в доме 4, принадлежавшем купцу Риттеру (1-я Адмиралтейская часть, № 207; дом не сохранился). Возможно, что Жуковский уже в 1817 году поселился здесь вместе с Плещеевым, желая поддержать друга. Во всяком случае, в сентябре 1817 года Жуковский бывал в этом доме постоянно. Здесь же был устроен и прощальный Арзамас в связи с предстоящей Жуковскому поездкой в Москву.

Поездка эта была вызвана новыми служебными обязанностями поэта. 13 сентября Николай Тургенев

сообщал Сергею, что «Жуковский уже начал свои уроки с великою княгиней». Продолжить эти занятия предстояло в Москве, куда на сезон 1818/19 года переезжал в полном составе императорский двор.

В отсутствие Жуковского, уехавшего проститься с родными в Дерпт 19 сентября и возвратившегося 1 октября, деятельность арзамасского общества развивалась в прежнем направлении. В день своего рождения 29 сентября Н. Тургенев отмечает в дневнике событие, важность которого трудно переоценить: «Третьего дня был у нас Арзамас. Нечаянно мы отклонились от литературы и начали говорить о политике внутренней. Все согласны в необходимости уничтожить рабство; но средства предпринимаемые не всем нравятся».

Еще раз Арзамас собирался 2 октября, по возвращении Жуковского из Дерпта, накануне его отъезда в Москву. Ночью в квартире на Фонтанке Н. Тургенев набрасывает торопливую запись: «Сейчас приехал из Арзамаса, где провел время по обыкновению весело. Простился с добрым Жуковским, который завтра едет в Москву».

До первой станции на пути из Петербурга в Москву — Софии — поэта провожали Батюшков и Пушкин. Обедали вместе в Царском Селе — это отметил в своем дневнике уже сам Жуковский. Запись об этом обеде — первая в путевом дневнике поэта. (Начиная с 1817 года дневники поэта становятся буквально летописью его путешествий, поездок, различных перемен, нарушающих будничный уклад жизни.) За лаконичными строчками этих записей слышатся теплые дружеские слова, застольные шутки, прощальные приветствия. Дорожная коляска тронулась в путь, который вел в Москву...

Жизнь в Москве, при дворе не отдалила Жуковского от друзей. В письмах из Москвы он уведомляет друзей о своих поэтических занятиях: «...тишина стихотворная царствует в моей обители, и уж Музы стучатся в двери; я еще не мог принять их за беспорядком, но завтра они ко мне пожалуют. О чем буду с ними беседовать, то скоро узнают современники и передадут потомкам. Целую Арзамас».

«Беседы с музами» оказались плодотворными: Жуковский перевел множество замечательных произведений любимых им немецких поэтов Гёте, Шиллера, Уланда и других, создал ряд оригинальных стихотворений. Плоды этой работы вместе с некоторыми стихотворениями, написанными еще в Дерпте, составили пять выпусков маленького альманаха «Для немногих» («Für wenige»), выходившего в Москве в апреле — мае 1818 года. На страницах этого издания впервые увидели свет такие переводы Жуковского, как «Лесной царь», «Мина», «Рыбак» из Гёте; «Горная дорога», «Рыцарь Тогенбург», «Голос с того света» из Шиллера; «Деревенский сторож в полночь», «Летний вечер» из Гебеля и другие.

Альманах имел двоякое назначение: он подводил итоги творческой работы Жуковского-переводчика и одновременно являлся своеобразным учебным пособием для его ученицы. Читатель получал возможность сравнить переводы поэта с оригиналами, помещенными рядом, глубже вникнуть в мастерство Жуковского-переводчика. Издание книжек альманаха в известной мере явилось осуществлением замысла «немецкого альманаха», изложенного в письме Дашкову в начале 1817 года.

По мере выхода отдельных выпусков альманаха петербургские друзья и знакомые получали их в подарок от Жуковского. В их числе был и Кюхельбекер,

а также А. Пушкин, откликнувшийся на выход альманаха в послании «Жуковскому» (1818), раскрывая смысл заглавия следующим образом:

Ты прав, творишь ты *для немногих,*
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.

«Священной истины друзья» и строгие ценители таланта, о которых пишет Пушкин, составляли «дружеский ареопаг», суждением которого Жуковский особенно дорожил, представляя на его суд свои новые произведения. С каждым годом этот ареопаг пополнялся новыми членами. Разнообразные отношения — личные, творческие, общественно-литературные — связывали во второй половине 1810-х годов Жуковского со многими выдающимися его современниками.

Одним из тех, кому Жуковский намеревался подарить экземпляр своего альманаха, был его старый знакомый по Петербургу и Дерпту лифляндский дворянин Т. Е. Бок, которому поэт в 1815 году посвятил три стихотворных шуточных послания. Экземпляр, предназначенный для Бока, сохранился в архиве Жуковского. Причины этого можно усмотреть в драматических обстоятельствах жизни Т. Е. Бока.

Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии, Бок, не будучи членом ни одного из тайных обществ, может быть поставлен на одно из заметных мест в политическом движении эпохи. Путь, пройденный Боком, типичен для той дворянской офицерской среды, из которой вышли впоследствии декабристы. Подобно другим прогрессивно настроенным офицерам Генерального штаба, Бок был глубоким патриотом, убежденным противником

деспотизма и угнетения. Отличаясь резкостью и независимостью своих суждений, он не раз вступал в прямые конфликты с высшим начальством. Усиление реакции, наступившее в России и Европе в 1816—1818 годах, Бок переживал как патриот и гражданин. Не желая мириться с российскими порядками, Бок в знак протеста вышел в отставку, но его продолжали волновать вопросы будущего и настоящего России. Благородные убеждения Бока были хорошо известны поэту. Единственное дошедшее до нас письмо Жуковского к Боку, исполненное намеков и недомолвок, станет более ясным, если мы подробнее ознакомимся со взглядами адресата Жуковского.

«Бесценный друг! Ты, надеюсь, не сердит на меня за мое молчание,— писал Жуковский Боку.— Ты дивишься судьбе, которая сделала из тебя смиренного хозяина, а меня приковала ко двору. Будь счастлив тихомолком, не дивись ничему». Жуковский напоминает другу о каком-то важном разговоре, добавляя: «В жизни одно: идея, для которой действуешь, остальные принадлежности — шелуха. Ты не изменишь идее добра и будешь счастлив. В этом порука твой характер и твое письмо, которое перечитывал с полным чувством дружбы к тебе». Под письмом дата: 18 февраля 1818 года. Она важна потому, что именно в это время Бок, живя в своем лифляндском имении, работал над «Запиской, которая должна быть представлена и прочтена собранию лифляндского дворянства». «Записка» была одним из ярких политических документов эпохи.

«Записка» Бока через петербургского военного генерал-губернатора С. К. Вязьмитинова была доведена до сведения Александра I. Основная тема «Записки» — внутреннее положение России в послевоенные годы: тяжелое положение крепостных крестьян, угнетение солдат в огромной армии, развал в административно-

правительственных кругах, угроза народного восстания. Резко и открыто бросая в лицо царю обвинения в создавшемся в государстве положении, Бок сознавал, как может быть воспринята его «Записка». Недаром она открывается словами: «Покорный судьбе, я не надеюсь окончить свои дни у отцовского очага». Бок не ошибся: завершенная 22 марта «Записка» была в апреле доведена до сведения царя, и уже в мае последовало «высочайшее распоряжение» заключить Бока в Шлиссельбургскую крепость. Вот почему альманах Жуковского так и не был получен Боком.

Но для Жуковского, во многом разделявшего высокие патриотические чувства Бока, путь прямой политической борьбы был неприемлем. Он не соответствовал ни индивидуальным склонностям, ни взглядам поэта, убежденного противника насилия и революционных переворотов. Свои надежды на изменение существующего порядка вещей он связывал с деятельностью просвещенного и гуманного монарха. Однако послевоенная деятельность Александра I и самая жизнь в Петербурге и Москве, опыт общения с передовыми людьми эпохи разрушали просветительские иллюзии и заблуждения поэта. Общественные взгляды его приобретали со временем большую критическую направленность, хотя и не переходили за грань, отделяющую сторонника мирных реформ от революционера.

Молчание поэта, от которого и после 1815 года в правящих кругах ожидали произведений, прославляющих «век Александра», современники были вправе истолковать как осуждение политики, проводимой царем. Так считал и Пушкин, писавший Жуковскому в 1826 году: «...в теченьи десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры, глас народа».

1817—1818 годы явились временем наибольшей близости Жуковского к передовым общественным кругам. Поэтому далеко не случайными кажутся пути, приведшие Жуковского не только в Арзамас, но и в петербургскую масонскую ложу «Астрея».

В середине 1810-х годов масонство приобрело широкое распространение. Масонами были видные деятели декабристского движения (М. Ф. Орлов, Н. И. Тургенев и др.), а также многие из арзамасцев. Александр I, разрешивший масонство в начале своего царствования, был напуган ростом политических брожений в масонских ложах и запретил их в 1822 году.

Общественно-литературный облик Жуковского позволял декабристам на первых порах рассматривать его как своего единомышленника. Из мемуаров С. Трубецкого известно, что члены «Союза благоденствия» стремились вовлечь Жуковского в свою тайную организацию. С этой целью, как указывает Трубецкой, Жуковского ознакомили с уставом общества — «Зеленой книгой»: «Вас. Андр. Жуковский, которому он был впоследствии предложен для чтения, возвращая его, сказал, что устав заключает в себе мысль такую благодетельную и высокую, для выполнения которой требуется много добродетели, и что он счастливым бы себя почел, если бы мог убедить себя, что в состоянии выполнить его требование; но что, к несчастию, он не чувствует в себе достаточно к тому силы». Считая себя неподготовленным к активной политической деятельности, Жуковский не принял предложения о вступлении в тайное общество, которое получил от его основателя А. Н. Муравьева в 1818 году, о чем он упоминает в «Записке о Н. И. Тургеневе». Надо думать, что руководители общества не раскрыли Жуковскому тайну, конечную цель «Союза» — «при-

Н. И. Тургенев. *Литография Зенефельдера. 1827 г.*

готовление России к конституции». По своим убеждениям Жуковский был, подобно многим из своих современников, монархистом. П. А. Вяземский не раз сетовал на то, что в нем «нет ни капли конституционной крови». Однако поэт не мог не сочувствовать идеям, изложенным в выдающемся документе политической декабристской мысли.

Не став декабристом, поэт тем не менее испытал благотворное влияние общественно-политических убеждений декабристов. Знакомство Жуковского с такими документами, как «Опыт теории налогов», «Зеленая книга», живое и непосредственное общение с видными деятелями тайных обществ — Н. М. и А. Н. Муравьевыми, Н. Тургеневым, М. Орловым и другими — безусловно внушало поэту глубокое уважение к их возвышенным идеалам и благородным целям.

С сочувствием относился он и к той просветительской работе, которую вели передовые офицеры в полковых ланкастерских школах. Используя систему взаимного обучения, предложенную известным английским педагогом Ланкастером, будущие декабристы сделали ланкастерские школы проводниками антикрепостнических идей. Жуковский был знаком с руководителями ланкастерских школ в Петербурге: с Н. Гречем, возглавлявшим эти школы и слывшим либералом, с Ф. Глинкой, членом «Союза благоденствия», и др. Он был хорошо осведомлен о деятельности М. Ф. Орлова в Киеве, где неугомонный Рейн также начал деятельно учреждать ланкастерские школы. На особенный характер обучения в них Жуковский многозначительно намекает в шутливом арзамасском послании «К М. Ф. Орлову» (1818):

Начальник штаба, педагог—
Ты по ланкастерской методе
Мальчишек учишь говорить

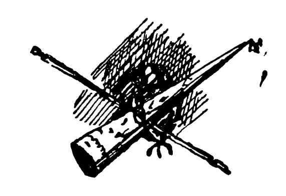
О славе, пряниках, природе,
О кубарях и о свободе —
А нас забыл...

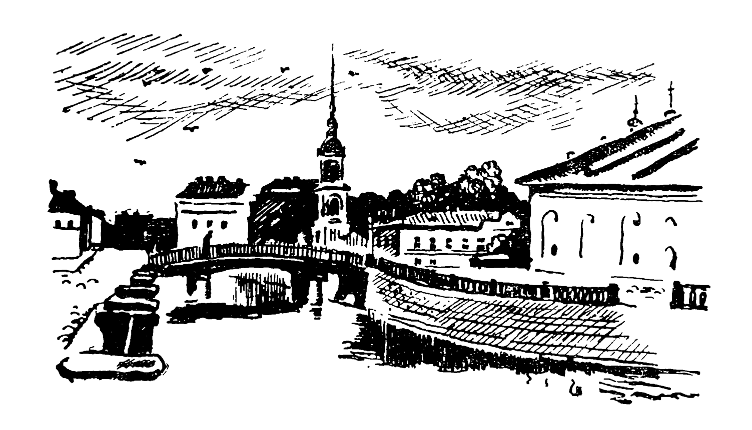
Между тем существование Арзамаса подходило к своему концу. В одном из протоколов (1818) Жуковский не без грусти констатировал:

Мы перестали смеяться —
Смех заступила зевота, чума окаянной Беседы!

Среди причин, способствующих угасанию общества, упоминается отъезд из Петербурга «усастого Рейна», который, «нас взбаламутив, дал тягу в Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу». Разъехались кто куда и другие арзамасцы: Блудов — в Лондон, Дашков — в Стамбул, Вяземский — в Варшаву. Батюшкову сам Жуковский, действуя через А. Тургенева и министра иностранных дел графа Каподистрию, помогал добиться назначения в одну из русских миссий в Италии.

По возвращении Жуковского в Петербург из Москвы в начале лета 1818 года Арзамас больше не собирался, но недолгая по времени деятельность его не прошла бесследно. Воздействие Арзамаса на развитие русской литературы было важным и значительным, а возникшее в острых литературных схватках «арзамасское братство» не распалось и после прекращения работы этого литературного общества.

„ПОБЕЖДЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ“

Вернувшись из Москвы во второй половине июня 1818 года, Жуковский застал в Петербурге лишь братьев Тургеневых и юного Пушкина. Впрочем, Николай Тургенев вскоре уехал, направляясь в родовое симбирское имение, и возвратился в столицу лишь в начале сентября. Летние месяцы прошли у поэта в тесном дружеском общении с Пушкиным и Александром Тургеневым. Друзьям жилось беззаботно и весело: прогулки по городу, оживленные споры сменялись поездками по окрестностям Петербурга. Чаще всего они бывали в Петергофе, где обычно встречались с Карамзиными.

В начале XIX века Петергоф с его великолепными дворцами и огромным живописным парком был, пожалуй, наиболее пышной и парадной из всех загородных резиденций. Как и в наши дни, петергофский парк славился своими фонтанами: знаменитым Боль-

шим каскадом, открывающим вид на Финский залив, сбегающей по скатам кряжа Шахматной горкой, забавными фонтанами-шутихами и другими удивительными сооружениями. Знаменитые иностранные мастера и художники, лучшие русские архитекторы, скульпторы, декораторы принимали участие в создании неповторимого облика Петергофа, где разнообразно и красочно царствует водная стихия.

В Петергофе все напоминало о славе и морском могуществе России. Славным воинским победам в борьбе за выход к Балтике была посвящена аллегорическая скульптура Большого каскада: Самсон, раздирающий пасть льва, плывущие навстречу друг другу старец Волхов и дева Нева, Персей, символизирующий мужество и отвагу русских воинов. Расположенный на берегу залива, парк был особенно хорош в летние солнечные дни, когда струи воды, наполняя бассейны, каналы, причудливо переливаясь на солнце, неожиданно возникают и среди зелени деревьев и среди ослепительно сверкающих бронзовых статуй. Павильоны, дворцы, галереи и колоннады, над созданием которых трудились многие поколения архитекторов, делали Петергоф одним из красивейших пригородов Петербурга. Здесь особенно удавались иллюминации и фейерверки, которыми сопровождались ежегодно проводимые пышные и торжественные празднества. В такие дни из столицы в Петергоф направлялось множество экипажей и всадников, на аллеях становилось многолюдно и оживленно: блестели расшитые золотом парадные мундиры военных, нарядные платья дам, звучали музыка и смех. В сумерки начиналась самая торжественная часть праздника. Парк вспыхивал тысячами разноцветных огней, красочными транспарантами и вензелями, придающими новое очарование фонтанам, бассейнам и каналам. На

взморье устраивался фейерверк, раздавались залпы праздничного салюта.

1 июля 1818 года на празднике, особенно многолюдном из-за хорошей погоды, присутствовал Жуковский, который провел в Петергофе вместе с Тургеневым и Пушкиным у Карамзиных несколько дней. Карамзин писал И. Дмитриеву: «Мы наслаждались петергофским праздником и ораниенбаумским, хотя иллюминация и фейерверк не весьма удались. Время было прекрасное; людей множество. Несмотря на ветер, довольно сильный, мы с женой, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе) сели на катер и носились по волнам Финского залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног, но мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подалее».

Вместе с Карамзиным друзья посетили Ораниенбаум (ныне Ломоносов), одну из царских резиденций — бывшее поместье князя А. Д. Меншикова. За долгие годы своего пребывания в Петербурге Жуковский неоднократно бывал здесь.

В середине июля 1818 года друзья снова побывали у Карамзиных, о чем сообщил А. Тургенев Вяземскому: «Сейчас возвратился из Петергофа, где провел время с Карамзиным, Жуковским и Пушкиным, следовательно, приятно». А Карамзин в письме к И. Дмитриеву добавляет новые подробности: «Мы одни гуляли в саду: он прекрасен».

Вскоре, однако, Карамзины перебрались в Царское Село, а Жуковский, приступивший к выполнению своих педагогических обязанностей, уехал в Павловск. Придворная павловская жизнь с ее светскими развлечениями мешала свободному творческому вдохновению. Жуковский работал над созданием грамматических таблиц (учебного пособия для преподавания русского

языка), которые отнимали у него много времени. Поэт надеялся, «вырвавшись из этих таблиц, как из клетки», сказать «друзьям и поэзии: я ваш снова!» Так писал он в письме А. П. Киреевской в ноябре 1818 года.

К этому времени поэт уже около двух месяцев жил в Петербурге, перебравшись в конце сентября на новую квартиру, которую снял в Коломне вместе с А. Плещеевым. Молодой П. А. Плетнев, часто посещавший Жуковского осенью 1818 года, хорошо запомнил дом вблизи Кашина моста, расположенный на углу Крюкова канала и Екатерингофского проспекта (ныне проспект Римского-Корсакова), в котором поселились друзья. Владельцем этого дома, сохранившегося до нашего времени (ныне Крюков канал, 11), был купец Брагин. Это был типичный доходный дом, ничем особенным не примечательный. Единственным его отличием от других был слегка закругленный угол и скромные железные балконы. Зато отсюда открывался чудесный вид на Никольский собор, сверкающий позолотой своих куполов. В пригожие осенние дни она еще ярче оттенялась золотистым и багряным убором деревьев, окружавших собор. Листья кружились в воздухе, покрывали дорожки и мостовые, медленно плыли по водам канала.

В тихой, немноголюдной Коломне жилось спокойно и уютно. Общее «хозяйство» друзей вел А. А. Плещеев. Вместе с ними жили и дети Плещеева. Отсюда по утрам поэт спешил к началу урока в Аничков дворец.

Впервые Жуковский стал хозяином собственной квартиры. И теперь уже к нему, на Крюков канал, стали приходить друзья и знакомые. Для этих посещений поэт назначил особый день — субботу. Субботы Жуковского вскоре получили широкую известность в петербургских литературно-художественных кругах. Об этом новшестве сообщал Вяземскому Александр

Тургенев в письме от 2 октября 1818 года: «У Жуковского — субботы, и стекается множество праздношатающихся авторов и литераторов; Плещеев читает, и в знак соединения российской образованности с иностранною пьется пунш и льется шампанское». Друзья подтрунивали над поэтом, гостеприимно распахнувшим двери своей квартиры перед многочисленными посетителями. Дружеские шутки над литературными субботами сердили поэта, придававшего серьезное значение своим вечерам.

В коломенской квартире Жуковского собирались не только его друзья (А. Пушкин, Н. Карамзин, А. Тургенев и другие), но и широкий круг литераторов. Здесь шли споры о современной русской литературе, обсуждались журнальные публикации, читались новые произведения. Бывали здесь начинающие авторы, молодые поэты, которым Жуковский оказывал помощь и покровительство. В этой своеобразной академии словесности приобретали опыт поэтического творчества В. К. Кюхельбекер, П. А. Плетнев и другие. «Молодые писатели,— замечает П. В. Анненков,— получали и первую оценку, и первые уроки вкуса». Много лет спустя Кюхельбекер писал Жуковскому: «Горжусь воспоминаниями той дружбы, которой удостаивали вы меня, при первых моих поэтических опытах; в начале моего поприща вы были мне примером и образцом...» Кюхельбекер вспоминал, что Жуковский «читывал» ему «своего Вадима строфами, когда еще его дописывал», прислал ему из Москвы свое «Для немногих», подчеркивая, что из десяти отпечатанных экземпляров, его грамматических таблиц один достался на его долю.

Чаще других бывал на Крюковом канале Пушкин. Жуковский продолжал оставаться его первым поэтическим наставником. Он оказался причастным к исто-

рии создания одного из наиболее острых в политическом отношении стихотворений молодого Пушкина «К Н. Я. Плюсковой» (1818). Друг Пушкина П. П. Каверин сообщал по этому поводу следующее: «Императрица Елизавета (жена Александра I.— *Р. И.)* спрашивала Жуковского, который в то время Александре Федоровне по-русски уроки давал, отчего Пушкин, сочиняя хорошо,— ничего не напишет для нее. Пушкин послал „На лире скромной, благородной"». Молодой поэт не мог обратиться непосредственно к императрице со стихотворным посланием и адресовал стихи в ее честь фрейлине Н. Я. Плюсковой (знакомой Жуковского), которая сообщила поэту о желании императрицы.

Заявляя:

Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей,—

Пушкин воспел в Елизавете добродетельную женщину, как бы продолжая традицию посвятительных стихотворений Жуковского, призывающего царей не забывать на троне «святейшего из званий — человек». Не случайно поэтому в черновиках стихотворения упоминается имя Жуковского. Молодой поэт идет, однако, значительно дальше своего предшественника, прославляя свободу и вольность и заканчивая свое стихотворение знаменательными строчками:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Талант молодого поэта мужал и креп. На одной из суббот Жуковского вновь приехавший в Петербург Батюшков был поражен стремительным творческим ростом Пушкина, читавшего в его присутствии отрывки из своей поэмы «Руслан и Людмила». История ее создания неразрывно связана с именем Жуковского.

Одной из важнейших задач, стоявших перед отечественной литературой в 1810-е годы, было создание эпической поэмы (эпопеи) на сюжет из древнерусской истории. Современники возлагали особые надежды на Жуковского, который давно уже собирал материалы по эпохе Киевской Руси для задуманной им поэмы «Владимир». О создании стихотворной эпопеи мечтал и Батюшков, предполагавший назвать свою будущую поэму «Рурик». Вопрос о национальной эпопее широко обсуждался в печати, получив отражение в дружеских посланиях той поры. Еще в 1813 году к Жуковскому обратился А. Воейков, предлагая ему написать такую поэму, чтобы русская поэзия могла стать вровень с поэзией Ариосто и Виланда (творцов национальных итальянской и немецкой эпопей). В ответном послании, живо откликаясь на это предложение, Жуковский набросал общий контур будущей поэмы, героями которой должны были стать князь Владимир, богатырь Киевской Руси Добрыня, побеждающий «бусурманов», волшебно-сказочные чудовища, ведьмы, баба-яга. Герой попадал в «жилище чародеев», встречал на пути лешего и русалок, и перед ним возникали «чертоги» —

Как будто слиты из огня —
Дворец волшебной царь-девицы...

Так фантазировал Жуковский в 1814 году. Увлекшись, однако, замыслом произведения о «Двенадцати спящих девах», он оставил в стороне будущую эпопею и создал балладу «Вадим».

Яркие штрихи будущей поэмы, нарисованные Жуковским в послании «К Воейкову», пробудили творческое вдохновение юного Пушкина, хорошо знавшего послание. Позднее он напишет в предисловии ко второму изданию своей поэмы: «Автору было 20 лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосель-

ского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни». В 1818 году работа была в самом разгаре.

По мере окончания отдельных эпизодов и песен поэмы Пушкин читал их на субботних вечерах Жуковского. Поэма вызывала восхищение удивительной музыкальностью стихов, игривой легкостью слога, чудесной живостью и непринужденностью рассказа. Шутливо-ироническая авторская интонация оживляла «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». За шутливостью тона, однако, не пропадало ощущение стройности, цельности и монументальности повествования. Слушатели с неослабевающим интересом следили за увлекательными приключениями славных витязей, отправившихся на поиски похищенной чародеем Людмилы. И вот подошло время рассказать о приключениях Ратмира. Здесь, при чтении IV песни поэмы, Жуковского ожидал сюрприз. Молодой поэт оставил на время своего героя. Прозвучали чудесные, незабываемые строки, обращенные к Жуковскому:

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель,
И музы ветреной моей
Наперсник, пестун и хранитель!

Молодой поэт был прилежным и внимательным читателем баллад Жуковского и, подобно многим из своих современников, увлекался ими. Перелагая в легких и изящных стихах сюжет «Двенадцати спящих дев», Пушкин писал о Громобое и его дочерях:

И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,
Сии чудесные виденья,
Сей мрачный бес, сей божий гнев,
Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.

Сцена, однако, заканчивалась озорной шуткой в духе старых арзамасских проделок: святые инокини оказывались вполне земными девами, в их зачарованный приют попадал жаждущий любовных утех Ратмир.

Жуковский разделял общее восхищение поэмой, в которой Пушкину удалось выразить в оригинальной литературной форме живые и вполне реальные человеческие чувства. Но Жуковский понял и другое: ученик вырос, созрел и вышел на дорогу самостоятельного творчества. Когда 26 марта 1820 года Пушкин на квартире Жуковского* прочитал последние сцены своей поэмы (эпилог к ней был написан позднее, а знаменитый пролог появился лишь во втором издании поэмы), Жуковский подарил ему свой литографированный портрет работы Эстеррейха с широко известной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму „Руслан и Людмила“». Так приветствовал Жуковский рождение великого поэта.

Смысл этой надписи был далеко не однозначен. В ней прежде всего заключалось признание творческой победы Пушкина, сумевшего выполнить задачу создания национальной русской поэмы, которую не смогли осуществить его предшественники, признание того, что для молодого поэта миновала пора литературного ученичества, и звучала уверенность в начале нового, значительного этапа в развитии русской поэзии, во главе которой теперь встал его «победитель-ученик». Все это не мешало Жуковскому относиться к Пушкину с прежней отеческой любовью и

---

* В это время Жуковский жил уже на казенной квартире в Аничковом дворце.

заботливостью. «Ученик», несмотря на расхождения в общественно-политических и эстетических взглядах со своим поэтическим учителем, отвечал ему полным доверием и признательностью.

Словно не замечая значительной разницы в возрасте, сдружившиеся поэты вскоре перешли на «ты». Живя неподалеку друг от друга, они виделись особенно часто. Поселившийся с родителями в Коломне (в доме Клокачева, сохранившемся до наших дней; ныне Фонтанка, 185), Пушкин был «своим человеком» у Жуковского. Часто приводил он к нему и своих друзей. Однажды, приехав к нему вместе с Н. Раевским и не застав его дома, Пушкин (как вспоминает один из современников) прикрепил прямо к дверям квартиры Жуковского записку следующего содержания:

Раевский, *молоденец* прежний,
А там уже *отважный сын,*
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но к неописанной печали
Поэта дома не нашли...

Рисуя в комических красках огорчение друзей, не заставших хозяина дома, Пушкин передавал ему приглашение:

Тебя зовет на чашку чая
Раевский — *слава наших дней.*

В отмеченных курсивом местах Пушкин процитировал строчки из «Певца во стане русских воинов», посвященные прославленному герою войны 1812 года генералу Н. Н. Раевскому. Его имя было овеяно легендой. Современники настойчиво приписывали ему подвиг под деревней Дашковкой, когда он будто бы повел в атаку юных сыновей — одиннадцатилетнего

Николая (с ним-то и заходил Пушкин к Жуковскому) и шестнадцатилетнего Александра*. Сам генерал это впоследствии отрицал, но легенда получила широкое распространение и отразилась в патриотических стихах Жуковского.

Естественно предположить, что Жуковский не отказался посетить воспетого им героя, а следовательно, уже в эти годы он мог встречаться и с дочерьми Раевского — Екатериной, ставшей вскоре женой М. Ф. Орлова, Софьей и совсем еще юной Марией Раевской — позднее женой декабриста С. Волконского, последовавшей за мужем в Сибирь.

В своей шутливой записке Пушкин, между прочим, спрашивал Жуковского:

Скажи — не будешь ли сегодня
С Карамзиным, с Карамзиной?

Вопрос далеко не случайный. Поселившись в Петербурге в доме Е. Ф. Муравьевой, Карамзины жили довольно замкнуто, чуждались светских знакомств, зато принимали почти ежедневно А. Тургенева, Жуковского, Пушкина.

Дружелюбная, гостеприимная обстановка располагала к откровенности. Здесь много спорили, далеко не всегда соглашаясь со взглядами хозяина дома. Чаще других возражал Карамзину Пушкин. Что же касается Жуковского, то он внимательно прислушивался к спорам и принимал в них обычно сторону почтенного историографа. Многие из идей Карамзина

---

* Называя младшего Раевского сначала «молоденцем», а затем «отважным сыном», Пушкин шутливо намекал на ту метаморфозу, которая произошла со строфой о Раевских в печатных изданиях «Певца во стане» от первоначальной редакции («с младенцами-сынами») к окончательной («с отважными сынами»).

вызывали у него сочувствие. В работе «Мысли об истинной свободе» Карамзин следующим образом определял свою позицию: «Основание гражданских обществ неизменно; можете низ поставить наверху, но всегда будет низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание. Свободу дает не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе с помощью божьей». Политическая и этическая доктрина Карамзина, выраженная в «Истории государства Российского» и в литературно-публицистических выступлениях 1810-х годов, оказала значительное влияние на Жуковского. Идея нравственного самоусовершенствования как средства преодоления острых социальных противоречий современного общества была особенно близка поэту, противнику всякого насилия. Отчетливо прозвучала она и в речи Карамзина, которую тот готовил для выступления в Российской Академии, куда был принят еще в июле 1818 года.

Российская Академия была в начале XIX века оплотом политической и литературной реакции. Размещалась она в здании, сохранившемся до наших дней (ныне 1-я линия Васильевского острова, 52. Дом этот, созданный в 1802—1804 годах выдающимся архитектором А. Михайловым 2-м, достраивался позднее В. П. Стасовым). Возглавлял академию адмирал А. С. Шишков — давний и непримиримый противник Карамзина. Однако начиная с 1816 года общественно-литературные и личные отношения прежних антагонистов значительно улучшились. Почвой для сближения было отрицательное отношение каждого из них к выдвигавшимся тогда конституционным проектам, отстаивание незыблемости самодержавно-крепостного порядка, боязнь революционных движений. Шишков был типичным охранителем существующих устоев, Карамзин не оправдывал несправедливости, царящей

в современном ему обществе. Они оба были видными идеологами-монархистами: с их мнением считался Александр I. Придавая своей речи в Российской Академии программное значение, Н. М. Карамзин тщательно работал над ее текстом, с которым ознакомил своих ближайших друзей. «В воскресенье,— оповещал А. Тургенев Вяземского 25 сентября 1818 года,— Жуковский, Пушкин, брат и я ездили пить чай в Царское Село, и историограф прочел нам прекрасную речь, которую написал он для торжественного собрания Русской академии». Произведенное ею впечатление отразилось в экспромте Жуковского, записанном в альбоме дочери историографа Е. Н. Карамзиной:

Всё для души, сказал отец твой несравненный;
В сих двух словах открыл нам ясно он
И тайну бытия, и наших дел закон...

В речи Карамзина Жуковского особенно поразила мысль об особой роли духовного начала в современной жизни, столь созвучная творчеству самого поэта. Афоризм Карамзина «Все для души» стал своеобразным жизненным девизом Жуковского.

Этой позиции не мог принять Вяземский, писавший А. Тургеневу: «...у Жуковского все душа, и все для души. Но душа, свидетельница настоящих событий, видя эшафоты, которые громоздят для убиения народов, для зарезания свободы, не должна и не может теряться в идеальности Аркадии». Среди друзей Жуковского Вяземский был наиболее строгим и требовательным критиком его произведений. Он призывал поэта обратиться к самой жизни, стремился привить ему дух несогласия с российскими порядками, опасаясь, что благодушный поэт не сможет противостоять официальным почестям.

Встревоженный известием об избрании Жуковского в Российскую Академию (в октябре 1818 года), Вяземский уже 14 ноября писал Д. В. Дашкову: «Сперва писал он для *немногих,* теперь *не* для *кого.* Но бог вступился за меня, и его упрятали в Российскую Академию». Жуковский не стал, разумеется, союзником Шишкова. Избрание в академию означало лишь запоздалое признание заслуг поэта в развитии отечественной литературы. В апреле 1818 года Жуковский вместе с Крыловым и Батюшковым стал почетным членом вновь организованного Вольного общества любителей российской словесности, ставшего вскоре одним из легальных филиалов «Союза благоденствия».

Значительное место в жизни Жуковского этих лет заняла дружба с поэтом И. И. Козловым, которая продолжалась до самой смерти Козлова в 1839 году. Литературную славу Козлову принесла поэма «Чернец», вышедшая из печати в 1825 году. Но в круг петербургских литераторов, близких Жуковскому, он вошел значительно раньше — в тот переломный и трагический момент своей жизни, когда тяжелая болезнь, приковавшая его к постели, обнаружила в этом, до сих пор ничем не примечательном, человеке поэта, и поэта незаурядного. В Козлове, потерявшем способность двигаться (а позднее и ослепшем), приняли сердечное участие братья Тургеневы и Жуковский. Именно их усилиями Козлов не только не утратил воли к жизни, но и сумел найти свое подлинное призвание.

Уже в самом начале 1819 года в дневнике И. Козлова появляются записи о посещении его Жуковским. 14 января он принес Козлову свои сочинения *.

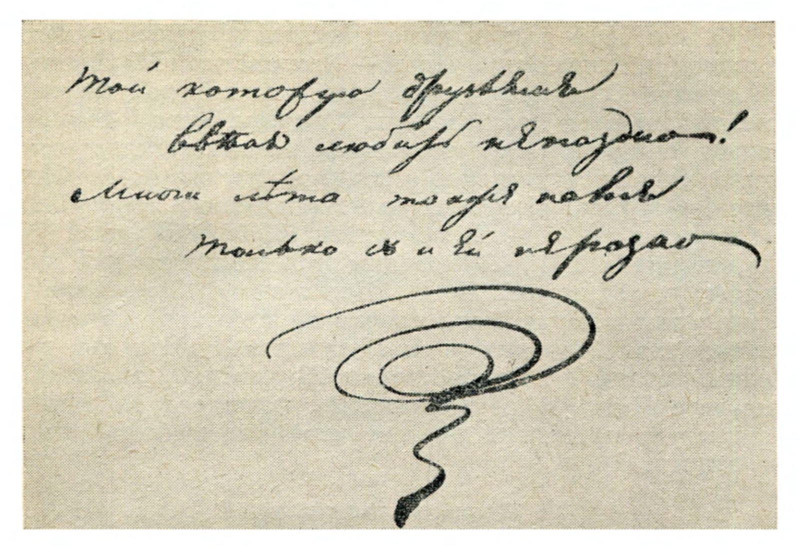
* В 1818 году вышло из печати 2-е издание стихотворений Жуковского в трех томах.

4 февраля они уже вместе читают в подлинниках «Чайльд-Гарольда» Байрона и «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо. Интерес к замечательному английскому поэту-романтику, получившему в эти годы широкую европейскую известность, в особенности сближает Козлова и Жуковского, оказывая заметное влияние на творчество каждого из них. 11 марта — новая запись в дневнике Козлова: «Читал с Жуковским „Гаура“. Как я люблю этого милого Жуковского. Я много занимаюсь английским языком».

Вероятно, по совету или при поддержке Жуковского Козлов приступил к переводу «Абидосской невесты» Байрона. 20 июля Козлов отмечает: «Столь любимый мною Жуковский прибыл из Павловска. Я читал ему мой перевод „Bride of Abyddos“». Жуковский снабжал больного поэта и другими сочинениями Байрона: 31 августа он прислал ему из Павловска поэму «Мазепа», а на рождественские праздники подарил «Манфреда», а также третью и четвертую песни «Чайльд-Гарольда».

Этот перечень показывает, что и сам Жуковский внимательно изучал произведения великого английского романтика. Не случайно поэтому, отвечая Вяземскому, упрекавшему Жуковского в том, что он не черпает у Байрона «жизни, коей стало бы на целое поколение поэтов», Александр Тургенев пишет: «Ты проповедуешь нам Байрона, которого мы все лето читаем. Жуковский бредит и им питается. В планах его есть много переводов из Байрона». Эти планы были осуществлены позднее. Козлову увлечение Байроном помогло обрести мужество, запас духовных сил. Пробуждение творческих способностей и веры в себя у больного Козлова было важной заслугой Жуковского перед русской поэзией.

В собственной творческой эволюции Жуковского

Шуточная «Баллада» Жуковского Пушкина. *Фрагмент рукописи.*

конец 1810-х годов ознаменовался некоторым творческим спадом. В литературе заявило о себе новое поэтическое поколение — Пушкин, Кюхельбекер, Дельвиг, Баратынский и другие. Возросло чувство ответственности и требовательности к себе. Сказалось воздействие непривычной обстановки, связанной с педагогическими обязанностями. Современники ожидали от него иных, значительных произведений. Друзей-либералов тревожила его жизнь при дворе, учебно-педагогические занятия и труды, знаки официального признания. На молчание Жуковского сетует в своих письмах Вяземский. Весьма своеобразно откликнулся на это состояние, переживаемое поэтом, и Пушкин.

2 мая 1819 года в доме Олениных отмечали день рождения хозяйки дома — Елизаветы Марковны. В архиве Олениных сохранился ценный документ — памятный след этого вечера. Сначала рукою Жуковского, а затем Пушкина записан на нем текст шуточного стихотворения. На автографе рукою А. Н. Оленина — запись, разъясняющая повод к его созданию: «Сочинено на случай рождения Е. М. Олениной во 2 день майа 1819 Жуковским и Пушкиным для шарады, изобретенной И. А. Крыловым». После представления в лицах была прочитана шуточная баллада, сочиненная Жуковским и Пушкиным, «Что ты, девица, грустна?». Вопрос задал Жуковский, а ответил на него Пушкин, разъяснивший, почему в присутствии столь известных поэтов «нечем позабавить» именинницу:

Но Жуковский наш заснул,
Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
А Крылов объелся.

За этой веселой шуткой стоял не только упрек Жуковскому, но и надежда, что в нем вновь проснется прославленный поэт.

В ПРИДВОРНОМ ПЛЕНУ

Некоторое потепление политического климата в России и Западной Европе, наступившее после разгрома Наполеона, сменилось к концу 1810-х годов резким похолоданием. Активизировал свою деятельность «Священный союз» европейских монархов во главе с Александром I. Усиление международной реакции вызвало широкое оппозиционное движение в Европе. Неспокойно было в Австрии и в Германии. В феврале 1819 года немецкий студент Занд заколол агента русского правительства писателя А. Коцебу. В Италии, Испании, Франции недовольство политикой «Священного союза» перерастало в революционное движение.

Для России наступали черные дни. Боязнь революций сказывалась на усилении самодержавно-крепостнического гнета внутри страны. «Политический горизонт в России более и более темнеет»,— записал в дневнике

Н. Тургенев 21 июня 1819 года. Картины петербургской жизни напоминали ему о бедствиях отечества: крики ночных часовых вызывали на размышление об участи тех, «которые кричат, непостижимости тех, которые велят кричать...». Когда Тургенев заявлял, что «общее уныние тяготит Петербург в сие время», когда он возмущался тем, что величественный облик города скрывает царящее в нем угнетение народа, он выражал общие настроения всех передовых людей России. «Как прилично название Зимнего дворца: все в нем холодно, как в царстве зимы; все в нем вяло, как в описании царства зимы Херасковым,— писал и Вяземский Александру Тургеневу, добавляя: — Смотри, чтоб тебя мороз не прихватил».

Положение Жуковского, оказавшегося в придворном плену, вызывало беспокойство друзей. Служба при дворе сблизила поэта с адъютантом великого князя Николая — Василием Алексеевичем Перовским. Они познакомились и подружились во время пребывания царского двора в Москве в 1817—1818 годах. Поэт знал также братьев Перовского, москвича Алексея Алексеевича (писателя-романтика, публиковавшегося позднее под псевдонимом Антоний Погорельский) и Льва Алексеевича — участника тайных обществ. Братья Перовские были побочными сыновьями сановника и богача А. К. Разумовского. По свидетельству многих современников, В. А. Перовский был человеком «необыкновенных дарований». В его характере противоречиво сочеталась восторженная мечтательность с насмешливостью и юмором, общительность и любезность с гордостью и обидчивостью. Близко знавший Перовского в годы его молодости К. Н. Фишер писал, что «по складу ума» он был «человек либеральный», «с великим князем обращался свободно, даже слишком свободно». Вместе с тем он был без-

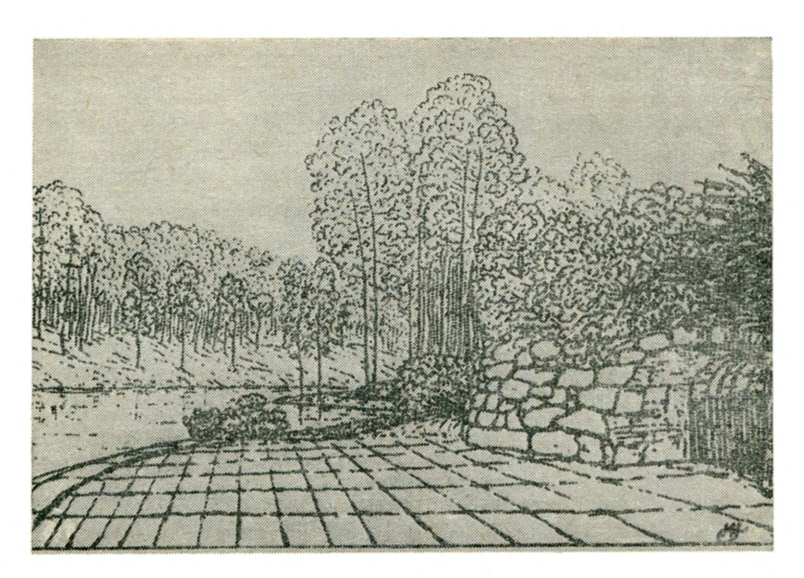
Елизаветин павильон. *Офорт Жуковского. 1823 г.*

гранично предан Николаю I. Свою преданность он показал в день 14 декабря 1825 года, а позднее сделал карьеру, став оренбургским военным генерал-губернатором, ревностно защищавшим интересы русского самодержавия.

В молодости В. Перовский тянулся к литераторам и поэтам, был дружен не только с Жуковским, но и с Пушкиным, с которым встречался и позднее, в Оренбурге. В. А. Перовский был одним из тех, кто в особенности способствовал развитию у Жуковского иллю-

зий относительно просвещенности и гуманного образа мыслей в царском семействе.

В июне 1819 года Жуковский жил в Павловске, продолжая свои уроки с Александрой Федоровной. На первых порах эта жизнь увлекала его своей праздничностью, атмосферой беззаботного веселья, летними удовольствиями. Но поэт вскоре почувствовал «неловкость» своего положения при дворе. Недаром сосланный Александром I М. М. Сперанский, откликаясь на сообщение дочери об откровенном разговоре с Жуковским, писал 23 сентября 1819 года: «Как живо я чувствую все неудобство его положения, всю сострадательность его жизни. Я слишком близко видел сей вид неволи, чтоб не сострадать, и что всего хуже, нет почти средства пособить ему». Тягостное состояние поэта усугублялось вспыхнувшим чувством к фрейлине императрицы Марии Федоровны — графине Софье Александровне Самойловой, в которую был влюблен и В. Перовский. Далекое от глубины первой любви, новое чувство поэта все же возбудило мечты о семейном счастье. Это нашло отражение в ряде «павловских стихов» 1819 и 1820 годов. Поводом к их созданию были мелкие события: встречи поэта с фрейлинами, потеря графиней Самойловой батистового носового платка и даже смерть павловской белки («К графине Шуваловой», «Письмо А. Г. Хомутовой», «К кн. А. Ю. Оболенской» и другие). Этот новый «род» поэзии вызывал осуждение друзей Жуковского. Однажды ночью в Павловск к Жуковскому явились Александр Тургенев и Пушкин, разбудили поэта, устроили чтение его новых, павловских стихов. «Пушкин начал представлять обезьяну и собачью комедию и тешил нас до двух часов утра»,— сообщает А. Тургенев Вяземскому, вспоминая попутно, что по дороге в Павловск юный проказник начал сочи-

Гатчина. «Эхо». *Гравюра и рисунок Жуковского. 1820-е гг.*

нять «послание о Жуковском к павловским фрейлинам».

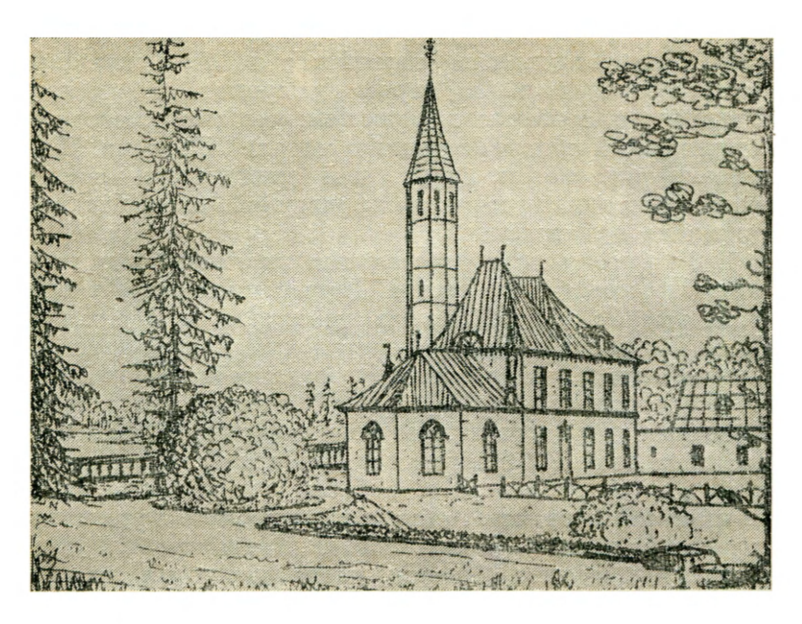
Среди павловских стихов выделяются, однако, несколько шуточных посланий, обнаруживающих новые грани творческого облика Жуковского. В них поэт запечатлел живописные пригороды Петербурга. В июне 1819 года Жуковский отвечает посланием императрице Марии Федоровне на ее просьбу «о павловской луне представить донесенье». Выполнить этот заказ, как шутливо заявляет поэт, помешали белые ночи, сделавшие луну почти невидимой. Вот почему в этом послании Жуковский рисует не луну, а картины жаркого летнего дня в Павловском парке. Он как бы повторяет поэтический маршрут «Славянки». Но лири-

ческая тональность и эмоциональные краски нового стихотворения далеки от элегических раздумий. Жизнерадостное настроение поэта, светлые летние впечатления по-новому раскрывают для читателя очарование павловских дворцов и павильонов. Внимание поэта привлекают те памятники, которые славятся яркой живописностью. Напротив дворца, на другом берегу Славянки, высятся руины Аполлонова храма. Сооруженная архитектором Камероном стройная колоннада летом 1817 года рухнула во время грозы. Образовался живописный памятник, настраивающий на романтический лад и особенно эффектный в лучах полуденного солнца:

Когда на падший храм, прорезав ткань листов,
Лучи бросаются златыми полосами,
Горят на белизне разрушенных столпов,
И пеной огненной с кипящими волнами
По камням прядают и гаснут на лету.

Рисует поэт башню Пиль, построенную В. Бренна и расписанную знаменитым Гонзаго; Висконтиев мост, каскад-руину. Неподалеку от этого уголка Павловского парка, между каскадом и дорожкой, ведущей к развалинам, находился так называемый Елизаветин павильон, откуда открывался один из красивейших видов на парк. Здесь поэт бывал особенно часто. Ныне это здание, созданное некогда Камероном, сильно обветшало.

Послание к Марии Федоровне, начатое в июне и продолженное в июле и августе, стало своего рода лирическим дневником павловских впечатлений. В нем даны поэтические зарисовки павловских пейзажей. Многие из них отразились затем в рисунках и гравюрах поэта, созданных в начале 1820-х годов. Виды Павловска Жуковский рисовал особенно охотно. 18 гравюр, созданных самим поэтом с помощью

Гатчина. Приоратский дворец. *Гравюра и рисунок Жуковского.*

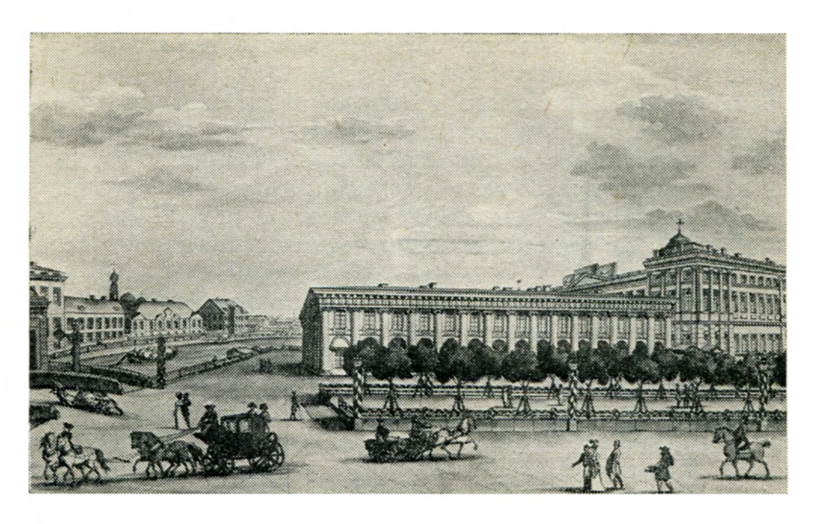
Н. Уткина, были отпечатаны в 1823 году. Двенадцать из них были позднее включены П. Шторхом в его «Путеводитель по саду и городу Павловску», изданный в 1843 году.

1 октября 1819 года А. Тургенев сообщал Вяземскому: «Жуковский уезжает на две недели в Гатчину». Гатчина как царская резиденция в то время уже утратила свое прежнее значение: слишком живы были здесь воспоминания о времени павловского царствования. Но она все же использовалась императорским семейством. Впечатления, произведенные живописно расположенными озерами, парком и различ-

ными архитектурными памятниками, его украшающими, отразились в серии рисунков и гравюр Жуковского, особенно ценных тем, что они воссоздают исторический облик Гатчины в начале XIX века. Проливают они свет и на то, чем заполнялись досуги поэта, сохранившего и в придворной среде любовь к природе и уединению.

В 1820 году поэт переселился на новую квартиру в Аничковом дворце (ныне Дворец пионеров), расположенном на углу Невского проспекта и Фонтанки. Здесь Жуковский жил до наступления лета, а также осенью, незадолго до своего отъезда за границу в октябре 1820 года.

Здание дворца, созданное еще в середине XVIII века (по проектам М. Земцова и В. Растрелли), неоднократно перестраивалось. В работах, значительно изменивших его наружный облик и внутреннее убранство, принимали участие Е. Соколов, Д. Кваренги, А. Руска, К. Росси и другие. Дворец часто переходил из рук в руки, пока в 1817 году не стал личной собственностью Николая — будущего императора. К 1820 году сложился новый облик бывшей Аничковой усадьбы. Путь к дворцу, обращенному главным фасадом к Фонтанке и расположенному в глубине большого двора, открывала стройная колоннада. Садовый фасад главного здания выходил в дворцовый сад, украшенный в 1816—1818 годах двумя павильонами К. Росси, по рисункам которого выполнена и чугунная ограда. Со стороны Невского проспекта дворцовая территория была ограничена построенным в 1804 году Д. Кваренги невысоким, также украшенным колоннадой зданием так называемого «кабинета его величества». Нижний этаж его во времена Жуковского имел открытые галереи с аркадами. В верхнем этаже жили чиновники кабинета и служащие дворца. Во дворе на-

Аничков дворец в начале XIX в. *Гравюра И. Теребенева.*

ходились и другие служебные помещения. Жуковский мог жить в одном из флигелей дворца*. В начале 1820-х годов совершенно иначе, чем в наши дни, выглядел Аничков мост. Представление о его первоначальном облике дают сохранившиеся до наших дней Чернышев и Калинкин мосты через Фонтанку. Лишь в 40-е годы прошлого столетия мост был реконструирован и украшен конными скульптурами работы П. Клодта. Далее, за Фонтанкой, столица утрачивала

* В Аничков дворец адресует М. А. Мойер свое письмо Жуковскому от 24 марта 1820 года. 26 марта датирована знаменитая надпись на портрете Жуковского «Победителю-ученику от побежденного учителя». Это лишний раз подтверждает, что последняя глава «Руслана и Людмилы» Пушкина была прочитана именно в этой квартире.

свой парадный вид, приобретая черты городской окраины.

Переезд Жуковского во дворец был связан с учебными занятиями и никак не отразился на характере отношений поэта с окружающими. Опасения друзей оказались напрасными: «мороз» придворного существования не погубил Жуковского. В образе жизни, в дружеских привязанностях, в привычках поэт оставался верен себе.

Когда царю стали известны вольнолюбивые стихи и эпиграммы Пушкина, над ним нависла угроза ссылки в Сибирь или в Соловки. «В промежуток двух суток разнеслось по городу, что Пушкина берут и ссылают»,— писал очевидец событий Ф. Глинка. Встревоженный Жуковский горячо вступился за молодого поэта. Для помощи Пушкину он впервые использовал свою близость ко двору, обратившись к императрице Марии Федоровне. Благодаря заступничеству многочисленных друзей Пушкина кара была смягчена: поэт получил предписание отправиться в южные губернии России, в распоряжение генерала И. Н. Инзова. Об этом сообщал в своем официальном письме от 4 мая 1820 года на имя генерала граф Каподистрия, упомянувший между прочим о том, что за Пушкина хлопотал и ручался Жуковский.

6 мая на рассвете опальный поэт покидал Петербург, а вскоре после этого С. Л. Пушкин обратился с письмом к Жуковскому, в котором благодарил всех тех, кто помог его сыну избежать более сурового наказания. «Любезный Василий Андреевич! — писал он.— Я знаю все, чем обязан вам, Николаю Михайловичу, Тургеневу и пр. Никогда не буду в силах изъявить вам моей благодарности...»

После отъезда Пушкина из Петербурга Жуковский взял на себя издание недавно оконченной поэмы

«Руслан и Людмила», выплатив 1000 рублей авторского гонорара Сергею Львовичу, который переслал их Пушкину в Екатеринослав. Перед своим отъездом за границу Жуковский передал дела по изданию поэмы Н. И. Гнедичу.

В те дни, когда в Петербурге распространились слухи об опасности, угрожавшей Пушкину, на заседании Вольного общества любителей российской словесности Кюхельбекер прочитал свое стихотворение «Поэты», в котором поддерживал Пушкина в атмосфере готовящейся расправы с ним. Эпиграфом к стихотворению послужили строки из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» о гонителях Озерова:

И им не разорвать венца,
Который взяло дарованье.

В. Н. Каразин — вице-президент общества — донес об этом правительству, и Кюхельбекера ожидала участь Пушкина.

В это тревожное время Кюхельбекер обратился к Жуковскому: «До сих пор не знаю я, чем решится судьба моя. Вы можете представить, что беспрестанное волнение, неизвестность, беспокойство — состояние не совсем приятное». Вынужденный уволиться со службы при университетском пансионе, Кюхельбекер поступил секретарем к А. Л. Нарышкину, богатому вельможе, состоявшему на придворной службе (он являлся до 1819 года директором петербургских театров), с которым вместе отправился осенью 1820 года в заграничное путешествие.

Вельможа, оказавший покровительство Кюхельбекеру, был хорошим знакомым Жуковского, к нему было обращено одно из шуточных посланий поэта. История появления этого произведения связана с собы-

тиями лета 1820 года, которое поэт вновь проводил в живописных петербургских окрестностях. Поводом для стихотворного обращения к А. Л. Нарышкину явился переезд двора из Павловска в Петергоф. Занимая должность «гофмаршала русского двора», Нарышкин ведал дворцовыми делами. К нему и направлял Жуковский свою шутливую просьбу о квартире в Петергофе:

Вас просит русский стихотворец,
Жуковский (просто говоря),
Чтоб в Петергофе вы призрели
Его земное существо
И в теплом уголке согрели
С ним то младое божество,
Которое за ним летает,
Ему покоя не дает
И в свете музою слывет.

Характеризуя свою неизбежную спутницу-музу как существо капризное и прихотливое, поэт одновременно упоминает о своей приверженности к просторным помещениям, боязни сырости и холода, что и просит принять во внимание. В веселом перечне тех дворцовых зданий в Петергофе, где поэт хотел бы поселиться, прежде всего назван... «волшебный Монплезир»:

...Монплезир приют прекрасный,
Но только в день сухой и ясный.

Завершается стихотворение просьбой о предоставлении квартиры поблизости от Большого Петергофского дворца.

Лето 1820 года внесло ясность и в семейные планы Жуковского. Жизнь при дворе убедила его, что блестящая фрейлина графиня Самойлова не отвечает идеальным представлениям поэта. История сердечного увлечения Жуковского, отразившегося в творчестве

1819—1820 годов, подошла к своему концу. В ноябре 1820 года Самойлова стала невестой графа А. А. Бобринского, за которого вскоре вышла замуж. Салон Бобринских занял одно из видных мест в придворно-аристократических кругах Петербурга. По свидетельству П. А. Вяземского, графиня Бобринская «с участием и проницательностью следила» за движением общественной жизни: «Салон ее был ежедневно открыт по вечерам. Тут находились немногие, но избранные...» В 1830-е годы этот салон посещал Пушкин. В богатом доме Бобринских на Галерной улице (ныне Красная улица, 60) бывал и Жуковский, сохранивший дружеские отношения с хозяйкой салона, в прошлом — вдохновительницей его музы.

Памятью прошлых лет остались многочисленные альбомы Самойловой, исписанные рукой Жуковского. Стихи и отрывки в прозе отразили не только чувство поэта, но и его возвышенные представления о счастье и назначении человека. Высокие нравственные идеалы, питавшие творчество Жуковского, поэт стремился осуществить и в жизни. Для него «жизнь и поэзия» составляли одно неразрывное целое. Идеальные устремления поэта приходили в резкое несоответствие с укладом придворной жизни. В кругу фрейлин поэзия была лишь приятной забавой, а самого Жуковского ни одна из многочисленных поклонниц его поэзии не воспринимала как равного. Найти себе жену при дворе он так и не смог. Объясняя причину этого, Карамзин писал И. И. Дмитриеву 20 сентября 1820 года: «Жуковский едет в Берлин. Увы! Он влюблен, но не жених! Ему хотелось бы жениться, но при дворе нелегко найти невесту для стихотворца, хотя и любимого».

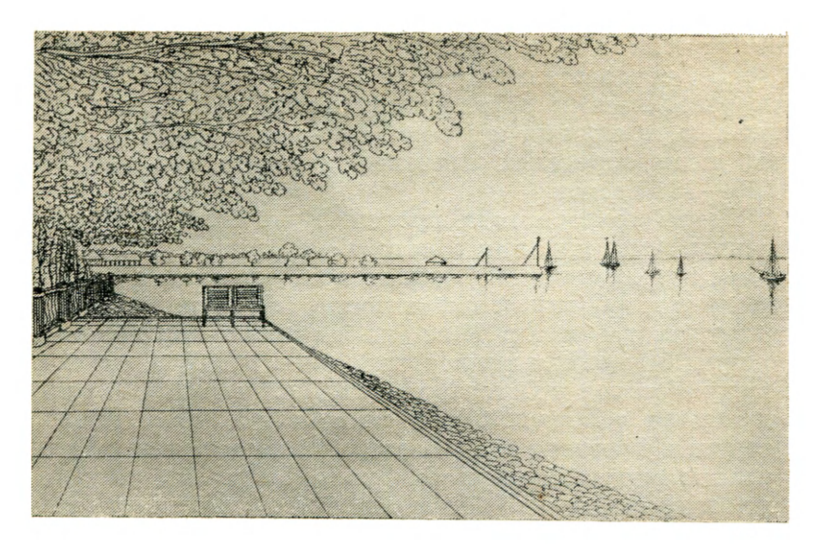
3 октября 1820 года Жуковский выехал из Дерпта, направляясь в Германию. Ему предстояло провести

несколько месяцев в Берлине, а затем поэт собирался отправиться в путешествие по Европе. Он хотел побывать у Гёте в Веймаре, посетить дом и могилу Шиллера, проехать по берегам Рейна, увидеть живописные города и селения Швейцарии. «Думаю, что путешествие будет и физически и нравственно полезным,— писал он накануне отъезда А. П. Елагиной (Киреевской),— может быть, вялость душевная поубавится, я опять освежусь и примусь за свою поэзию».

Большие надежды на то, что путешествие по Европе пробудит вдохновение поэта, возлагали ближайшие его друзья и литературные соратники. «Воспользуйся разрешением твоим от петербургских оков,— настоятельно советовал Вяземский,— столкнись с мнением европейским; может быть, стычка эта пробудит в тебе новый источник. Но если и по Европе понесешь за собою и перед собою Китайскую стену Павловского, то никакое чуждое дыхание до тебя не дотронется»...

Жуковский отправлялся за границу в то время, когда под натиском революционных бурь начинали сотрясаться европейские престолы. В феврале 1820 года парижский ремесленник Лувель заколол наследника французского престола герцога Беррийского. В Испании, Италии, Греции ширилось движение в защиту прав и независимости народов. 9 марта 1820 года испанский король Фердинанд VII вынужден был присягнуть «Конституции 1812 года», в которой отразилось влияние демократических принципов Великой Французской революции. В июле 1820 года события в Неаполе привели к такой же присяге и короля двух Сицилий Фердинанда I.

На рост революционных движений в Европе «Священный союз», руководимый Александром I, ответил вооруженной агрессией. В конце октября 1820 года

Вид на взморье из Монплезира в Петергофе. *Гравюра и рисунок Жуковского.*

в австрийском городе Троппау состоялся конгресс, на котором был подписан протокол о вооруженном вмешательстве Австрии в неаполитанские дела. По этому поводу Вяземский писал Александру Тургеневу: «Они хотят поддержать достоинство царского лица, а какая цель их совещаний — объявить всенародно, что цари Гишпанский и неаполитанский не вправе быть дома у себя хозяевами». Союзом «царей против народов» называли прогрессивно мыслящие современники «Священный союз».

Революционные бури и потрясения в Европе не прошли мимо внимания поэта. Недаром в письме одному из арзамасцев, П. И. Полетике, служившему в русском посольстве в Америке, Жуковский, словно в шутку,

писал: «...к тебе в Америку доходят вести о нашей Европе, следовательно, ты знаешь, что между прочими революциями нашего полушария произошла маленькая революция и в моей маленькой судьбе». Так сам поэт определял значение заграничной поездки 1820—1822 годов.

Почти полтора года провел Жуковский вдали от родины, воспоминания о которой не покидали его все время путешествия. В Берлине поэт вспоминал живописные петербургские окрестности, берлинский дворец сравнивал с Зимним. Река Эльба чем-то напоминала родную Оку; Пильницкое шоссе — почтовую дорогу между Москвой и Петербургом. В Дрездене Жуковский встретился с Батюшковым, слушал его новые стихи. Встреча в Дрездене была последней, не омраченной тяжелым недугом Батюшкова. Вскоре Батюшков уничтожил свои стихи — то были симптомы начинавшегося душевного заболевания.

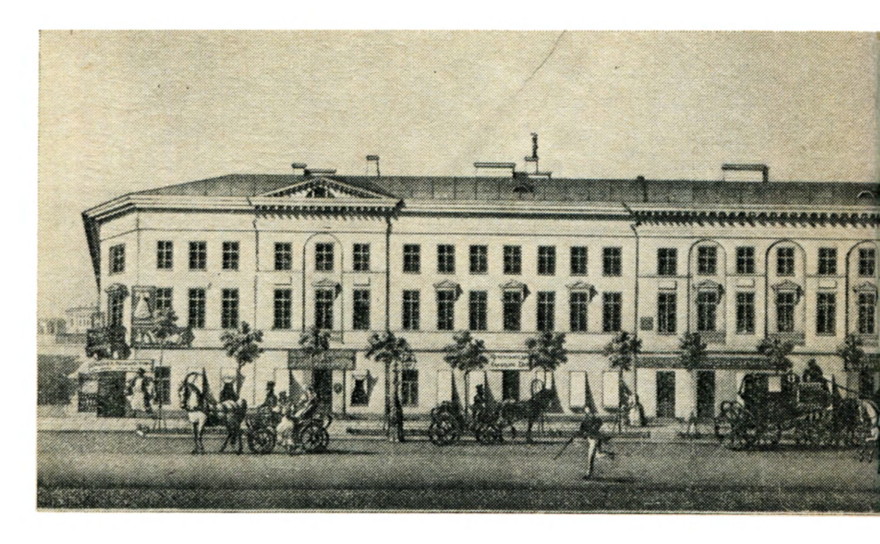
Поездка за границу дала толчок новому подъему в творчестве Жуковского, отмеченному созданием таких шедевров, как переводы «Орлеанской девы» Шиллера и «Шильонского узника» Байрона. История появления этих произведений была неразрывно связана с Петербургом.

„...МЫ, КАЖЕТСЯ, НЕ В ЕВРОПЕ, А У ЧЕРТА В ПЕКЛЕ“

В феврале 1822 года Жуковский возвратился в Петербург, где его с нетерпением ожидали старые друзья. «Дома Тургенев, Блудов»,— отмечает поэт в своем дневнике. В его отсутствие оба друга сблизились с Воейковыми, окончательно переселившимися из Дерпта в Петербург. Жуковский заботился о семье Воейковых. По его рекомендации Н. И. Греч, издававший журнал «Сын отечества», согласился на соредакторство А. Ф. Воейкова, поручив ему вести отдел критики и обозрения журналов. С помощью Греча Воейков получил также место преподавателя русской словесности и инспектора классов в петербургском артиллерийском училище. А. И. Тургенев со своей стороны помог Воейкову добиться назначения на должность чиновника особых поручений в возглавляемом им департаменте духовных дел. Эти служебные посты принесли семье Воейковых прочное материальное обеспечение.

Невский проспект. *Фрагмент из*

В Петербурге Жуковский предложил Воейковым поселиться вместе, как об этом еще в августе 1820 года сообщала Маша Мойер А. П. Елагиной. Сразу же по его возвращении из-за границы начались поиски удобной, вместительной квартиры вблизи Аничкова дворца, где служил Жуковский. П. А. Плетнев указывает, что сначала такая квартира была снята на Большой Итальянской улице, поблизости от Михайловской площади, а затем в доме Меншикова, расположенном на углу Невского проспекта и Караванной улицы (ныне улица Толмачева). Построенный еще в конце XVIII века, дом этот принадлежал Д. А. Зубову (брату Платона Зубова), а затем был продан петербургскому купеческому голове Меншикову. В 1881 году меншиков-

«Панорамы Невского проспекта» В. Садовникова. 1836 г.

ский дом подвергся перестройке, изменившей его первоначальный облик: были надстроены два верхних этажа и обновлена отделка здания. Таким видим мы его сейчас, проходя мимо дома № 64 по Невскому проспекту.

В одной из самых просторных комнат, выходившей окнами на Невский, был устроен рабочий кабинет Жуковского. Плетнев свидетельствовал: «Самую большую и удобную из своих комнат он всегда выбирал для кабинета, который особенно любил украшать бюстами». Куда бы ни переселялся поэт, первою его заботой было создание условий, необходимых для углубленных занятий литературой, для размышлений. В кабинете поэта — подлинном святилище муз — царствова-

ли тишина и порядок. Стены украшали картины и гравюры. Особенно бросался в глаза «огромный высокий стол», у которого поэт обычно работал стоя. Он был убран «со всевозможными прихотями для авторского звания». Аккуратными стопками (поэт не выносил никакого беспорядка) лежали чистые тетради, картоны, книги, были разложены перья, карандаши. Утро Жуковского начиналось рано: он никогда не вставал позже пяти часов утра, как бы поздно ни приходилось ему ложиться. В случае необходимости поэт отдыхал некоторое время перед обедом. Утренние часы всегда посвящались творческой работе, которую Жуковский считал главным делом своей жизни.

Сосредоточенный и серьезный в часы работы, поэт становился совсем другим в кругу своих близких и знакомых. Современников поражала веселость и шутливость Жуковского, столь непохожая на меланхолическую задумчивость его лирических стихов. Плетнев вспоминает, что «забавные рассказы, сам ли он предавался им, или слушал других, долго и живо могли занимать его. Сколько верен был он своему призванию в уединенные часы занятий, столько же он казался непохожим на самого себя в дружеском развлечении». Эта сторона личности Жуковского нашла отражение в его юмористических арзамасских стихах и шутливых дружеских посланиях.

Совместная жизнь с Воейковыми была не только «жертвой миленькому Сандрочку» (так поэт называл А. А. Воейкову), но и в известной мере диктовалась стремлением Жуковского отделить свой каждодневный быт от тягостных пут придворной жизни. В доме Меншикова начали «ежедневно и ежечасно» собираться «литераторы всех расколов и всех наций, художники, музыканты»,— отмечал А. Тургенев. Квартира Воейкова — Жуковского на Невском проспекте стала

А. А. Воейкова. *Портрет работы неизвестного художника.*

вскоре средоточием литературно-художественной жизни Петербурга первой половины 1820-х годов.

Высокообразованная, живая и любезная хозяйка дома А. А. Воейкова была не только тонкой ценительницей поэзии, но и сама обладала литературным дарованием. Она принимала участие в обработке переводов и статей, помещаемых в газете «Русский инвалид», редактором которой в 1822 году стал ее муж. Позднее именно по ее инициативе Воейков начал издавать «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», которые сыграли заметную роль в журналистике 1820—1830-х годов. Жуковский говорил впоследствии о своей одаренной племяннице, к сожалению рано умершей (она скончалась от чахотки в 1829 году, вдали от родины, в Ливорно): «Саша писала прекрасно. В ее стиле был виден талант». Из своих писем к Жуковскому, сестре и другим близким людям она сумела создать своего рода роман, в котором возникает целая галерея лиц, характеров, типов и даются живые зарисовки с натуры. По своему образованию и духовным запросам А. А. Воейкова значительно опережала многих современниц. В отличие от большинства светских женщин она много читала, переводила, занима-

лась рисованием, музыкой. Привлеченные умом, красотой и удивительным очарованием Александры Андреевны, видные поэты посвящали ей замечательные стихи. Своей музой-вдохновительницей называл А. А. Воейкову И. И. Козлов; ее воспевали Е. А. Баратынский и Н. М. Языков. В альбомах Воейковой встречаются стихи Жуковского, А. А. Дельвига и даже А. С. Пушкина, вписанные, впрочем, не самим поэтом, а его братом Л. С. Пушкиным.

Страстно любя книги, А. А. Воейкова собрала обширную библиотеку на различных языках (французским и немецким языками она владела в совершенстве). В гостиной Воейковой, где собирался «весь литературный цвет столицы», любили читать вслух, и каждая литературная новинка встречалась с интересом и воодушевлением.

Для Жуковского и Александры Андреевны наступили светлые дни. «Здесь подле меня Саша,— писал поэт,— в ее гармонической душе все отзывается для меня по-прежнему». Этому настроению поэта вторит и письмо самой Саши, которая сообщает Авдотье Петровне Елагиной: «С тех пор как я с Жуковским, небо расцвело, и Италии не надо». Оберегая покой любимой родственницы, поэт умел, как никто, сдерживать необузданного Воейкова.

В отличие от многих современников, воспринимавших Воейкова исключительно со стороны его личных качеств и видевших в нем только беспринципного журналиста, Жуковский стремился стать выше личных отношений. В истории с Машей Протасовой Воейков причинил ему немало обид. Но Жуковский ценил в Воейкове поэта, талантливого сатирика, образованного критика, обладавшего незаурядными знаниями.

Вступив на поприще журналиста вполне сложившимся литератором, Воейков на первых порах сотруд-

ничал с Гречем, в те времена еще слывшим либералом. К началу 1820-х годов истинный облик Греча — будущего реакционера-охранителя — еще не раскрылся вполне. Вступив затем в союз с Булгариным, таким же беспринципным литературным коммерсантом, Греч стремился к монополии на книжно-журнальном рынке.

Опасаясь конкуренции, Воейков в своих газетах и журналах начал выступать против изданий Греча и Булгарина, не гнушаясь при этом весьма «своеобразными» печатными выступлениями, почти доносами. Методы Воейкова отталкивали многих современников. Дельвиг писал Пушкину: «С приездом Воейкова из Дерпта и с появлением Булгарина литература наша совсем погибла. Подлец на подлеце, подлецом погоняет». Однако острая вражда Воейкова с Булгариным и Гречем разгорелась не сразу. В 1822—1823 годах оба журналиста частенько бывали в доме Меншикова, встречаясь там с Гнедичем, Крыловым, Козловым, Карамзиным и Вяземским.

Кроме старых друзей поэта и людей, с которыми сталкивала Воейкова его журнальная работа, дом этот охотно посещала передовая молодежь. В «Записках» М. Бестужева (одного из членов знаменитой декабристской семьи) рассказывается о том, что его старший брат Н. Бестужев (морской офицер, одаренный писатель и публицист, впоследствии один из героев 14 декабря) любил бывать в доме Воейкова — Жуковского. Здесь с ним Жуковский встречался постоянно, а позднее он познакомился и с самым талантливым из братьев — А. Бестужевым-Марлинским — издателем «Полярной звезды» и автором популярных повестей.

Своими людьми были у Жуковского и братья Тургеневы, которых Воейков остроумно окрестил «братьями Гракхами», намекая на их республиканские убеждения. Чаще других приходил сюда Александр Турге-

нев, переживавший в эти годы глубокое и серьезное чувство к А. А. Воейковой.

Поездка за границу и условия российской действительности в годы, непосредственно предшествующие восстанию декабристов, заставили Жуковского по-новому взглянуть на самого себя. Вскоре после возвращения из-за границы Жуковский задумал отпустить на волю своих немногочисленных крепостных, некогда купленных на его имя московским книгопродавцем И. В. Поповым (в счет авторского гонорара поэта). Будучи противником крепостного права, поэт не считал для себя возможным владеть людьми, распоряжаться их жизнью и судьбой. Он осуществил свое намерение и приобрел в высших кругах общества репутацию либерала и якобинца.

Ненависть к рабству, насилию и угнетению человека отражается и в творчестве поэта-гуманиста. Не случайно именно в эти годы внимание Жуковского привлекла романтическая трагедия Шиллера «Орлеанская дева». Мысль великого немецкого поэта о том, что «человек создан свободным и свободен даже, если родится в цепях», воодушевляла поэта в работе над переводом «Орлеанской девы». Читая у Шиллера о событиях столетней войны Франции с Англией, о подвиге крестьянской девушки Жанны д'Арк, спасшей свою родину от захватчиков-англичан, русский поэт помнил о народной войне 1812 года, участником которой он был. Не случайно, что первая мысль о переводе «Орлеанской девы» явилась у Жуковского именно в этот знаменательный для России год. Трагедию Шиллера Жуковский воспринимал как своего рода «наставление» монархам, обращаясь со словами шиллеровской Иоанны и к русскому царю:

Будь в счастье человек, как был в несчастье;
На высоте величия земного

Не позабудь, что значит друг в беде;
То испытал ты в горьком униженье;
К беднейшему в народе правосудным
И милостивым будь...

Закончив свой перевод еще в Берлине, Жуковский мечтал о постановке «Орлеанской девы» на петербургской сцене. Он всегда придавал огромное значение театру, как одному из наиболее действенных средств в воспитании высоких гражданских и нравственных качеств у своих современников. Как и в далекую пору своей юности (в связи с событиями 1805—1807 годов), поэт стремился со сцены воздействовать на их патриотические чувства. Страстной любовью к родине и ненавистью к ее поработителям пронизаны монологи Иоанны, в образе которой воплощается мужество, героизм и нравственная мощь народа. Именно такой — величественной и сильной, простодушно-трогательной и трагически-прекрасной — хотел видеть поэт Иоанну и на сцене, мечтал о том, что роль эту исполнит Екатерина Семенова.

Уже в начале мая 1822 года Жуковский читал «Орлеанскую деву» «верховному ареопагу» друзей. Карамзин сообщал И. И. Дмитриеву: «Жуковский читал нам Шиллерову Иоанну», отмечая, что «перевод очень хорош для чтения, но не знаю, как будут наши актеры играть ее».

Начались хлопоты о постановке пьесы на сцене петербургского Большого театра. Но вмешалась театральная цензура, запретившая «Орлеанскую деву»: пьесой заинтересовался министр внутренних дел граф В. П. Кочубей, который нашел ее идеи опасными. Поэту было предложено сделать сокращения и внести изменения в текст пьесы, искажающие ее смысл. Не согласившись на переделку, Жуковский должен был отказаться и от мысли увидеть свое произведение на

сцене. «Об „Иоанне" нам думать нечего,— сообщал Жуковский Гнедичу,— Кочубей не хочет ее пропустить, запретил для театра! Хвала ему! Я и не подумал делать никаких сокращений, ибо на что они? Теперь „Иоанна" спасена от милых театральных треволнений: жаль только тех стихов, которые достались бы в уста Екатерины».

Поэту не довелось услышать монологи Иоанны д'Арк в исполнении великой Семеновой, как и вообще увидеть свою «Орлеанскую деву» на русской сцене. Цензурный запрет тяготел над нею многие десятки лет, и только в 1884 году знаменитая трагедия Шиллера была поставлена в России. Однако еще до появления драмы в печати (на страницах третьего издания сочинений Жуковского, вышедшего в 1824 году) проникнутые патриотическим и свободолюбивым пафосом монологи Иоанны были напечатаны в декабристском альманахе «Полярная звезда», в котором Жуковский поместил целый ряд своих баллад и лирических стихотворений, а также фрагменты из своих путевых заметок во время пребывания за границей — «Письмо из Саксонии» с описанием впечатления от знаменитой «Сикстинской мадонны» Рафаэля. Произведения Жуковского появлялись на страницах и других прогрессивных изданий: в «Соревнователе просвещения и благотворения», в «Сыне отечества». Имя знаменитого поэта в ту пору привлекало множество подписчиков, и редакторы передовых альманахов и журналов стремились заручиться его согласием на участие в своих изданиях.

Это не мешало литераторам-декабристам подвергать острой критике те стороны поэзии Жуковского, которые, по их убеждению, не отвечали насущным задачам современного литературного движения. Признавая за ним несомненные заслуги в области развития

поэтического языка, патриотической лирики, ценя его переводческую деятельность, А. Бестужев, К. Рылеев и в особенности В. Кюхельбекер упрекали Жуковского в склонности к мистике, в отвлеченной мечтательности, в недостатке гражданско-политического пафоса. Упреки эти, отчасти справедливые, не слишком задевали поэта: полемические выпады были ему не в новинку. Но за Жуковского горячо вступился Пушкин. «Не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском,— писал он Рылееву по поводу статьи А. Бестужева.— Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались?» Задела и обидела Жуковского злая эпиграмма «Из савана оделся он в ливрею», автором которой он считал Ф. Булгарина. По воспоминаниям Н. Греча, поэт заявил: «Скажите Булгарину, что он напрасно думал уязвить меня своею эпиграммою: я во дворец не втирался, не жму руки никому. Но он принес этим большое удовольствие Воейкову, который прочел мне эпиграмму с невыразимым восторгом». На самом же деле ее сочинил А. Бестужев, встретивший однажды Жуковского у входа в Зимний дворец. Впрочем, пылкий А. Бестужев не знал истинного положения поэта при дворе и поэтому поспешил с выводами. Не ведал он и о многом другом, в частности о цензурных злоключениях многих произведений поэта.

История несостоявшейся постановки «Орлеанской девы» отразилась на настроении Жуковского, с горечью писавшего Н. И. Гнедичу: «Иоанна попала в узники и к такому тюремщику, что уже не видать ей свободы». Обстановка, царившая в России, по контрасту с впечатлениями от недавнего путешествия вызывала раздражение поэта: «Мы, кажется, не в Европе, а у черта в пекле»,— жаловался он в том же письме.

Давящая атмосфера всеобщих запретов и всяческих притеснений естественно связывалась у современников с представлением о тюрьме, неволе, «темнице сырой» и вызывала мысли о свободе. Эта тема далеко не случайно стала в 1820-е годы центральной в романтической поэзии. Заняла она важное место и в творчестве романтика Жуковского. Образ узника нашел отражение в стихотворении «Узник к мотыльку» и в балладе «Узник». П. А. Вяземский, получив от Тургенева ее текст, писал: «Затворник прелестен». Баллада Жуковского вызывала у него в памяти «уголовную палату, тюремщиков, летописи тюремные». Но Вяземский не нашел в балладе Жуковского прямого отклика на животрепещущие вопросы русской жизни. Вяземский звал Жуковского к современности, к политике; стремился привлечь его внимание к тираноборческой поэзии Байрона, надеясь, что она пробудит в русском поэте настроения протеста.

Мысль о переводе одной из самых острых в политическом отношении поэмы Байрона — «Шильонский узник» — зародилась у Жуковского во время путешествия по Швейцарии, при посещении замка Шильон, расположенного на неприступном острове, вблизи восточных берегов озера Леман — Женевского озера. С книгой Байрона в руках Жуковский приблизился в лодке к грозному замку, служившему тюрьмой знаменитому женевскому гражданину, «мученику веры и патриотизма» — Бонивару, воспетому в поэме Байрона. Войдя в подземелье, где были заключены Бонивар и его братья, умершие здесь, Жуковский убедился, что «описание поэта имеет прозаическую точность». Тут же, в Швейцарии, на следующий день Жуковский начал переводить «Шильонского узника», закончив свою работу по возвращении в Петербург и посвятив ее П. А. Вяземскому.

Поэт вынужден был сделать ряд отступлений от подлинника. По цензурным соображениям он отказался от перевода «Сонета к Шильону», предпосланного поэме и воспевающего свободу — «вечный дух неприступного цепям разума», как называл ее Байрон. Неутомимые тюремщики свободной мысли, петербургские цензоры, конечно, не пропустили бы этих строк в печать. Издание поэмы Жуковский поручил Гнедичу.

Между тем в Петербург с юга России прибыл к Гнедичу другой «узник» — «Кавказский пленник» Пушкина. Жуковский, заинтересовавшись новой поэмой Пушкина, обращался к Гнедичу: «К тебе приехал, говорят, с Кавказа другой, прекраснейший узник, которому дай ко мне прогуляться, хотя на поруку, а моего продай».

В романтическом творчестве Пушкина тема «узничества» получила особенное развитие, находя материал в фактах самой российской действительности. Живя в Екатеринославе, он был свидетелем бегства из местной тюрьмы двух братьев-разбойников, в кандалах переплывших Днепр и скрывшихся от преследования в прибрежных лесах. Эпизод этот лег в основу новой романтической поэмы Пушкина «Братья-разбойники». Тюремные сцены поэмы (кандалы, узники, тюремщики) напоминали «Шильонского узника» Жуковского. Об этом сходстве писал сам Пушкин, подчеркнувший вместе с тем: «Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 1821 года». Круг, из которого не могли вырваться передовые люди эпохи, замкнулся. Сопоставляя сюжетные ситуации с условиями российской действительности, Вяземский благодарил Пушкина «за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежды плавать и с кандалами на ногах».

Выход в свет перевода «Шильонского узника» (весной 1822 года отдельным изданием) явился событием

в литературной жизни Петербурга начала 1820-х годов. Впервые перед русским читателем предстал настоящий Байрон, поэма которого была передана «стихами, отзывающимися в сердце как удар топора, отделяющий от туловища невинно осужденную голову»,— писал Белинский. Она получила восторженный прием критики, близкой к декабристским кругам. О. Сомов напечатал о ней в «Сыне отечества» похвальную рецензию. Откликнулся и Пушкин. «Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный,— писал он о Жуковском в письме к Н. И. Гнедичу.— До́лжно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал»...

Влияние «Шильонского узника» на развитие русской поэзии было огромным. Оно сказалось в творчестве Козлова, наиболее видного из современных Жуковскому переводчиков Байрона. «Шильонским узником» зачитывался юный Лермонтов: уже в 1830-е годы это воздействие сказалось в его поэме «Мцыри», написанной размером, впервые введенным в русскую поэзию Жуковским (четырехстопный ямб с парными мужскими окончаниями). Близкий к размеру подлинника, стих русского «Шильонского узника» звучал с мужественной силой и энергией. Белинский отмечал, что «наш русский певец тихой скорби и унылого отчаяния обрел в душе своей крепкое и могучее слово для выражения страшных подземных мук отчаяния, начертанных молниеносной кистью титанического поэта Англии».

Жуковского в Байроне привлекали масштабы его личности, острота неприятия современной жизни. Но поэт-бунтарь ужасал Жуковского своим неверием, скептицизмом. В одной из поздних своих статей Жуков-

ский дал замечательную по глубине и точности характеристику Байрона. Отмечая, что его гений имеет «высокость необычайную», Жуковский пишет: «Мы чувствуем, что рука судьбы опрокинула создание благородное и что он прямодушен в своей всеобъемлющей ненависти,— перед нами титан Прометей, прикованный к скале Кавказа и гордо клянущий Зевса, которого коршун рвет его внутренность».

В тисках царской цензуры побывала и баллада «Смальгольмский барон», переведенная Жуковским из Вальтера Скотта. Сюжетную основу баллады составляло старинное ирландское предание, связанное с народным празднеством Иванова дня. По преданию, смальгольмский барон, из ревности убивший возлюбленного своей жены, накануне Иванова дня возвращается в свой замок, где ему и его неверной жене является мертвый рыцарь. Потрясенный убийца и его жена во искупление грехов принимают монашество.

Романтическая фантастика нового произведения вновь пришла в столкновение с догматами православной церкви, как уже было когда-то с переведенной из Соути «Старушкой». Петербургский цензор сразу запретил ее. В Москве стараниями Вяземского баллада была пропущена в печать, однако цензор Снегирев опасался для себя неблагоприятных последствий. Узнав об этом, Жуковский писал из Петербурга Вяземскому: «Баллады не печатай; решительно отказываюсь от этого. Не хочу беды московскому цензору».

Вскоре А. Воейков сообщил Жуковскому, что в цензуре его баллада «торжественно признана безбожною и безнравственною, распространяющею вредные предрассудки». Обвинения в безнравственности задели поэта: началась его длительная тяжба с цензурою, которую во всем поддерживал реакционер и гонитель просвещения Рунич, занимавший в те годы

должность попечителя петербургского учебного округа. Конфликт поэта с цензурным комитетом приобрел широкую огласку. Жуковскому было предложено произвести исправления в тексте баллады и сопроводить ее историческими комментариями. Поэт вынужден был согласиться: он внес ряд изменений и написал комментарий, в составлении которого ему помогал Блудов. Только после этого баллада «Смальгольмский барон» смогла увидеть свет. Два года спустя она появилась в третьем издании сочинений Жуковского.

Вопрос о цензуре возник еще раз в конце 1823 года, когда к представлению в Большом театре была принята переведенная Жуковским пьеса современного ему французского драматурга, плодовитого автора многочисленных комедий, с успехом шедших на парижской сцене,— «Валерия, или Слепая» Э. Скриба. Об истории этого перевода рассказал сам Жуковский в письме Н. И. Гнедичу.

1819—1822 годы были временем интенсивного соперничества Екатерины Семеновой и Александры Колосовой, представлявших два различных направления в русском сценическом искусстве: Колосова при исполнении трагических ролей руководствовалась уроками П. А. Катенина, Семенова была гордостью декламационной школы Гнедича. В 1822 году Колосова уехала на год во Францию, где близко познакомилась с парижскими театрами, искусством французских актеров. Вернувшись в Петербург, Колосова с огромным успехом сыграла ряд ролей в комедиях Мольера. Захотела она выступить и в комедии Скриба «Валерия», попросив покровительствовавшего ей петербургского генерал-губернатора Милорадовича найти переводчика. Тот обратился к Жуковскому. «В это самое время,— пишет Жуковский Гнедичу,— когда меня просил Милорадович о комедии, я просил его о избавлении одного бед-

няка от ссылки и, чтобы дать весу моей просьбе, обещал ему угодить переводом. Ему нельзя было исполнить моей просьбы, а я дал слово и должен его сдержать... Я же и теперь ожидаю от него другой услуги, не мне личной, но весьма для другого важной. Итак, переведу пьесу. Надеюсь, что поспеет в неделю... Могут начать разучивать, ибо надеюсь, что цензуре здесь похлебать будет нечего».

Обстоятельства брали свое: «Орлеанская дева», которая могла составить славу отечественного театра, осталась из-за цензуры недоступной русской сцене, а пьеса Скриба, весьма далекая от серьезной общественно-политической проблематики и представляющая собой сугубо семейную драму, безо всяких препятствий попала на сцену петербургского Большого театра. Поэт, конечно, не связывал с «Валерией» ни любимых идей, ни творческих планов. Он мастерски перевел пьесу, чем, несомненно, способствовал успеху ее на петербургской сцене. 17 декабря 1823 года состоялась премьера «Валерии». А. М. Колосова, сыгравшая заглавную роль, «исторгала слезы» у присутствовавших. Среди них, видимо, был в этот вечер и автор перевода, пожелавший остаться незамеченным. Деликатный Жуковский, чтобы не причинять обиды сопернице Колосовой — великой Семеновой, просил Гнедича держать в тайне его участие в создании спектакля.

Из приведенного выше письма мы узнаём, что в конце 1823 года Жуковский хлопотал через Милорадовича о каком-то «бедняке», находившемся в это время в ссылке. За кого же хлопотал поэт, чьей судьбой он снова был озабочен?

Число лиц, пострадавших от произвола царских властей, было в те годы немалым. Так, осенью 1822 года за «неприличную» выходку в театре, послужившую лишь поводом, был сослан в свое имение П. А. Кате-

нин, известный своим вольнолюбием. В далекой Одессе пребывал Пушкин, стремившийся вернуться в Петербург, а попавший в село Михайловское. В финляндском гарнизоне томился Баратынский, в судьбе которого Жуковский принял самое горячее участие. Возможно, именно его имел в виду поэт в своем письме к Гнедичу.

Судьба Баратынского, выдающегося поэта, современника и друга Дельвига и Пушкина, сложилась трагически. В ранней юности, во время учебы в Пажеском корпусе, он принял участие в детских проделках «общества мстителей», стремившихся досадить корпусному начальству. Пропажа табакерки с деньгами, к которой оказался причастным и юный Баратынский, стоила участникам «общества» их будущего. По приказу Александра I юноши были исключены из корпуса со строгим приказом не принимать их на службу, за исключением тяжелой и изнурительной солдатской. Все попытки родных выхлопотать Баратынскому прощение остались безуспешными, и он в 1819 году начал службу рядовым в Егерском полку, стоявшем в Петербурге. К этому времени относится знакомство Баратынского с Жуковским. В начале 1820 года Баратынский был произведен в унтер-офицеры и переведен из Петербурга в Финляндию, где провел около четырех лет. Оторванный от общественной и художественной жизни, не имея никаких надежд на будущее, молодой поэт по совету Жуковского в откровенном письме рассказал ему о своем проступке.

Жуковский начал свои хлопоты. Он решил действовать через А. Н. Голицына, давнего своего знакомого, все еще занимавшего пост министра просвещения. Пересылая министру письмо молодого поэта вместе со своим ходатайством, Жуковский сообщал, что лично знаком с Баратынским, который «имеет полное

право на уважение, как по своему благородству, так и по скромному поведению». Он давал высокую оценку Баратынскому-поэту: «Прекрасными гармоническими стихами выражает он чувства прекрасные, и простота его слога доказывает, что чувства сии неподдельные, а искренно выходящие из сердца». Есть в этом письме и строчки, прямо адресованные императору. Взывая к его милосердию, поэт надеялся, что наказание, которому подверг царь пылкого юношу, будет лишь «исправляющим», а не «губящим».

Хлопоты Жуковского и других друзей молодого поэта (Вяземского, А. Тургенева) принесли результаты далеко не сразу. Лишь в апреле 1825 года он получил наконец долгожданный офицерский чин, а вместе с ним и право свободно распоряжаться своей судьбой. Он вышел в отставку и поселился в Москве, посвятив себя литературе. О помощи, оказанной ему Жуковским, Баратынский помнил всю жизнь. 25 февраля 1827 года он писал: «Позвольте, почтенный Василий Андреевич, напомнить Вам о Баратынском, у которого Вы живете в сердечной памяти. Примите уверения в неизменившейся любви его к Василию Андреевичу и к Жуковскому... День, в который я Вас увижу, будет для меня истинным сердечным праздником». Так объединялись в сознании современников прославленный поэт Жуковский и всегда готовый прийти на помощь, отзывчивый и доброжелательный Василий Андреевич.

„О, НАША ЖИЗНЬ, ГДЕ ВЕРНЫ ЛИШЬ УТРАТЫ...“

Глубокие внутренние сдвиги были характерны для жизни петербургского общества 1823—1825 годов. Даже вполне благонамеренный Вигель писал об этом времени: «Трудно изобразить состояние, в котором находился Петербург весной 1823 года». В городе царили политические мракобесы, процветали доносы. Внешняя политика Александра I потерпела полный крах. К началу 1820-х годов это стало ясно всем, кроме отъявленных реакционеров, постепенно приобретавших все большее влияние на царя. Н. Греч в своих «Записках» откровенно признавался: «Тогдашние происшествия в Европе, неудовольствия Германии на исход Венского конгресса... волнения в университетах... все это заставляло призадумываться и искать средств к успокоению умов и к прекращению беспорядков». Эти «средства» правительство видело в подавлении общественного мнения, в жестокой расправе с университетами — рассад-

никами вольномыслия, в преследовании передовых университетских профессоров, в насаждении аракчеевщины, в распространении религии. «Последние годы жизни александровой можно назвать продолжительным затмением»,— отмечал Ф. Ф. Вигель.

Все нестерпимей становилась тягостная атмосфера придворно-чиновничьего Петербурга и для Жуковского. Утешением и отрадой, помогавшей поэту иногда забывать «низость настоящего», был Дерпт, где жили его близкие. Теперь Жуковский ездил туда каждый год. Но, покидая гостеприимный дом Мойеров 10 марта 1823 года, поэт еще не знал, что встреча с Машей была последней. 17 марта ее не стало: она скончалась при родах. Весть эта достигла Петербурга 29 марта, и Жуковский немедленно уехал в Дерпт.

Смерть Маши потрясла поэта. С нею была связана лучшая, важнейшая эпоха в его жизни. В чувстве к ней он неизменно черпал поэтическое вдохновение.

С ее уходом в жизни Жуковского образовалась пустота, которую было трудно, почти невозможно заполнить. Одно из писем (публикуемое здесь впервые) раскрывает это тяжелое душевное состояние поэта. Адресат письма — дерптский доктор К. К. Зейдлиц, близкий друг Жуковского и семьи Мойеров. Ему-то и отдает поэт необходимые распоряжения, высылая некоторые реликвии, связанные с памятью Маши. Вот текст этого письма, случайно уцелевшего среди рисунков поэта, хранящихся ныне в Государственном Русском музее:

«Милый брат Зейдлиц, я получил твой бесценный подарок. Не скажу: какой ангел нас покинул! Нет! Какой ангел был с нами! Он с нами и теперь. В этом имени все святое в жизни! все доброе в настоящей и все прекрасное в будущей! Посылаю тебе ее волосы.

Камушек взят с ее могилы, в пятницу на святой неделе, когда мы все вместе там в первый раз были».

Карл Карлович Зейдлиц в это время находился в Петербурге. Впоследствии этот человек хранил у себя переданные ему поэтом «сокровища», а также личные вещи, портреты и рисунки Жуковского, уехавшего за границу.

В мрачном и подавленном настроении поэт возвратился из Дерпта в Петербург, где его ожидали новые беды. В тяжелом состоянии был доставлен из Одессы в Петербург и отдан на попечение Е. Ф. Муравьевой К. Н. Батюшков, потерявший рассудок. В ее доме, а с наступлением весны 1824 года на даче, снятой для Батюшкова в доме Аллера (ныне Кировский проспект, участок дома № 56), больного поэта навещали ближайшие друзья — А. Тургенев, Жуковский, Карамзины. В минуты просветления, которые становились все более редкими, он читал стихи, дружелюбно беседовал с приходившими к нему, узнавал их. 21 марта 1824 года А. Тургенев сообщал из Петербурга Вяземскому: «На сих днях Батюшков читал новое издание Жуковского сочинений, и когда он пришел к нему, то он сказал, что и сам написал стихи. Вот они:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?
,,Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез“».

Исполненными глубокого внутреннего трагизма стихами была подведена черта под творчеством этого большого художника, составившего вместе с Жуковским подлинную гордость русской поэзии начала XIX века. Это были последние стихи Батюшкова. Воз-

можно, созданы они были раньше, а теперь, при чтении Жуковского, лишь всплыли в его памяти. Но они отразили мироощущение не только Батюшкова. В них сказались трагические умонастроения, владевшие тогда многими его современниками.

Эти настроения выражал и Жуковский. Лирические произведения поэта, вошедшие в третье издание его стихотворений (1824), подчас перекликаются с последними стихами Батюшкова. В элегии «На кончину королевы Виртембергской» (1819) Жуковский в преддверье тяжелых испытаний, выпавших ему и его поколению, которому предстояло пережить трагические декабрьские события, писал:

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому — мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно.

В конце мая 1824 года Жуковский повез Батюшкова в Дерпт. «Дорога обратилась для меня в дорогу печали. Зачем я ездил! Возить сумасшедшего Батюшкова, чтобы отдать его в Дерпте на руки докторские. Но в Дерпте это не удалось, и я отправил его в Дрезден в Зонненштейнскую больницу»,— писал он А. П. Елагиной.

В солнечный и тихий летний день Жуковский простился с другом своей молодости и верным литературным соратником. Вспоминались веселые проводы Батюшкова в Италию в ноябре 1818 года, в которых участвовал «дружеский ареопаг», обед в Царском Селе, на котором «горевали, пили, смеялись, горячились, готовы были плакать и опять пили»,— писал тогда еще А. Тургенев. Картины дружеских встреч отодвигались в прошлое.

Дорога, по которой Жуковскому после прощания с другом предстояло возвратиться в столицу, прохо-

Могила М. А. Мойер в Дерпте (справа). *Гравюра и рисунок Жуковского. 1823 г.*

дила мимо кладбища, на котором была похоронена М. А. Мойер. «В ту минуту,— пишет Жуковский о Батюшкове,— как он отправился в один конец, а я в другой, к Петербургу, я остановился на могиле Маши». Часто бывая в Дерпте у родных и проезжая за границу, Жуковский всегда посещал ее последний приют. Цветы и деревья на могиле Маши с фигурой одинокого странника на первом плане — устойчивый мотив многих рисунков Жуковского.

Талант Жуковского-художника начиная с 1823 года получает всестороннее развитие. Сам поэт в одном из писем близким признавался, что путешествие за границу сделало его «рисовальщиком». А. П. Зонтаг он сообщал, что нарисовал с натуры около 80 видов Швейцарии. Выполненные тонким пером, эти виды отличаются особой тщательностью рисунка.

Жуковский был по преимуществу графиком. Излюбленная его тема — картины природы, одухотворенные присутствием человека. На них он нередко изображает людей (и даже самого себя), что вносит в его рисунки особую лирическую настроенность. Свои картины Жуковский обычно рисовал с натуры. Отсюда их точность и достоверность, делающая их своеобраз-

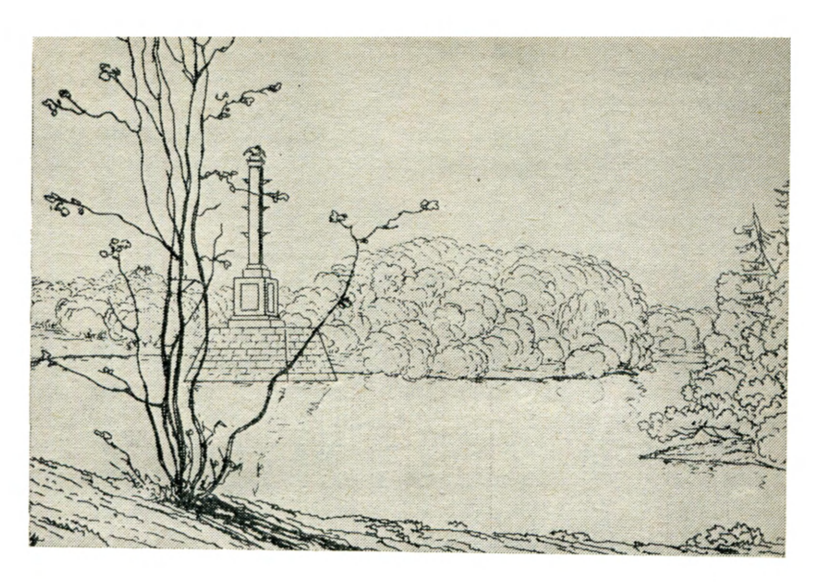
ным живописным дневником тех мест, по которым путешествовал поэт: это виды Швейцарии и Италии, окрестностей Петербурга: Павловска, Царского Села, Гатчины и Петергофа, виды Крыма и тех мест России, где он побывал значительно позднее, уже в 1830-е годы.

Сохранилось немало альбомов поэта с рисунками (многие из них хранятся ныне в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), множество отдельных зарисовок, наброски и виньетки на страницах его рукописей и даже иллюстрации к учебным таблицам по грамматике, составленным Жуковским. Чаще всего поэт рисует тонким пером или карандашом, реже — акварелью.

Жуковский постепенно овладел техникой гравирования. Его учителями, как уже сообщалось, были такие видные мастера, как Уткин, Зенф, Клара и другие. В 1823 году вышел из печати альбом его гравюр «Виды Павловска», позднее он гравировал пейзажи Царского Села, Гатчины и Петергофа. Современники, знакомые с этой стороной деятельности Жуковского, ценили в его рисунках и гравюрах «верность его взгляда, умение выбирать точки, с которых он представляет предметы, и мастерство схватывать вещи характеристически, в самых легких очерках» *.

Мастерство это с годами совершенствовалось. Если рисунки начала 1820-х годов отличаются некоторой суховатостью линий, однообразием композиционных решений и излишней детализацией изображаемого, то с годами манера письма становится более лаконичной, выразительной, индивидуально характерной. Таковы, например, замечательные по своему искусству рисунки

* Из статьи «Путешествие Жуковского по России». Современник, 1838, т. 12, стр. 8.

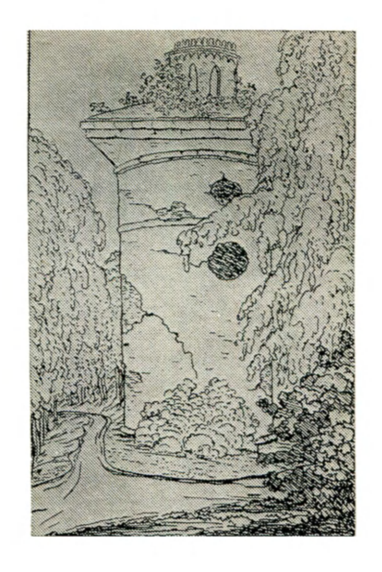
Царское Село. Чесменский обелиск. *Гравюра и рисунок Жуковского. 1820-е гг.*

пером села Мишенского, изображение которого овеяно поэзией первых детских воспоминаний.

Особенное место в творчестве Жуковского-графика занимают лирические пейзажи, в изображении которых он подчеркивает символическое значение. В них отчетливо выражается характер романтизма Жуковского: мрачные своды, унылые скалы, печальные обелиски и памятники контрастируют с сияющими вдали цветущими островами, освещенными ярким светом. Но романтик-Жуковский не впадал в безысходное отчаяние, он верил в конечное торжество светлых сил.

В 1824 году вышло из печати третье издание стихотворений В. А. Жуковского, которое подвело итоги

Царское Село. Орловская башня. *Гравюра и рисунок Жуковского. 1820-е гг.*

важнейшего этапа его поэтической деятельности, когда его влияние на развитие русской поэзии было наиболее заметным. В конце третьего тома курсивом было набрано стихотворение «Я музу юную, бывало...» — проникновенное прощание Жуковского со своей поэтической молодостью. Оно говорит о разочарованиях и надеждах поэта, вступавшего в пору зрелости, и заканчивается уверенностью, что живой родник поэзии не иссяк в его душе:

Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

Снова, как в прежние годы, вдохновение поэта будут пробуждать и новые впечатления от петербургских окрестностей. Летом 1824 года еще раз зазвучала «воинская» струнка поэтической арфы Жуковского. Однажды он сопровождал фрейлин, отправлявшихся посмотреть военные маневры в Красном Селе, неподалеку от Петербурга. Начиная с 60-х годов XVIII века сюда перемещались летние лагери гвардейских полков. Здесь происходили грандиозные маневры, в которых порою участвовало более 100 тысяч солдат и офице-

ров. Местом маневров была луговая долина, окруженная холмами; с одного из них за происходившим на «поле сражения» наблюдали петербургская знать, члены царской фамилии, придворные.

Летние учения 1824 года нашли отражение в стихотворении Жуковского «Поездка на маневры». Поэт, воссоздавший красочную панораму сражения, «где было все, чем страшен бой,— лишь смерти не было одной», подчеркивает «невсамделишность» и сражений и побед, вызвавших на свет не торжественные, а шутливые стихи «на случай». Они заканчиваются выразительной сценкой: поэт и его спутник мирно

Через пустое битвы поле
Пошли, хоть солнце их и жгло,
Пешочком, в Красное Село.

...Наступила осень 1824 года. Обычно привлекательная в Петербурге и его окрестностях, на этот раз она оказалась холодной и неприветливой. Горожане торопились съехать с дач и вернуться в столицу. Общее настроение, господствовавшее тогда в петербургском обществе, было сумрачным. 28 сентября 1824 года Дельвиг писал Пушкину: «Нет ничего скучнее теперешнего Петербурга... Мертво и холодно или иначе: свежо и прохладно!»

Внутренняя политика России зашла в тупик. Бесчинствовала реакция. Со службы были удалены многие честные люди, патриоты, желавшие блага своей стране и ее народу. Еще в апреле 1824 года вынужден был выйти в отставку Н. Тургенев, вскоре уехавший за границу; уже в середине мая был отрешен от должности и Александр Тургенев. Справедливо наблюдение современного исследователя: «Александр I был вполне последователен в своих действиях: отказавшись от обещанных реформ, он должен был, в первую

очередь, избавиться от тех лиц, которые верили в эти реформы и стремились их осуществить». Политическая атмосфера сгущалась.

6 ноября над Петербургом нависли свинцовые тучи; с самого утра шел дождь и дул холодный ветер. К вечеру непогода усилилась: вода в Неве быстро прибывала. По свидетельству одного из современников, в 7 часов вечера он уже «видел на адмиралтейской башне сигнальные фонари для предостережения жителей от наводнения. В ночь настала ужасная буря, сильные порывы юго-западного ветра потрясали кровли и окна, стекла звучали от плесков крупных дождевых капель. Беспечные жители столицы почивали». Утром на набережных толпился народ, любуясь пенистыми волнами, с шумом и брызгами разбивающимися о гранитные берега. Белая пена клубилась над волнами, которые с яростью устремлялись к берегу. Вода, продолжавшая непрерывно прибывать, вдруг «на город ринулась», затопив Гавань, Васильевский остров, Адмиралтейскую часть, Дворцовую набережную. «Необозримое пространство вод,— описывает тот же очевидец,— казалось кипящею пучиною, над которою распростерт был туман от брызгов волн...»

Разбушевавшаяся стихия все сокрушала на своем пути. Деревянные постройки, барки, склады — все это стало грудой развалин. Наводнение не разрушило дворцов и каменных особняков (хотя и они сильно пострадали в этот день), но принесло неисчислимые бедствия петербургскому бедному люду. Полностью оказались разоренными окраины: Коломна, Гавань, ряд деревень близ Екатерингофа. Значительно было число погибших, тысячи людей остались без крова. «Бедствия, окружающие нас,— писал в те дни Жуковский друзьям,— не дают ни на минуту спокойствия», «ясность души пропала надолго. Одна только деятель-

ность в исполнении обязанности своей может предохранить от уныния».

Свой долг в это время Жуковский видел в практической помощи жителям города, пострадавшим от наводнения. Именно в эти дни уехал в Москву Александр Тургенев, чтобы организовать среди московских жителей сбор средств для воспомоществования жертвам наводнения. Поездка эта вызвала подозрения у правительства. В особом письме на имя московского генерал-губернатора Д. В. Голицына Аракчеев предлагал учинить за опальным Тургеневым секретный надзор. Близкий друг А. Тургенева Жуковский не мог не знать о целях его поездки в Москву, а следовательно, не мог не участвовать и в той помощи пострадавшим от наводнения, которую тот организовал.

Заботы, связанные с преодолением последствий наводнения, не могли заглушить гражданского «уныния» в прогрессивных слоях общества. Весь следующий год прошел под знаком тревоги и ожидания перемен. 19 ноября 1825 года в Таганроге умер Александр I. С его смертью закончилась эпоха жизни русского общества, весьма сложная и противоречивая. В ней имелись свои взлеты и свои падения. Она началась уничтожением деспотического режима, установленного Павлом I, некоторым обновлением сфер государственной и общественной жизни. Вслед за этим развернулись события Отечественной войны 1812 года, вызвавшей огромный подъем национального самосознания. И все же во многом это была эпоха неосуществленных надежд и нереализованных возможностей. «Дней Александровых прекрасное начало» завершилось откровенной реакцией: аракчеевщиной, гонениями на передовых людей.

Сообщая в Париж А. Тургеневу о смерти Александра I, Жуковский писал: «Наша деятельность при-

надлежит его веку. Все обвинявшее его забыто». Но обвинения — и весьма тяжелые — оставались. Они лишь казались позабытыми под впечатлением момента. Тургенев в своем парижском дневнике, обращаясь к России, писал о царе: «Он отнял у себя славу быть твоим благодетелем — народ в рабстве».

Начались тревожные дни междуцарствия. В ожидании важных происшествий Петербург притаился и затих. «В Петербурге все тихо»,— писал Жуковский А. Тургеневу незадолго до декабрьских событий. Но это было затишье перед бурей.

И вот наступил день 14 декабря 1825 года. Пока в Зимнем дворце готовились к благодарственному молебну по поводу воцарения Николая I, по петербургским улицам, направляясь к Сенатской площади, уже двинулся восставший лейб-гвардии Московский полк. На площади он принял боевое построение — каре, закрывая подступы к зданию Сената. Члены тайных обществ офицеры А. А. Бестужев, Е. П. Оболенский, Д. А. Щепин-Ростовский возглавили это выступление. Восставшие отказались от присяги Николаю I. Прибывший для переговоров с гвардейским полком петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович был смертельно ранен пулей Каховского. К восставшим спешили на подмогу лейб-гренадеры и Морской гвардейский экипаж. Весть о событиях на Сенатской площади всколыхнула весь Петербург. Толпы народа заполняли близлежащие площади и улицы...

В этот день Жуковский находился в Зимнем дворце. Из окон дворца, выходивших на Дворцовую площадь и Адмиралтейский проспект, было заметно беспрерывное движение в сторону Сенатской площади. Огромное пространство Дворцовой площади было покрыто «волнующимся народом, каретами, дрожками»,— так писал очевидец событий А. Н. Оленин, заметивший

перед воротами Зимнего дворца Николая I, «пешего и, кажется, без шляпы, с несколькими генералами, стесненного толпою черни и читающего им манифест».

Первая конная атака правительственных войск была отбита. Николай I приказал стрелять по восставшим картечью. Восстание было жестоко подавлено. Возвращавшийся из дворца Оленин, проезжая через Сенатскую площадь, был поражен «небывалым» в Петербурге зрелищем: у огней на биваках грелись солдаты, кое-где лежали убитые и тяжелораненые. Немедленно начались аресты. В ночь на 15 декабря царь лично допрашивал арестованных.

Не принадлежавший к тайным обществам, Жуковский не знал конкретных целей восставших, вышедших с оружием в руках на Сенатскую площадь. Воображение его рисовало картину, не соответствующую действительной. Многие из участников восстания — К. Рылеев, А. и Н. Бестужевы — были ему хорошо знакомы. Но до сих пор он считал их литераторами, издателями, журналистами. Были люди, которых ему вообще было трудно представить себе причастными к восстанию: они занимали видные посты в армии. Но больше всего поэта страшила кровь, которая пролилась в этот день на Сенатской площади, как казалось тогда поэту, по вине восставших,— отпугивал призрак народной революции.

Через день после восстания в смятении и спешке Жуковский пишет письмо к Александру Тургеневу, которое надолго стало поводом для безоговорочного зачисления поэта в лагерь реакционеров и даже врагов декабристов. В то время он еще ничего не слышал об участии в тайных обществах его друзей Н. и С. Тургеневых, Н. и А. Муравьевых, М. Ф. Орлова, М. Лунина и многих других лиц, которых хорошо знал и искренне любил. Несправедливость своих резких слов

в адрес восставших Жуковский смог понять только позднее. Размышляя над происшедшим, поэт постепенно убедился, что декабрьское восстание — не бунт политических авантюристов, а закономерное следствие длинной цепи событий, участниками которых оказались многие современники поэта, люди, которых он привык уважать, друзья, близкие.

Он не был вместе с теми, кто судил, обвинял и решал участь декабристов. Подобно многим современникам, Жуковский пережил эти события как подлинно национальную трагедию. «Несчастным временем» называл Жуковский месяцы, наступившие после 14 декабря. В нем шла напряженная духовная борьба. Он искренне верил царю, который на допросах и очных ставках искусно разыгрывал роль справедливого и беспристрастного судьи. Гуманист, он уповал на царское великодушие, верил, что невинные будут освобождены, а виновным будет предоставлена возможность раскаянием заслужить снисхождение. Эту иллюзию разделяли многие современники, ожидавшие со страхом и надеждою окончания работы следственной комиссии.

На поэта, известного своей добротой и отзывчивостью, градом посыпались просьбы о помощи. За Г. С. Батенькова просила А. П. Елагина, за И. Д. Якушкина — его жена и ее мать Н. Н. Шереметева... Время было тревожное, смутное. Николай I не принимал никаких ходатайств. А. П. Елагиной Жуковский отвечал, что «ему очень больно» говорить своим близким, что он «ничего не может для них сделать», добавляя: «В моем сердечном участии вам сомневаться не должно». Другой своей племяннице, А. П. Зонтаг, он писал о Петропавловской крепости: «Крепость населена», считая, однако, что может быть «между поселенцами есть и невинные, но прежде надобно узнать, что они

невинны, потом они получат свободу». Между тем каждый день приносил новые известия об арестах: среди петербургских знакомых поэта почти не оставалось семьи, где не оплакивали бы трагическую судьбу мужа, отца, брата. На близкие поэту семьи Муравьевых, Раевских, Плещеевых также обрушилось несчастье. В бумагах декабристов находили революционные стихи Пушкина. Масштабы событий, разыгравшихся в России, открывались Жуковскому постепенно и заставляли его иначе смотреть на участников восстания.

Следственная комиссия быстро добралась до ближайших друзей поэта — братьев С. и Н. Тургеневых. Н. Тургеневу, находившемуся в то время в Англии, было предписано вернуться в Петербург.

...Друг поэта А. Тургенев, все еще находившийся за границей, узнав, что два брата его замешаны в тайных обществах, сразу же вернулся в Петербург. Скоро стало ясно, что Сергей Тургенев не состоял ни в одном из них. С Николаем все обернулось значительно сложнее. Следствие выявило его роль как одного из идеологов декабристского движения. Из допросов обвиняемых стало известно, что он был в числе организаторов «Союза благоденствия», активно участвовал в важнейших совещаниях «Северного общества», где высказывался в пользу республиканского правления. «Президент без дальних толков»,— заявил он при обсуждении вопроса о будущем политическом строе России. Он был самым последовательным защитником прав крепостного крестьянства, звал к уничтожению в России рабства. Но Н. Тургенев не разделял взглядов и намерений левого, радикального крыла «Северного общества», придерживаясь более умеренных взглядов на пути и формы борьбы с царизмом. Кроме того, находясь за границей, он не участвовал и в со-

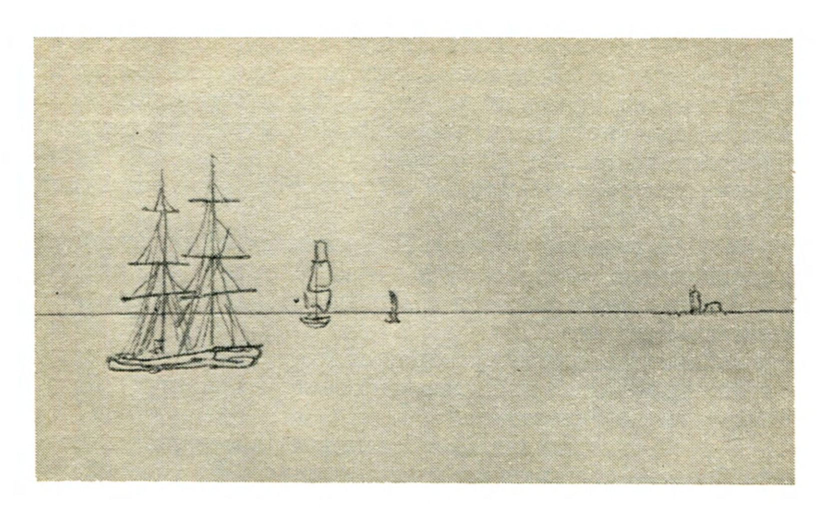
бытиях 14 декабря. Сам Н. Тургенев, а вслед за ним А. Тургенев и Жуковский считали, что это является достаточным основанием, чтобы избежать осуждения. Они наивно полагали, что если Н. Тургенев сможет представить веские аргументы в пользу своей непричастности к событиям 14 декабря, то он будет оправдан.

Встревоженный участью Н. Тургенева, Жуковский решился лично обратиться к царю, спросив его, нужно ли обвиняемому явиться в Петербург. Он рассказывал Вяземскому, что Николай I ответил: «Если спрашиваешь меня как императора, скажу: „Нужно“; если спрашиваешь как частного человека, то скажу: „Лучше ему не возвращаться“».

В этой напряженной обстановке обострились старые болезни Жуковского: он занемог. С большим трудом, страдая одышкой, он поднимался по лестницам; не спал, лишился способности работать. Душевное равновесие восстанавливала лишь мысль о скором отъезде из Петербурга.

Жуковский вновь отправлялся в путешествие по Европе, надеясь, что в это время сможет полечиться, а также отдохнуть «нравственно и физически».

12 мая 1826 года в дорожном дневнике Жуковского, направлявшегося морем в Германию, появилась первая выразительная запись: «Я на море. Погода ясная. Но не предвещает ли это бури». Из-за отсутствия ветра корабль почти не двигался. «Мы сделали до вечера не более 15 верст и только успели поравняться с Толбухинским маяком»,— сообщает поэт. От маяка открывался удивительный по красоте вид на оставленные берега, который напомнил Жуковскому лето 1818 года, когда он был свидетелем великолепного праздника в Петергофе и Ораниенбауме. «Сколько перемен с тех пор!..»

Толбухинский маяк. *Рисунок Жуковского. 23 июня 1839 г. Публикуется впервые.*

Вспоминался Карамзин, «здоровый, веселый». Уезжая из Петербурга, поэт оставил его в безнадежном состоянии. Уже в Германии Жуковский узнал о кончине Карамзина, последовавшей 22 мая 1826 года. Смерть литературного наставника, «славного историографа», с которым Жуковский был связан дружескими отношениями в течение двадцати пяти лет, была тяжелой утратой для поэта. «Большая половина жизни прошла под светлым влиянием его присутствия,— писал Жуковский А. Тургеневу.— От этого присутствия нельзя отвыкнуть. Карамзин — в этом имени было и будет все, что есть для сердца высокого, милого, добродетельного».

В Петербурге тем временем близилось к своему трагическому финалу следствие над декабристами. Манифестом от 1 июня 1826 года Николай I назначил Вер-

ховный уголовный суд для вынесения приговора участникам восстания и членам тайных обществ. В его составе — семьдесят два человека: сенаторы, высшие сановники, военные и духовные чины. Разрядная комиссия во главе со Сперанским разделила всех обвиняемых на одиннадцать разрядов по степени «вины» каждого из них. Пять человек — Рылеев, Пестель, Каховский, Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол — были оставлены вне разрядов. Это «важнейшие преступники», которых Верховный суд приговорил к смертной казни. Остальным — лишение гражданских и имущественных прав, различные сроки каторжных работ, по окончании которых — поселение в Сибири. Несмотря на хлопоты А. Тургенева и Жуковского, Н. Тургенев был признан виновным и по определению Верховного суда зачислен в первый, наиболее тяжелый по форме наказания разряд «государственных преступников». Ему был вынесен смертный приговор, замененный пожизненной каторгой.

Узнав приговор и не пожелав быть в Петербурге во время расправы над декабристами, А. Тургенев 13 июля, на рассвете, выехал из столицы за границу. Незадолго до этого он написал Жуковскому, проходившему курс лечения в Эмсе, подробное письмо, вероятно содержавшее сообщение о ходе обвинительного процесса. Но Жуковский не получил его.

Вскоре Александр и Сергей Тургеневы были уже вместе. Свое следующее письмо Жуковский адресует им обоим. Обращаясь к Сергею, он сообщает, что благодаря Козлову «имеет довольно подробные известия о том, что было в Петербурге». А 17 августа, встретившись с братьями в Мариенбаде, Жуковский узнаёт и новые подробности, связанные с процессом над декабристами.

Поездка Жуковского за границу носила отчасти официальный характер. Он должен был не только определить круг дисциплин для преподавания наследнику, но и позаботиться о комплектовании учебной библиотеки. Но за все время своего путешествия он не расставался ни с братьями «опасного» государственного преступника, навсегда оставшегося за границей, ни с мыслью помочь ему.

Эту помощь он рассматривал как свою главную миссию. Он писал А. Тургеневу: «Из всех нас я остался на сцене. Я и сам жалею брата, как ты. Буду сторожем, буду высматривать благоприятные минуты и всем, что представится, воспользуюсь. Вот единственная в глазах моих выгода теперешнего моего положения, относительно ко мне».

За границей Жуковский вместе с братьями Тургеневыми внимательно читал и штудировал «Историю Французской революции» прогрессивного французского историка Минье, пытавшегося объяснить исторический процесс с точки зрения классовой борьбы. Позднее он смог ознакомиться с подобной же работой другого представителя буржуазной историографии — «Историей Английской революции» Гизо. Эти книги, вышедшие в свет в 1824—1826 годах, были новинками и вызывали широкий интерес в европейском обществе. Внимание Жуковского к трудам Гизо и Минье было связано со стремлением поэта осмыслить уроки отечественной истории. Знакомство с прогрессивными для того времени идеями Минье и Гизо способствовало углублению взглядов Жуковского, внушало мысль о противоречивом характере процесса исторического развития. Позднее такого рода мысли прозвучат в письмах Жуковского к царю и его жене. Во время пребывания в Париже Жуковский посещал заседания Национального собрания и описал их в своем парижском дневнике.

В Париже поэту пришлось пережить новую тяжелую утрату. На руках Александра Тургенева и Жуковского умер Сергей Тургенев. Под влиянием нервного потрясения, вызванного расправой над восставшими и приговором брату Николаю, в нем произошел глубокий душевный надлом. Первые признаки умственного расстройства, которые стали заметны уже в Германии, привели к болезни, закончившейся смертью. Это была еще одна жертва после декабрьской «катастрофы».

Затянувшийся отпуск подходил к концу. Возвращаясь в Петербург в октябре 1827 года, Жуковский вез с собой сделанные А. Тургеневым выписки из нового оправдательного письма его брата. Поэт надеялся убедить Николая I пересмотреть решение по делу Н. Тургенева и для этой цели составлял собственную записку. Расставшись с А. Тургеневым, он писал ему из Берлина: «Мою записку почти переписал и постараюсь дописать еще здесь, чтобы быть по приезде наготове».

Сомнения, однако, не покидали поэта: «...признаюсь, чем ближе к возврату, тем менее вероятным становится успех. То, что ясно и убедительно *здесь*, то теряет свою убедительность *там*». «*Там*», то есть в России, где самая «простая ясная истина покажется сумасшествием».

Жуковский ни на минуту не забывал о полицейских порядках, царивших в Петербурге. Свои размышления по этому поводу Жуковский изложил в одном из писем А. Тургеневу, написанном уже из Петербурга. Негодуя на то, что многие его письма не доходят к адресату, Жуковский осуждал беззаконное вмешательство правительства в частную переписку. «Как же хотеть уважения к законам в частных людях, когда правительства все беззаконное себе позволяют? Я уверен, что самый верный хранитель общественного

порядка есть не полиция, не шпионство, а нравственность правительства. В той семье не будет беспорядка, где поведение родителей образец нравственности; то же можно сказать о правительствах и народах»,— рассуждал он.

Опыт, приобретенный Жуковским во время его путешествий по европейским странам, знакомство с общественно-политической жизнью, культурой и нравами европейских народов заставили поэта более критично взглянуть на современную ему Россию. Не став противником русского самодержавия, Жуковский в своей педагогической деятельности попытался примирить монархические принципы с усвоенными им идеалами разума, человечности, общественного прогресса. Впрочем, скоро стало ясно, что в вопросах воспитания наследника Николай I не слишком доверяет идеалисту-поэту. Назначив его наставником и поручив ему организацию всей системы занятий с наследником, царь одновременно поставил его под контроль генерал-адъютанта К. К. Мердера — главного воспитателя и фрунтовика, до мозга костей преданного монарху. При непременном участии Мердера происходили периодические проверки знаний наследника, как это становится очевидным из «докладных записок» Жуковского. Новая должность поэта оказалась чреватой для него самыми неожиданными последствиями.

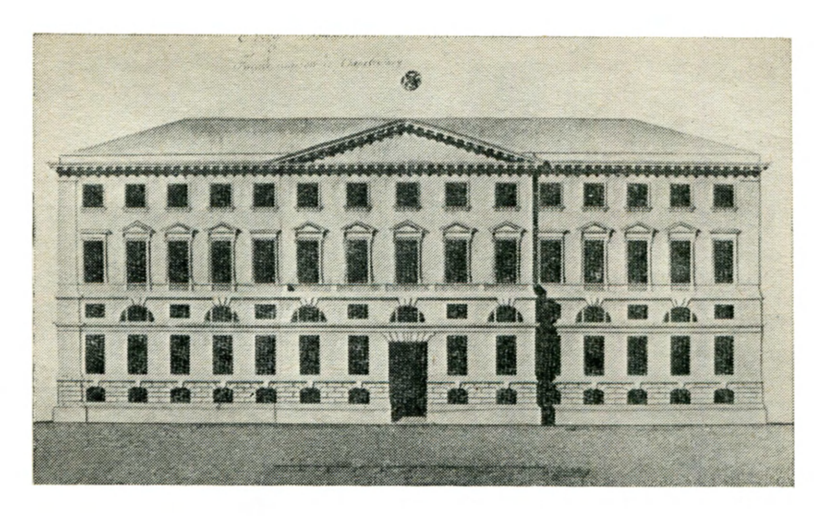

„НЕ МОГУ ПОКОРИТЬ СЕБЯ НИ БУЛГАРИНЫМ, НИ ДАЖЕ БЕНКЕНДОРФУ“

В Петербурге Жуковского ожидала новая квартира, переезд на которую состоялся в его отсутствие. Воспитателю наследника отвели одно из помещений, прилегающих к Зимнему дворцу,— в так называемом Шепелевском доме, выходившем своим фасадом на Большую Миллионную улицу (ныне улица Халтурина). Свое название этот дом получил от имени его прежнего владельца камергера Шепелева, дед которого выдвинулся при Петре I. Дом Шепелева, построенный в конце 1740-х годов, неоднократно перестраивался. В самом конце XVIII века архитектор И. Е. Старов надстроил еще один этаж, перепланировал помещения, изменил внутреннюю отделку, присоединив Шепелевский дом к комплексу эрмитажных зданий. Верхние покои (антресоли), выходившие окнами на Миллионную улицу, были подвергнуты новой перестройке в 1825 году. Они предназначались для воспи-

тателя наследника — «известного Жуковского». Центральная часть будущей квартиры была отведена под кабинет. Чтобы оборудовать его, пришлось сломать одну из перегородок, отчетливо видных на плане 1807 года. После перепланировки комнаты стали просторнее, но потолки остались низкими. Парадные покои Шепелевского дома, расположенные ниже, служили в эти годы помещением для прибывших в столицу вельмож, генералов и иностранных гостей. Здесь доживали свой век и старые фрейлины. До наших дней Шепелевский дом не сохранился: в 1842—1852 годах на его месте по проекту П. Кленце было возведено здание Нового Эрмитажа.

А. А. Воейкова в своем письме к поэту дает подробное описание нового жилища, которого сам Жуковский еще не видел. Описание Воейковой особенно ценно тем, что никто из современников, бывших в этой квартире, не говорит о ней в целом. Посетив Шепелевский дом, Воейкова сообщала Жуковскому: «Комнат у тебя четыре, в анфиладе, из коих одна огромная, с прелестным камином — потом две сбоку — потом одна сбоку — с русской печью». Сообщение племянницы поэта позволяет нам представить себе внешний вид и планировку квартиры: она была не слишком велика, но удобна для Жуковского, так как отвечала его привычкам. Самую большую комнату с камином поэт, любивший работать в просторных помещениях, отвел под кабинет, который стал одновременно приемной и гостиной. Крайняя комната анфилады, с русской печью, скорее всего стала спальней Жуковского, любившего тепло. Одна из комнат служила столовой. Воейкова побывала в Шепелевском доме, когда квартира Жуковского еще не была устроена и его вещи не перевезены, но она обратила внимание на «прекрасно расписанные паркеты», «прехорошенькие диваны и кресла»,

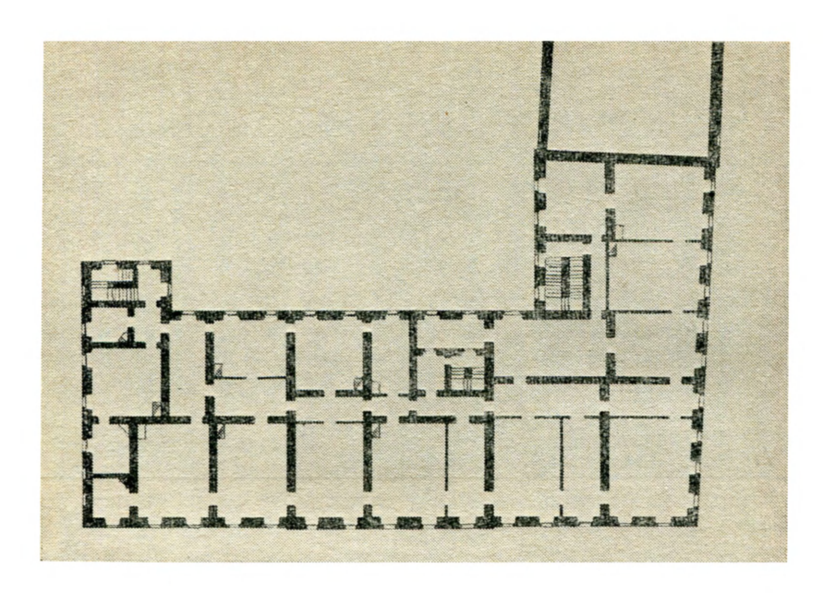

Фасад Шепелевского дома. *Фотография с плана конца XVIII в.*

стоявшие там, на большие зеркала, столы красного дерева. «Все чисто и весело, только ужасно высоко»,— завершает она свое описание.

Переезд на новую квартиру беспокоил поэта, находившегося в это время за границей. Он поручил Воейковой лично проследить за отправкой и упаковкой вещей, рассказав в одном из писем об этих своих заботах и новой императрице Александре Федоровне. Императрицу забавляло простодушие поэта. Он же был склонен к идеализации своей бывшей ученицы и явно переоценивал ее душевные качества.

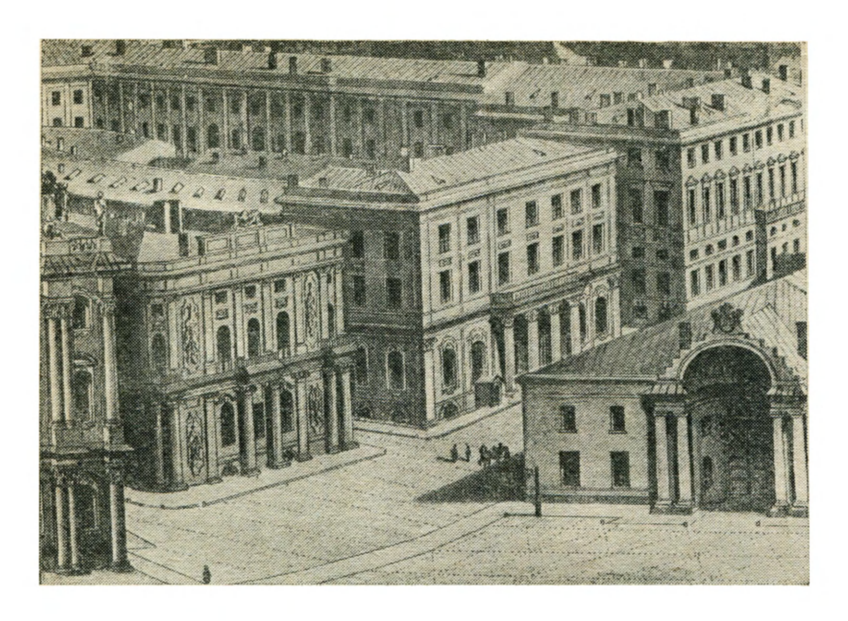
Устройство нового жилища началось сразу же по возвращении Жуковского в Петербург. «Я в хлопотах,— сообщал он 27 октября 1827 года А. П. Зонтаг.— Еще не устроил ни времени моего, ни места; в моих горницах до сих пор был ужасный хаос».

План квартиры Жуковского в верхнем этаже Шепелевского дома. *Фотография с плана 1807 г. Публикуется впервые.*

Современники поэта не раз писали о необыкновенном его умении устраиваться со вкусом и комфортом. На этот раз квартира давала для этого большие возможности. Кабинет поэта, по словам К. Зейдлица, представлял собою подлинную «мастерскую просвещенного художника», обставленную с благородной простотой: «Большие кресла, диванчики, письменные столы, библиотека, все было установлено так, что тут он мог писать, там читать, а там беседовать с друзьями».

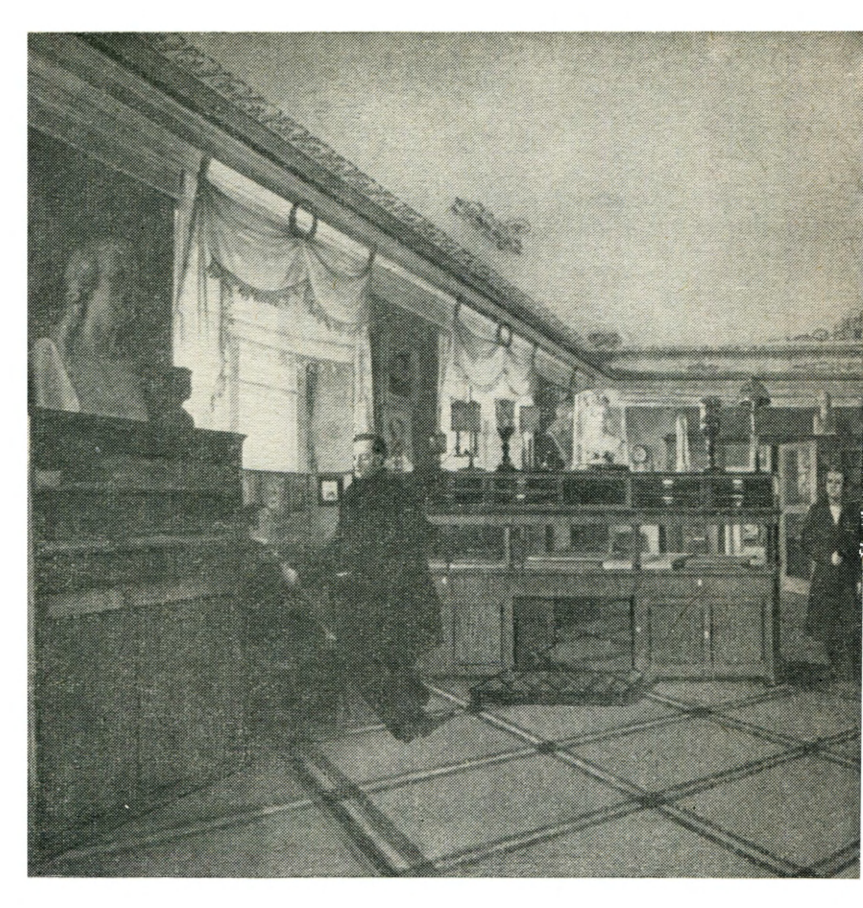
«В углах комнаты стояли гипсовые слепки с античных голов, на стенах висели и портреты». Огромная библиотека на многих языках — гордость хозяи-

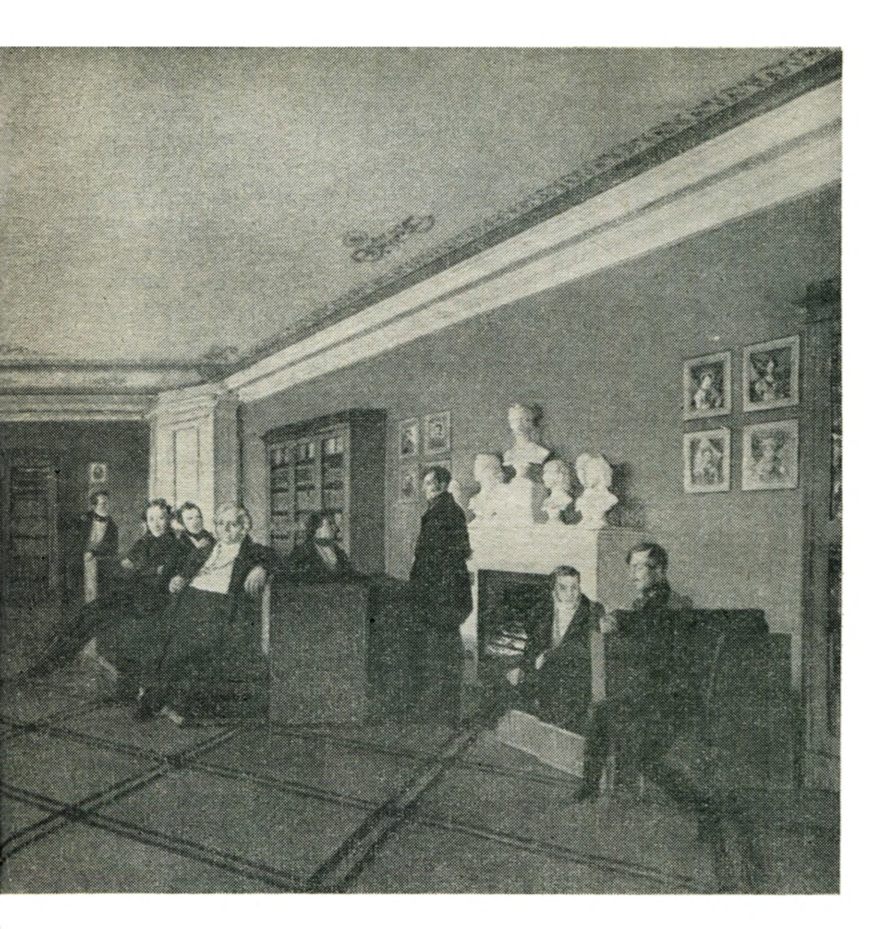
Вид на Миллионную улицу с Дворцовой площади. Справа вверху — часть Шепелевского дома. *Литография по рисунку Г. Чернецова. Фрагмент. 1830-е гг.*

на — размещалась в закрытых шкафах. Здесь жил не царедворец, а русский литератор и любитель искусства.

Один из шкафов делил кабинет на две части; у окна располагался стол-секретер, на другой стороне комнаты — по краям мраморного камина — стояли диван и кресла для гостей. Именно таким выглядит кабинет Жуковского на картине, исполненной в 1830-х годах учениками известного художника А. Г. Венецианова — Г. Михайловым, А. Мокрицким и другими.

Субботнее собрание у Жуковского. *Картина*

Г. Михайлова, А. Мокрицкого и др. 1830-е гг.

Возвратившись в Петербург в 1827 году, Жуковский увидел значительные перемены в настроениях русского общества. Разгром декабрьского восстания резко изменил политическую ситуацию внутри страны. Герцен писал: «Первые годы, следовавшие за 1825 годом, были ужасающие. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении порабощенного и гонимого существа. Людьми овладело всеобщее уныние». Общество лишилось своих лучших людей. Наступила длительная реакция.

Николай I, ознаменовавший свое вступление на престол кровавой расправой над декабристами, сначала заигрывал с общественным мнением. Отсюда ряд либеральных жестов монарха — от назначения пенсии вдове казненного К. Ф. Рылеева и «прощения» Пушкина до учреждения Комитета для подготовки будущих государственных реформ. Николай I отстранил от участия в государственных делах Аракчеева, Магницкого и некоторых других «сподвижников» Александра I.

Жуковский наивно надеялся направить царя на путь просвещения и прогресса. Первые наставления «монарху» Жуковский высказывает в своем письме к Александре Федоровне в связи с предстоящей коронацией Николая I. «Горе, если министры самодержавного государя только рабы своих выгод: тогда они скрываются под маской рабской преданности»,— пишет поэт.

Внутренние причины событий 14 декабря он усматривает теперь не в «действиях» заговорщиков, а в недовольстве русского общества деятельностью правительственных лиц и приближенных монарха. Взгляды, развиваемые Жуковским, были близки к идее стихотворения «Друзьям» (1828 г.), в котором Пушкин обращался к царю со следующим предостережением:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Между тем и новый царь был далек от понимания подлинных интересов страны. Всей своей деятельностью он выражал устремления помещиков-крепостников, направленные на сохранение существующих порядков. Он готовил для России новые оковы, еще более тяжкие, нежели его предшественники. Было создано печально знаменитое «III отделение собственной его императорского величества канцелярии», возглавляемое любимцем царя, шефом жандармов графом Бенкендорфом, новым душителем свободы и просвещения. III отделение покрыло Россию всеобъемлющей сетью политического шпионажа. Агенты Бенкендорфа заполнили общество, проникли в литературные круги. Доносительство стало одной из форм «правительственного контроля» над общественным мнением. Цензурный устав 1826 года, метко прозванный современниками «чугунным», заключил в жесткие рамки всю русскую печать.

Позиция Жуковского в последекабрьские годы в своей основе оставалась позицией гуманиста-просветителя, не стремившегося к прямой политической или административно-государственной деятельности. Он признавался А. Тургеневу: «Ни моя жизнь, ни мои занятия, ни мой талант не стремили меня ни к чему политическому. Но когда же общее дело было мне чуждо?» Просветительские убеждения и патриотизм поэта не позволяли ему оставаться в стороне от всякой борьбы. В конце 1820-х — начале 1830-х годов таким «общим делом», от участия в котором он не мог и не хотел устраниться, стала борьба за облегчение судьбы

сосланных на каторгу и заключенных в тюрьмы декабристов.

Отношение к осужденным декабристам в среде петербургского дворянства было далеко не одинаковым. «Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей,— писал Герцен.— Не было почти ни одной дворянской семьи, которая не имела бы близких родственников среди сосланных и почти ни одна не осмелилась надеть траур или высказать свою скорбь». Только женщины не боялись обнаружить своего сострадания и к самим осужденным, и к членам их осиротевших семейств. Это отмечал Н. Тургенев, писавший в своей книге «Россия и русские» о воздействии декабрьских событий на русское общество: «Многие семьи были жестоко испытаны вышеупомянутым несчастьем. Голос их, так же как и голос осужденных, не мог быть услышан, но они протестовали против суровости власти своими поступками, своим благородным самоотвержением. И в данном случае, как всегда, особенно красноречиво поступали женщины».

В дни коронации Николая I А. А. Воейкова в своих письмах Жуковскому за границу писала о тяжелых настроениях тех, чьи близкие были осуждены на каторгу и ссылку: «Весь этот праздничный пурпур и иллюминации — не для семейств, которых можно встретить в крепостной церкви». Вскоре она сообщала Жуковскому: «Милый друг! окончание несчастий 14 декабря поразит тебя так же, как и нас — но благодарю бога, что ты далеко и не видишь несчастных родителей. В каком они положении, ты представить можешь, но видеть все это, и знать, что никакой помощи, никакой отрады этому горю нет,— это нестерпимо».

Воейкова пишет далее о мучительных переживаниях А. Г. Муравьевой, жены Никиты Муравьева, без малейших колебаний последовавшей за мужем в Сибирь. А. Г. Муравьева, вне сомнения, была хорошо знакома с Жуковским, близким другом семьи Муравьевых. Жуковский знал и другую замечательную женщину — молодую княгиню Трубецкую, урожденную Лаваль. В начале 1820-х годов он часто бывал в доме ее родителей, расположенном на Английской набережной и представляющем собой великолепный образец русского классицизма. (Здание было построено в начале XIX века и прекрасно сохранилось. Современный его адрес: набережная Красного Флота, 4.)

Салон Лавалей в 1820-е годы занял заметное место в общественно-литературной жизни столицы. Здесь бывали Гнедич, Крылов, Вяземский и другие. Вернувшись из первого заграничного путешествия, Жуковский читал у Лавалей свои новые произведения. Зять хозяев дома — С. П. Трубецкой — был одним из руководителей «Северного тайного общества», поэтому в салоне Лавалей в начале 1820-х годов часто собирались его ближайшие товарищи и сподвижники: К. Рылеев, А. Бестужев и другие. Своего значения одного из прогрессивных столичных центров культуры салон Лавалей не утратил и после разгрома декабрьского восстания.

После ареста и осуждения С. П. Трубецкого Е. И. Трубецкая последовала в Сибирь за своим мужем. Жуковский дружелюбно отзывался о молодой «княгине Трубецкой» еще в начале 1820-х годов, в одном из своих писем Д. Н. Блудову. Вернувшись из заграничного путешествия, он уже не застал Е. И. Трубецкую в Петербурге, но много слышал о ней и о других «декабристках», разделивших с мужьями их судьбу.

Жуковский, близкий к семье Раевских, лично знал и М. Н. Раевскую-Волконскую, жену Сергея Волконского. Овеянные мученическим ореолом, жены декабристов заставляли общество думать о «скорбной участи» заживо погребенных, вызывали в нем настроения протеста и осуждения. Препятствия, которые создавало правительство женам «государственных преступников», не останавливали их. По указанию Николая I местные губернские власти должны были предостерегать их от следования к месту ссылки мужей: в Нерчинский рудник, Петровский завод и т. д. Отъезд в Сибирь означал для «декабристок» лишение всех прежних гражданских прав. Жены «государственных преступников» должны были жить отдельно от мужей, свидания с ними были строго регламентированы. Денежные доходы этих семей контролировались правительством; дети, рожденные в Сибири, лишались прав состояния и т. п. Но ничто не могло остановить самоотверженных женщин. Не вызывает сомнений, как относился Жуковский к их подвигу, тем более что в судьбе одной из них — жены декабриста Якушкина — он принял прямое участие. Еще в июне 1826 года Анастасия Васильевна Якушкина обратилась к Николаю I с просьбой о свиданиях и переписке с мужем, находившимся в Петропавловской крепости. После вынесения приговора Якушкин был сослан в Сибирь. Не имея о нем никаких известий, молодая женщина решила просить царя о разрешении последовать за мужем. Ее мать, Н. Н. Шереметева, обратилась к Жуковскому, и он добился разрешения. Однако Якушкина не смогла отправиться к мужу в Сибирь сразу. Позднее пришлось обращаться к царю вторично. Тогда на ее просьбу последовал категорический отказ.

Нужно было обладать значительным личным и гражданским мужеством, чтобы не бояться поднять го-

лос в защиту декабристов. И заступником многих осужденных стал В. А. Жуковский. Одним из его подопечных стал Ф. Глинка, активный член «Союза благоденствия» и «Северного общества». Не принявший прямого участия в событиях 14 декабря, он был признан замешанным в тайные общества, лишен воинских чинов и отправлен в ссылку в глухую Олонецкую губернию. Там, в Петрозаводске, ему разрешили поступить на гражданскую службу. Жизнь в окраинной губернии России, известной своим суровым климатом, пагубно сказалась на состоянии здоровья Ф. Глинки. Он обратился к Жуковскому с просьбой помочь ему добиться перевода в другую губернию. Жуковский принял в нем самое горячее участие: хлопотал о его переводе через своего знакомого С. П. Миницкого (генерал-губернатора Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний), помогал Ф. Глинке составить прошение на его имя.

В архиве Жуковского, хранящемся в Ленинграде в Публичной библиотеке, имеются подлинник прошения Ф. Глинки и его копия, сделанная рукой самого поэта. По-видимому, Жуковский использовал свою близость ко двору для помощи ссыльному Глинке. В начале 1829 года Глинка получил разрешение на перевод в Тверскую губернию, где его позднее навестил Жуковский.

Наиболее драматичным был исход борьбы, которую начал поэт в конце 1820-х годов за отмену обвинительного приговора Николаю Тургеневу. Жуковский принял на себя опасное посредничество между братьями Тургеневыми и царем. Итоги многолетней, изнуряющей «тяжбы» с самодержцем были малоутешительны. Жуковский не смог убедить царя в непричастности Н. Тургенева к событиям 14 декабря. Николай I

продолжал настаивать на явке «преступника» в Петербург, обещая ему «справедливый суд». Но А. Тургенев и Жуковский боялись довериться царю.

Занимаясь делами Н. Тургенева, Жуковский имел полную возможность подробно ознакомиться с политической программой декабристов, с теми идеями, борьбе за которые они посвятили свою жизнь. На протяжении 1827—1830 годов поэт постоянно сталкивался с материалами следствия, читал донесения следственной комиссии. Размышляя над этими документами, Жуковский не мог не проникнуться глубоким сочувствием ко всем, кто томился на каторге и в ссылке. Тогда-то и созрел замысел знаменитого письма Жуковского Николаю I, написанного в январе 1830 года: «Государь! Я осмелился просить вас за Александра Тургенева и упомянуть перед Вами о брате его; теперь осмеливаюсь делать более: говорить о других осужденных». Прошло уже пять лет после восстания, а следовательно, по мнению Жуковского, «время строгости для них миновало! время милости наступило!» Прося об амнистии «политическим преступникам», Жуковский давал в своем письме анализ причин, породивших декабрьское восстание. Основной причиной, по мысли поэта, является воздействие на участников восстания и членов тайных обществ «духа времени, под коим образовалась их молодость». Отмечает Жуковский и влияние событий Отечественной войны, и в особенности заграничных походов, во время которых «столько пылких, неопытных, невозмужалых умов столкнулось с идеями неуспокоенной Европы». И наконец, в событиях 14 декабря Жуковский считает виноватым и... Александра I, «который с благими намерениями возбудил столько свободных идей и не дал им надлежащего направления».

Поэт решился напомнить императору об участи «несчастных семейств» декабристов, которые не могут забыть о своем горе. Считая, что «строгое правосудие удовлетворено», а «милосердие ждет своей очереди», Жуковский предлагал царю план поселения в Сибири — этой ныне «безлюдной пустыни» — прощенных декабристов, усилиями которых она может быть превращена в цветущий край. Напоминая, что осужденные — люди больших дарований, знаний и ума, Жуковский предлагал обратить их энергию и опыт на пользу дикого сибирского края. Создавая в своем письме обобщенный образ декабриста-поселенца, поэт вспоминал своих прежних друзей и знакомых. Перед его глазами вставали Никита и Александр Муравьевы, М. Лунин, В. Кюхельбекер и вся «фаланга рыцарей», думавших о благоденствии России... «Теперь эти несчастные гибнут без пользы для края, который служит для них темницей,— писал поэт.— А пока они живы, хотя Россия вообще и забыла о них, все же иногда их печальная участь будет тревожить умы как страшное сновидение». Жуковский умолял царя переменить участь изгнанников, «пока еще они в силах жизни, пока еще могут быть людьми для блага будущих времен». Взывая к разуму, милосердию и гуманизму, поэт снова столь же жестоко ошибался в царе. Но Жуковский не решился вручить своего письма Николаю I. Известие о нем дошло до царя через многочисленные доносы. Враги поэта прибегли к клевете. Его называли главою оппозиционной правительству партии.

Над Жуковским нависла угроза опалы. Он решился прямо объясниться с царем. «Наконец мне назначено свидание»,— сообщает поэт. Жуковский рассказывал, как происходило объяснение.

— Что это ты писал ко мне? — угрожающе спросил Жуковского царь и, не дав ответить, добавил: —

Знаешь ли пословицу: «Скажи мне, с кем ты знаком, я скажу тебе, кто ты». Ее можно применить к тебе. Несмотря на то что Тургенев осужден и я тебе говорил о нем, что ты знаешь, что доказательство существует против него, ты беспрестанно за него вступался и не только мне, но и везде говорил, что считаешь его невиновным.

Царь обвинял поэта в том, что он слывет «сообщником людей беспорядочных или осужденных за преступления», и требовал от него заботы о своей репутации, заявляя:

— Ты при моем сыне.

Никаких объяснений от Жуковского он не пожелал выслушать, и разговор окончился. «Это свидание было не объяснение, а род головомойки, в которой мне нельзя было поместить почти ни одного слова»,— записал Жуковский после разговора с царем. Но все, что накопилось на душе: гнетущие мысли, сомнения, обиды, ощущение бессилия — все, о чем не захотел ничего узнать царь, составило содержание «воображаемого разговора» поэта с Николаем I, записанного на случайно уцелевшем листке бумаги.

На обвинения царя Жуковский хотел бы ответить так: «Я защищаю тех, кто осужден и обвинен перед вами... Но разве вы не можете ошибаться! Разве правосудие (особливо у нас) безошибочно?»

Объясняя, почему он не может не заступиться за тех, «кто худ с правительством», и за тех, кем оно недовольно, Жуковский продолжал свой воображаемый разговор с монархом: «И разве я могу, не утратив собственного к себе уважения и вашего, жертвовать связями целой моей жизни».

Последние слова Жуковского особенно важны: в них он не только не отрицает своих прежних связей с декабристами, но и прямо заявляет царю, что отре-

чение от них после постигшего их несчастья было бы для него пределом нравственного падения.

Подобно большинству просветителей, Жуковский верил в то, что произвол и насилие, царящие в России, могут быть исправлены сверху, стоит только раскрыть глаза Николаю I на истинное положение дел в стране. Словно убеждая самого себя, что царь не видит окружающих его трон льстецов и доносчиков, Жуковский стремится предостеречь его от возможных ошибок. Если страной будет управлять Бенкендорф с помощью своих шпионов, то «около вас будут жить только те, кои живут предательством»,— пишет поэт, надеясь «образумить» царя. Он предупреждает его, что если положение не изменится, то «между царем и Россиею будет бездна, огороженная забором из наушников». Жуковский не понимал, что причиной произвола, царящего в России, является система самодержавно-крепостнических отношений, в сохранении которых заинтересован монарх.

Нетрудно представить себе последствия, которые имел бы этот разговор для Жуковского, если бы он был не воображаемым, а действительным... Но «Разговор» остался фактом внутренней биографии Жуковского и благодаря этому не привел его к открытому конфликту с царем. Что же касается письма с просьбой о политической амнистии декабристам, то поэт все же нашел средство довести его содержание до Николая I через императрицу. Царь игнорировал мнение своего непрошеного советчика. Но и Жуковский в свою очередь не собирался отказываться от своих убеждений. «Я со своей стороны буду продолжать жить, как я жил. Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу»,— предупреждал он Николая I. В этих словах поэт отчетливо и ясно определяет свою общественно-литературную позицию

в последекабрьские годы. В процессе поляризации демократических и реакционных сил, который был характерным признаком развития русского общества в новых исторических условиях, Жуковский оказался не среди тех, кто верой и правдой служил николаевской реакции, а вместе с передовой, прогрессивно мыслящей частью общества.

События 14 декабря 1825 года обозначили резкий рубеж в исторических судьбах целого поколения русских людей. Для одних, подобных бывшим арзамасцам Д. Н. Блудову, Д. В. Дашкову, С. С. Уварову, они явились началом стремительного служебного возвышения. Особенно показателен путь Д. Н. Блудова — от либеральных устремлений юности к участию в работе следственной комиссии по делу декабристов.

В присутствии Блудова был вынесен обвинительный приговор Н. Тургеневу. Этого братья Тургеневы никогда не могли простить ему.

Путь Жуковского в эти трудные годы был совершенно иным. Служебное положение не мешало ему занимать вполне самостоятельную позицию при решении острейших вопросов, которые ставила перед ним российская действительность. Несмотря на кажущуюся мягкость и неиссякаемое добродушие, поэт умел, когда этого требовали обстоятельства, быть непримиримым и твердым. В Шепелевском доме, рядом с Зимним дворцом, поэт остался чуждым придворного искательства, искренним, отзывчивым и гуманным. На лестнице, ведущей в квартиру Жуковского, можно было встретить самых разных людей — и начинающих литераторов, и бедных чиновников, и людей, пострадавших за свои убеждения. Для всех он не только находил теплые слова участия, но всегда изыскивал возможность прийти на помощь каждому, кто попадал в затруднительное положение: приезжему в сто-

лицу помогал определиться на службу, молодому автору — опубликовать его новое произведение. Он помогал советом, ободрял, поддерживал веру в свои силы, а если нужно, то и оказывал материальную помощь.

Ведя довольно замкнутый образ жизни, почти не бывая в свете, по возможности избегая и придворных приемов, Жуковский всегда находил время для встреч с близкими ему по духу людьми — писателями, художниками, музыкантами. «Живу очень уединенно, — сообщал поэт А. Тургеневу в письме от 27 ноября 1827 года, — всегда почти обедаю дома, изредка бываю в людях, на это у меня определен час после обеда, между 6 и 8. Остальное время за делом. У Карамзиных обедаю по воскресеньям». И тут же он сообщает о своих частых встречах с Пушкиным. Опальный поэт, «прощенный» Николаем I, в сентябре 1826 года возвратился из Михайловского в Москву, а в мае 1827 года смог приехать и в Петербург. Часть лета и осень этого года Пушкин провел в Михайловском, откуда снова направился в Петербург. Здесь после семилетнего перерыва состоялась встреча друзей-поэтов и быстро возобновились тесные дружеские отношения.

«Я ничего тебе не сказывал о Пушкине, — информирует А. Тургенева Жуковский. — Он давно здесь. Написал много». Василий Андреевич успел уже ознакомиться с новыми главами «Евгения Онегина», с трагедией «Борис Годунов», высоко оценив глубину и художественное совершенство новых пушкинских творений. Не все, однако, принимает он в этих произведениях. Непоколебимый романтик, сторонник возвышенно-идеальных представлений о поэзии, Жуковский настороженно относился к реалистическому направлению творчества зрелого Пушкина, который, по его мнению, «часто позволяет себе быть слишком прозаи-

ческим». Считая его первым среди современных русских поэтов, Жуковский стремился, по его собственному признанию, обратиться «во вдохновительного гения для Пушкина». В письме к Вяземскому от 26 декабря 1826 года Жуковский писал: «Нет ничего выше, как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого». К Пушкину поэт обращался со следующими словами: «Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более своих предшественников! Пойми свою высокость и будь достоин своего назначения!» Когда Пушкин закончил поэму «Полтава» (1828), Жуковский написал о ней Вяземскому: это «самое прекрасное его произведение».

На протяжении многих лет, с конца 1820-х до конца 1830-х годов, квартиру Жуковского в Шепелевском доме посещали многие деятели передовой русской культуры. 20 апреля 1828 года Жуковский принимал в своей квартире А. С. Грибоедова, прибывшего в Петербург с Кавказа с текстом Туркманчайского договора, условия которого были весьма выгодны для России. Дипломатическому курьеру в таких случаях полагались награды и повышение по службе. В ожидании нового назначения Грибоедов провел в столице около двух месяцев. Вместе с Пушкиным и приехавшим из Москвы Вяземским он мечтал о заграничном путешествии, план которого горячо обсуждался на квартире Жуковского в тот день, когда Грибоедов посетил поэта. Впрочем, совместная поездка трех поэтов, бывших на подозрении у правительства, состояться не могла. Николай I не выпустил бы из России ни Пушкина, ни известного своим либерализмом и удаленного со службы в Варшаве Вяземского. Что же касается Грибоедова, то вскоре он был отправлен в «почетную ссылку». Именно так называл он свою новую

должность полномочного министра России в Персии, где через год трагически погиб.

В декабре 1828 года Жуковского посетил в Шепелевском доме и другой опальный поэт, высланный в Россию из Польши, Адам Мицкевич. А. П. Елагиной, давшей польскому изгнаннику рекомендательное письмо, Жуковский писал в Москву: «Ваш Мицкевич был у меня. Мне он очень по сердцу. Он должен быть великим поэтом». Мицкевич прочитал на квартире у Жуковского вступление к поэме «Конрад Валленрод», посвященной борьбе порабощенной Литвы с крестоносцами, переведя его поэту французской прозой. Жуковский нашел этот отрывок превосходным, заметив при этом: «Если бы я теперь писал или имел время писать, я бы тотчас кинулся переводить эту поэму». О своих встречах с Жуковским сообщил и Мицкевич в одном из своих писем: «Жуковский, с которым я познакомился и который очень ко мне благосклонен, писал, что если он возьмется за перо, то посвятит его переводу моих стихов».

Мицкевич хлопотал в Петербурге о разрешении выехать за границу. Жуковский взялся ему помочь и, видимо, смог при помощи своих связей при дворе добиться такого разрешения. Из письма польского поэта Жуковскому от 16 февраля 1829 года мы узнаем об их встречах в Павловске, о хлопотах Жуковского по делу Мицкевича. 15 мая 1829 года польский поэт навсегда покинул Россию страстным и непримиримым врагом русского самодержавия.

Петербургское общество долго не могло выйти из оцепенения, охватившего его после расправы над декабристами.

Еще в сентябре 1827 года управляющий канцелярией III отделения М. Я. фон Фок, в обязанность которого входило доносить о настроениях в обществе и

состоянии «умов», сообщал Бенкендорфу: «После несчастного происшествия 14 декабря, в котором замешаны были некоторые люди, занимавшиеся словесностью, петербургские литераторы не только перестали собираться в дружеские круги, как то было прежде, но и не стали ходить в привилегированные литературные общества, уничтожившиеся без всякого повеления правительства».

В Москве прекратилась работа Общества любомудров, в которое в свое время входили В. Ф. Одоевский, Д. Веневитинов, В. К. Кюхельбекер и другие. В Петербурге перестало существовать Вольное общество любителей российской словесности, многие члены которого были насильственно вырваны из рядов литературы. Это были казненный К. Рылеев, сосланный А. Бестужев-Марлинский, узники В. Кюхельбекер, А. Корнилович. Огромные затруднения в своих литературных занятиях испытывал Ф. Глинка, сосланный в Олонецкую губернию. Николай I жестоко подавил всякие попытки литературного творчества в прежнем «либеральном духе». За вольнолюбивую поэму «Сашка» в 1826 году был отдан в солдаты А. Полежаев.

Фон Фок с удовлетворением отмечал в своем донесении, что оставшиеся в Петербурге литераторы «избегали быть вместе и, только встречаясь мимоходом, изъявляли сожаление об упадке словесности...». Но продолжаться долго так не могло. Возобновлялись старые отношения, налаживались новые общественно-литературные связи.

В литературно-художественной жизни Петербурга важное место занял кружок поэта А. А. Дельвига, жившего в эти годы в доме Кувшинникова на Загородном проспекте, вблизи Владимирской церкви (ныне Загородный, 9). Жуковский знал его еще с лицейских лет. Дельвиг — с того же времени — благоговел перед

Жуковским-поэтом. В 1820-е годы их отношения стали особенно близкими: Жуковский сотрудничал в альманахе «Северные цветы», был шафером на свадьбе Дельвига. Жена барона вскоре сдружилась с А. А. Воейковой. Жуковский стал одним из посетителей литературных вечеров Дельвига. У него бывали Пушкин, Крылов, Мицкевич, молодые поэты, сотрудничавшие у Дельвига (М. Деларю, В. Щастный, А. Подолинский, О. Сомов). Общество оживляли своим присутствием умные и обаятельные женщины: С. М. Дельвиг, А. П. Керн. На вечерах Дельвига читали стихи, музицировали, пели. Здесь бывал М. Глинка, который, приехав в Петербург в мае 1828 года, вскоре также познакомился с Жуковским. Позднее в своих «Записках» знаменитый композитор вспоминал: «Я постоянно посещал вечера В. А. Жуковского. Он жил в Зимнем дворце, и у него еженедельно собиралось избранное общество, состоящее из поэтов, литераторов и вообще людей, доступных изящному».

Связи Жуковского с Пушкиным, Вяземским, Грибоедовым и другими «подозрительными» лицами не прошли незамеченными при дворе. В 1830 году поэт снова навлек на себя недовольство царя, который заявил Жуковскому: «Тебя называют главою партии, защитником всех тех, кто худ с правительством». Доносившие на поэта хорошо знали тех, кто посещал один из флигелей царского дворца. Особое неудовольствие царя вызвала позиция Жуковского в литературной полемике конца 1820-х — начала 1830-х годов.

Многие прежние «либералы» в эти годы спешили перейти в лагерь реакции. Усилиями правительства в литературе насаждался благонамеренно-верноподданнический дух; малейшие проявления свободы мысли пресекались в самом корне. Никогда еще литература не была столь откровенно поставлена на службу

официозно-охранительным задачам. Именно такой характер приобрела в последекабрьские годы деятельность Булгарина и Греча, ставших добровольными агентами III отделения и Бенкендорфа. В руках этих продажных журналистов к концу 1820-х годов оказались все основные периодические издания столицы.

В 1830 году Дельвигу все же удалось добиться разрешения на издание «Литературной газеты», вокруг которой сгруппировались литераторы-единомышленники, сохранившие верность прежним прогрессивным убеждениям.

Жуковский избегал «журнальных драк», однако он должен был неизбежно оказаться одним из тех, с кем Булгарин, имевший прямой доступ к Бенкендорфу, вступил в ожесточенную борьбу. Булгарин стремился скомпрометировать его в глазах Николая I, обвиняя Жуковского в участии в мелких журнальных дрязгах. Донос достиг цели, и Жуковскому пришлось оправдываться, отводить от себя подозрения в поддержке «либералов», в подстрекательстве к полемике, в поддержке Воейкова, давнего врага Булгарина.

Строки объяснительного письма, адресованного поэтом царю, исполнены глубокого достоинства. Жуковский напоминал ему о своих литературных заслугах и безупречной репутации: «Лучшие люди были моими друзьями и остались моими друзьями; заслужить их одобрение было моей наградой, и я приобрел его. Как писатель, я был учеником Карамзина; те, кои начали писать после меня, называли себя моими учениками, и между ними Пушкин, по таланту и искусству, превзошел своего учителя». Жуковский так определял круг своих связей в петербургском литературном мире: «Никакого сношения с здешними писателями, овладевшими литературою, не имею», «вида-

юсь только с Крыловым, Гнедичем и бароном Дельвигом, которых уважаю».

Но поддержкой правительства пользовался Булгарин, тогда как издание Дельвига возбуждало подозрения. Раздражение Николая I было вызвано не самим фактом участия Жуковского в литературной борьбе, а той принципиальной позицией, которую он занимал в этой борьбе. Поэт был не среди тех, кто верно служил по литературному «ведомству», а среди тех, кто, создавая подлинные художественные ценности, способствовал развитию передовой русской культуры.

Особое место в жизни Жуковского заняло лето 1831 года. В мае этого года в Петербург переселился Пушкин, последние годы жизни которого, ознаменованные стремительной эволюцией его как поэта, мыслителя, историка, прошли вблизи Жуковского. На летнее время он вместе с семьею приехал в Царское Село, где П. А. Плетнев снял для него дачу на Колпинской улице, в доме Китаевой (здание сохранилось; современный его адрес: Пушкинская улица, 2).

Жуковский жил в это лето в Александровском дворце, одной из царскосельских резиденций императорской семьи. Дворец предназначался Екатериной II для ее внука Александра.

Построенное в конце XVIII века архитектором Кваренги, здание Александровского дворца отличалось простотой и строгостью форм. Средний фасад был украшен колоннадой и двумя симметрично расположенными портиками. Внутренние покои дворца во времена Жуковского и Пушкина были отделаны в классическом стиле. Квартира Жуковского располагалась в верхнем этаже здания, где были помещения для служащих. Время, свободное от исполнения своих педагогических обязанностей, Жуковский проводил среди друзей, встречи с которыми в это лето были осо-

бенно оживленными. Часто навещал он и Пушкина в доме Китаевой. «Пушкин мой сосед, и мы видаемся с ним часто, — писал Жуковский А. Тургеневу. — А женка Пушкина очень милое творение... И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше». В Павловске поселился в это лето Гоголь, служивший домашним учителем сына А. П. Васильчиковой. Три знаменитых современника провели лето в близком соседстве и в тесном творческом общении, оставившем замечательный след в развитии русской литературы.

С Гоголем Жуковский познакомился несколько раньше. В конце 1830 года или в самом начале 1831 года тот пришел в Шепелевский дом с рекомендательным письмом к маститому поэту. Много лет спустя Н. В. Гоголь вспоминал, как он «едва вступившим в свет юношей» появился у Жуковского. «Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу, как теперь, всю до мельчайшей мебели и вещицы», — писал Гоголь, в жизни которого поэт сыграл совершенно особую роль. Жуковский вместе с Плетневым помог молодому литератору определиться на службу. Позднее он стал одним из ближайших друзей и советчиков Гоголя. Не раз использовал Жуковский свою близость к царской семье для устранения материальных затруднений постоянно нуждавшегося писателя.

Лето — осень 1831 года оказались особенно плодотворными в творческом отношении.

Вступив в своеобразное состязание, Пушкин и Жуковский создали стихотворные сказки в народно-поэтическом духе. Жуковский, используя сказку, записанную Пушкиным еще в Михайловском от Арины Родионовны, написал «Сказку о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея бессмертного

и о премудрости Марьи царевны, Кощеевой дочери». Пушкин ответил на это своей замечательной «Сказкой о царе Салтане». Оба поэта, каждый по-своему, с присущим им высоким мастерством, раскрыли перед читателем поэтический мир народной сказки, указав плодотворный путь современной им русской литературе. Гоголь писал по этому поводу: «Почти каждый вечер собирались мы — Жуковский, Пушкин и я... сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей».

Но занятия поэтическим трудом оставляли время и для досугов: друзья часто гуляли по аллеям царскосельских парков, а по вечерам отправлялись в Екатерининский дворец, где жила в это лето фрейлина императрицы и приятельница обоих поэтов Александра Осиповна Россет (помолвленная с богатым помещиком и камер-юнкером Н. М. Смирновым). «Очаровательная Россет», восхищавшая современников своей «смуглой красой», была живой и умной девушкой. Здесь поэты могли говорить о литературе, собственных творческих планах, встречая полное понимание своей собеседницы. Во «фрейлинской келье», расположенной в верхнем этаже дворца, не смолкали шутки, смех, горячие споры. Жуковский вступил в шутливую переписку с Россет, посвятив ей ряд юмористических посланий и стихотворных записок. В это лето Пушкин и Жуковский общались особенно тесно. Недаром Жуковский сообщал А. Тургеневу о Пушкине: «Мы с ним вместе поживаем в Царском и вместе проводим вечера у смуглой царскосельской невесты... Я между дела пишу эксаметры, а Пушкин ждет осени, чтобы начать писать. Манускрипт Ч. он давал мне читать и взял у меня, чтобы отправить к Ч.».

Кто же такой Ч., рукопись которого Жуковский читал вместе с Пушкиным летом 1831 года, и почему поэт означает его фамилию только начальной буквой?

Это П. Я. Чаадаев — писатель и философ, в прошлом гусарский офицер, участник войны 1812 года, близкий друг Пушкина, адресат его ранних посланий, а среди них и самого популярного «Любви, надежды, тихой славы...». В поздние годы этот замечательный человек, о котором Пушкин писал:

Он в Риме был бы Брут,
В Афинах Периклес,—

находился в Москве, принимая участие в ее литературной жизни. «Манускрипт», о котором идет речь, — знаменитые «Философические письма», содержавшие резкую оценку исторического прошлого и современного состояния России. Это было то самое произведение, за напечатание которого в 1836 году был запрещен московский журнал «Телескоп», редактор его Н. И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск, а автор объявлен сумасшедшим. Осторожность, которую проявляет Жуковский в письме к А. Тургеневу, кажется в данном случае далеко не излишней.

Жуковский, по свидетельству мемуариста Д. Н. Свербеева, следующим образом отзывался о труде Чаадаева: «Порицать Россию за то, что она с христианством не приняла католичества, предвидеть, что католическою была она бы лучше, — все равно, что жалеть о черноволосом красавце, зачем он не белокурый». Подробные возражения Чаадаеву сформулировал позднее Пушкин, но нетрудно представить, с чем мог не согласиться в этой смелой работе и Жуковский. Он видел в истории России не только ошибки, заблуждения, позорные провалы, как Чаадаев, но в первую очередь проявление жизнеспособности, стойкости и мужества ее народа, стремившегося на всех этапах развития отстоять свою независимость и свою национальную самобытность. В таком понимании истори-

ческого прошлого России Жуковский оказывался союзником Пушкина.

Живя в Царском Селе и постоянно общаясь между собой, поэты не раз касались и современных им политических событий. Одним из них было польское восстание 1830—1831 годов. В оценке польских событий Жуковский противоречив: приветствуя в своих стихах на взятие русскими войсками Варшавы «Железный русский фрунт», он отдает дань ура-патриотическим настроениям. Здесь в нем говорит противник революционных методов. Но, вместе с Пушкиным, Жуковский остро реагировал на попытки европейских держав вмешаться в русско-польский конфликт. В кругу этих настроений следует искать истоки таких стихотворений, как «Русская песнь» и «Русская слава». Поэт не считал свои стихи удачными. Недаром после выхода в свет брошюры «На взятие Варшавы» (1831), в которой он выступил вместе с Пушкиным, написавшим «Бородинскую годовщину» и «Клеветникам России», Жуковский сообщал И. И. Дмитриеву: «В стихах моих, написанных на взятие Варшавы, нет ничего замечательного, и они бледны, стоя рядом со стихами Пушкина».

Позиция, занятая Жуковским в польском вопросе, отражает внутренние противоречия его общественно-политических взглядов в 1830-е годы. Рассматривая вслед за Карамзиным русскую монархию как итог длительного исторического развития, он стремился при этом истолковать роль самодержца в духе просветительских идей и выступал в поддержку политики царя в случаях, когда его действия представлялись поэту исторически оправданными. Всякое отступление от принципов разума и справедливости вызывало резкое несогласие Жуковского, не боявшегося вступать в конфликты с Николаем I.

Сложность позиции поэта определялась тем, что он не был противником «законного порядка» — монархического образа правления, о чем неоднократно заявлял в своих многочисленных записках и письмах Николаю и Бенкендорфу. Подобные высказывания создали Жуковскому репутацию «верноподданного». Между тем объективный смысл всей его многообразной деятельности заключался в неприятии деспотического порядка современной ему России. Приписывая царю свои идеальные представления о высоком назначении и долге монарха, Жуковский недоумевал, замечая, как сильно расходятся они с делами и поступками царя. Это было постоянным источником противоречий в сознании поэта, причиной тревог и волнений, заставлявших Жуковского входить в различные объяснения с царем.

Острые разногласия с Николаем I и Бенкендорфом возникли в 1832 году в связи с запрещением журнала «Европеец». Издателем этого журнала, выходившего в Москве, был И. В. Киреевский, молодой писатель и критик, старший сын родственницы и многолетней корреспондентки поэта А. П. Киреевской-Елагиной.

И. Киреевский был в известной мере и учеником поэта, его гордостью. Высокие нравственные качества, обширные знания, блестящие литературные способности соединялись у Киреевского со стремлением принести пользу развитию отечественного просвещения.

Посетив в 1830 году Петербург, Киреевский остановился у Жуковского в Шепелевском доме, ходил вместе с ним по Эрмитажу, делился своими литературными планами. Задумав издавать журнал, Киреевский обратился к Жуковскому за советом и одобрением. Он писал из Москвы в октябре 1831 года: «Издавать жур-

нал — такая великая эпоха в моей жизни, что решиться на нее без вашего одобрения было бы мне физически и нравственно невозможно». Жуковский поддержал идею нового издания и дал согласие на свое участие в журнале.

Литературные соратники Жуковского — писатели пушкинского круга — связывали с новым журналом свои творческие планы. После закрытия «Литературной газеты», последовавшего после очередного доноса, и смерти Дельвига вся петербургская «гласность» оказалась снова в руках Булгарина и Греча. Намерение Пушкина издавать в Петербурге газету «Дневник» не осуществилось. В этих условиях «Европеец» Киреевского мог бы стать одним из журналов, противостоящих официозно-торгашескому направлению в литературе 1830-х годов.

Однако в феврале 1832 года, после выхода первого номера, журнал был запрещен Николаем I по новому доносу Булгарина. В статье «Девятнадцатый век» Киреевского были найдены крамольные мысли. Молодого автора обвинили в распространении революционных идей и в выступлении против лиц «иностранного происхождения», — по существу, против засилья иностранцев в административно-государственном аппарате. Киреевскому грозили крепость и ссылка. Запрещение журнала и тяжкие политические обвинения, предъявленные молодому издателю, потрясли Жуковского; он немедленно вмешался в дело.

Записки поэта Бенкендорфу и Николаю I полны драматизма. Он смело выступал в защиту Киреевского. Никогда еще русская литература не была в таком «унижении,— писал Жуковский.— Поприще ума и талантов обращено в торговую площадь, на коей несколько торгашей хотят одни завладеть прибытком и, опа-

саясь совместников в корысти, чернят и осыпают ругательствами всякого, кто попытается выйти на посрамленную ими сцену с другими, более благородными намерениями».

Записку поэт сам прочитал Бенкендорфу. Одновременно он обратился и к Николаю. В этом письме Жуковский снова взывал к «разуму», «справедливости» и «гуманизму» царя, отвергая обвинения в «либерализме». Снова доказывал, убеждал. В личном разговоре с царем о Киреевском Жуковский, по рассказу современника, поручился за молодого журналиста. «А кто за тебя поручится?» — резко ответил Николай, после чего между царем и поэтом «произошла сцена, вследствие которой Жуковский заявил, что коль скоро и ему не верят, то он должен тоже удалиться; на две недели приостановил он занятия с наследником престола».

Ходатайство Жуковского так и не было удовлетворено: издание «Европейца» не возобновилось. Отношения поэта с самодержцем опять зашли в тупик, оставив тяжелый след. Жуковского угнетало собственное бессилие, невозможность ничего доказать. Это его состояние было хорошо известно людям, которые часто встречались с ним. Муж А. О. Россет, Н. М. Смирнов, писал о Жуковском в 1834 году: «Верный друг всем приятелям, каких у него очень много, он, ходатайствуя о них, может выйти из своего хладнокровия и разгорячиться, для себя он бессилен».

Хлопоты и огорчения подорвали здоровье Жуковского. У него заболели глаза, появились боли в печени. Возникла мысль о новой поездке за границу на лечение. Прошение его об отпуске было удовлетворено, и начались сборы в дорогу. Собрался уезжать и А. Тургенев, находившийся весной 1832 года в Петербурге.

Зная о недоброжелательном отношении к себе Николая I, Тургенев боялся, что не получит разрешения на выезд за границу. Паспорт был ему выдан, но Тургенев, не желая далее осложнять положение Жуковского, предложил ему поехать отдельно. Жуковский с возмущением отказался. 18 июня 1832 года друзья отплывали на пароходе, отправлявшемся в Любек. До Кронштадта их провожали Вяземский и Пушкин, неизменные и постоянные друзья.

Петербург оставался позади.

„ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ“

В сентябре 1833 года Жуковский вернулся на родину, снова оживший и помолодевший. «Не хочу вам ничего рассказывать о моем путешествии, — лень! — писал он в Москву. — Я прожил шесть месяцев в райской тишине, на берегу Женевского озера, потом видел чудесный, лихорадочный сон Италии; теперь здесь — в области мглы, сырости и геморроя, и любуюсь наводнением, которое уже две ночи сряду грозит Петербургу». Более месяца Жуковский прожил в Царском Селе и переехал в Петербург лишь в конце октября.

Шла повседневная, будничная жизнь. Зима запаздывала; еще в середине ноября стояли пасмурные, серые, нехолодные дни. Понемногу возобновлялись дружеские общения, прерванные долгим отсутствием поэта в столице. Жуковский посещал своих ближайших соседей. Недалеко от Шепелевского дома, на углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка (ныне

Запорожского), в скромном флигеле дома, принадлежавшего Ланскому (дом не сохранился), жил писатель, ученый, музыкант В. Ф. Одоевский. «Чердак» Одоевского был широко известен в литературно-художественных кругах Петербурга. Две небольшие комнаты для приема гостей, расположенные в нижнем этаже флигеля, и большой кабинет князя — в верхнем — по субботам заполняли литераторы, художники, артисты. Сюда приезжали обычно после театра. «Прийти к нему прежде 11 часов было рано»,— указывает современник.

Человек огромных и поистине энциклопедических знаний, В. Ф. Одоевский интересовался не только литературой, искусством, но и различными науками — математикой, химией, астрономией. Кабинет хозяина, уставленный книгами, напоминал и лабораторию ученого-химика. Он был загроможден склянками и ретортами, старинными книгами и рукописями. Жуковский, близкий друг В. Ф. Одоевского, по воспоминаниям многих современников, был неизменным завсегдатаем его дома.

Посещал поэт и расположенный на Марсовом поле дом Салтыкова, который с 1828 года снимал австрийский посланник, граф Фикельмон. Здание это, созданное по проекту Кваренги, сохранилось в несколько перестроенном виде до нашего времени (набережная Кутузова, 4).

В конце 1820-х — начале 1830-х годов литературно-политический салон Фикельмона принадлежал к числу самых блестящих, самых известных в придворно-аристократических кругах Петербурга. Жена посла — Дарья Федоровна Фикельмон — внучка М. И. Кутузова и младшая дочь Е. М. Хитрово, близкой приятельницы Пушкина,— была одной из самых известных петербургских красавиц этого времени, отличалась

острым умом и широкой европейской образованностью.

По вторникам и пятницам (приемным дням Фикельмонов) гостиные их дома заполняли дипломаты, приезжие иностранцы, видные сановники, известные литераторы. Здесь можно было, как сообщает Вяземский, «запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романами или драматическими творениями одного из любимцев той литературной эпохи».

Взгляды супругов Фикельмон отличались широтой и прогрессивностью. В их доме можно было откровенно высказываться по животрепещущим вопросам европейской и русской политики, не опасаясь нескромных ушей и бдительных глаз. Когда однажды Пушкин заговорил в Аничковом дворце с одним из сановников о Польше и Мицкевиче, тот ответил: «Любезный друг, здесь не место говорить о Польше. Изберем нейтральную почву, например у австрийского посла». В своем дневнике Пушкин рассказывает любопытный «анекдот» о Жуковском, ярко характеризующий свободную атмосферу в салоне Фикельмона и дающий любопытный штрих к облику поэта: «Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмона (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11 марта. Они сели. В эту минуту входит государь с графом Бенкендорфом и застает наставника своего сына дружелюбно беседующего с убийцею его отца!» Скарятин был одним из участников заговора против Павла I, и разговор с ним мог скомпрометировать воспитателя наследника.

Салон М. Ю. Виельгорского был не менее известен в великосветских и художественных кругах Петер-

бурга, чем дом австрийского посланника, хотя обстановка этого салона была совершенно иной. В сохранившемся до наших дней доме (ныне площадь Искусств, 3) собирался по преимуществу круг музыкантов, артистов, композиторов, блестящих виртуозов и приезжих знаменитостей. Хозяин дома — музыкант и композитор, его брат Матвей Виельгорский — одаренный виолончелист, друзья и артисты, пользовавшиеся его покровительством, составляли нередко домашние ансамбли, великолепно исполнявшие Моцарта, Глюка, Гайдна и современную зарубежную и русскую музыку. «Все знаменитые концертанты, приезжавшие давать концерты в Петербурге, сперва играли на его музыкальных вечерах, а потом уже давали публичные концерты»,— писала А. Я. Панаева. Жуковский любил и хорошо знал музыку, и поэтому он чаще других писателей бывал у Виельгорского. По воспоминаниям Н. М. Смирнова, поэт «целые часы готов слушать Бетховена, Моцарта, он гармоническими звуками погружается в сладкую мечтательность, лицо его одето вниманием, и душа его плавает в гармонии». По просьбе Виельгорского Жуковский перевел на русский язык текст оратории Гайдна «Времена года». Посещать дом Виельгорских — означало быть в центре событий музыкальной жизни Петербурга.

Над квартирой Виельгорских, занимавших два первых этажа, одно время жили Карамзины. С их возвращением в Петербург прежний дружеский круг стал снова собираться в скромной квартире, занимаемой семьей покойного историографа. Многим из современников хорошо запомнилась патриархальная обстановка гостиной Карамзиных: мебель, обитая красным, выцветшим от времени штофом, легкие соломенные стулья, чайный стол с большим самоваром. По воспоминаниям А. Ф. Тютчевой, в этой гостиной

более двадцати лет собиралась самая культурная и образованная часть русского общества. Другой посетитель этого салона, А. И. Кошелев, отмечал: «Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и говорили по-русски». Сюда почти ежедневно заходили Жуковский, Вяземский, Пушкин, Плетнев. В доме Карамзиных звучали их новые произведения, обсуждались события литературной жизни. Нередко приходили молодые поэты и писатели, чья литературная известность только зарождалась. К Карамзиным являлись «запросто», посидеть за чашкой чая. Жуковский здесь чувствовал себя в семье близких ему людей.

В 1836 году Карамзины переехали в соседний дом, принадлежавший Жукову (ныне площадь Искусств, 4). В этот период Карамзиным и их друзьям пришлось стать очевидцами трагических событий, приведших к дуэли и смерти Пушкина. С 1839 года Карамзины жили на Гагаринской улице (ныне улица Фурманова, 16).

На правах старого друга дома приходил Жуковский и в петербургскую квартиру Вяземского: в дом Баташова на Гагаринской набережной (ныне набережная Кутузова, 32). Когда в 1834 году Вяземские уехали за границу, квартиру эту они передали Пушкину, прожившему в доме Баташова с августа 1834 по май 1836 года. До переезда на эту квартиру Пушкины жили в доме Оливье на Пантелеймоновской улице (ныне улица Пестеля, 4). Жуковский был всегда желанным гостем у поэта.

Никогда, пожалуй, их отношения, неизменно дружеские и теплые, не были столь близкими, как в эти годы. Всюду — в литературно-художественных и политических салонах, в театре и на концертах, на улицах Петербурга, в домах друзей, в собственных квар-

тирах — поэты встречаются, разговаривают, спорят. В сознании современников они неизменно рядом: на празднике новоселья в связи с переездом книжной лавки Смирдина в новое помещение на Невский проспект (ныне дом № 22); на лекции Гоголя в Петербургском университете, на литературных вечерах у Плетнева и в мастерской Карла Брюллова.

Жуковский нередко оказывался первым читателем и критиком новых произведений Пушкина. Не успел Пушкин вернуться из поездки в Оренбург, как сразу же в его дневнике появляется запись о Жуковском. Пушкин пишет 24 ноября: «Обедал у К. А. Карамзиной — видел Жуковского. Он здоров и помолодел». Это впечатление — от первой встречи с Жуковским после длительного перерыва. 17 декабря — новая запись о встрече: «Вечер у Жуковского: немецкий amateur *, ученик Тиков **, читал «Фауста» — неудачно, по моему мнению».

А вот и пригласительная записка Жуковского Пушкину от 29 января 1834 года: «Посылаю тебе, почтеннейший друг Александр Сергеевич, Историю господина Пугачева, тобою написанную с особенным искусством... Продолжай, достойный русский писатель, работать умом и пером ко чести России и ко полноте твоего кармана. А завтра я именинник, и будут у меня ввечеру семейства Карамзиных, Мещерских и Вяземских; и будут у меня два изрядных человека, графы Вьельгорские, и попрошу Смирнову с собственным ее мужем... вследствие сего прошу и тебя с твоею грациозною, стройносозданною, богинеобразною, мадонистою супругою пожаловать ко мне завтра (во вторник), в 8-мь часов, откушать чаю с бриошами и

---

* Любитель, дилетант *(франц.)*.

** Тик — немецкий поэт-романтик, знакомый Жуковского.

Этюд к картине братьев Чернецовых «Парад на Марсовом поле». *Группа литераторов. 1834 г.*

прочими вкусными причудами...» Некоторое время спустя Жуковский, приглашая Пушкина к себе, снова просит его привезти «стихи» и «прозу», обещая «порастрепать „Пугачева"».

Накануне нового, 1834 года Пушкин был «пожалован» придворным чином камер-юнкера. Зная по долгому опыту жизни при дворе, какие трудности и несчастья ожидают независимого и пылкого поэта, Жуковский добровольно принял на себя нелегкую роль посредника Пушкина в его отношениях с царем. Он проявлял искреннюю заботливость о поэте, выручал его, предупреждая о грозящей опасности. Желая уехать из Петербурга и поселиться на несколько лет в деревне, Пушкин подал летом 1834 года прошение об отставке. Жуковский убедил поэта взять прошение обратно, опасаясь царского гнева, новой опалы, новых политических гонений на Пушкина. Пылко восставая против мнений и советов Жуковского, Пушкин в конце концов был вынужден признать их практичность. Но в самом главном, там, где под нажимом обстоятельств Жуковский вынужден был смиряться, Пушкин вступал в единоборство.

На 30 августа 1834 года в Петербурге было назначено открытие Александровской колонны, воздвигнутой по проекту Монферрана на Дворцовой площади в ознаменование победы России в Отечественной войне 1812 года. В этот день в Петербурге должны были состояться придворный праздник и пышная церемония открытия. За несколько дней до празднества Пушкин выехал из Петербурга, направляясь в имение Гончаровых — Полотняный завод, а оттуда — в Болдино. В дневнике поэт откровенно написал, что выехал из Петербурга, не желая «присутствовать на церемонии вместе с камер-юнкерами».

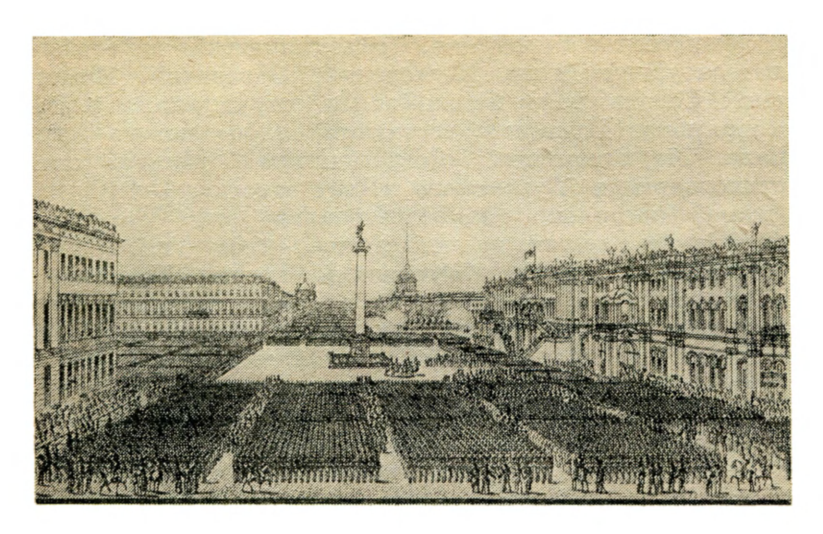
Жуковский оставил описание церемонии открытия. Поэт связывал с монументом память о лучших временах своей молодости, о замечательных победах 1812 года. Он готовился быть свидетелем национального торжества, которому посвятил особую статью — «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года».

Накануне ночью разразилась гроза. В статье Жуковский рассказывал: «Воздух давил, как свинец; тучи шумели; Нева подымалась... наконец запылала гроза; молнии за молниями, зажигаясь в тысяче местах, как будто стояли над городом, одни зубчатыми стрелами крестили небо, другие вспыхивали как багровые снопы». Было видно, как во мраке «являлись и пропадали здания, кровли и башни, и вырезывались на ярком свете шатающиеся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдруг выходила вся из темноты, бросала минутную тень на озаренную кругом ее площадь и вместе с нею пропадала, чтобы снова блеснуть и исчезнуть».

Наутро взошло солнце, и день наступил солнечный, светлый. Бесчисленные толпы народа окружали площадь: окна, кровли зданий, бульвар перед Адмиралтейством, башня Адмиралтейства — все было усыпано людьми. Военный парад напомнил поэту о днях Бородина, о вступлении русских войск в Париж... Величественная колонна, высеченная из единого куска гранита,— памятник победы, была увенчана фигурой ангела, олицетворяющего мир, завоеванный Россией.

Идея мира была близка Жуковскому, мечтавшему о том времени, когда «завоевательный меч» России будет покоиться в «ножнах и не иначе выйдет из них», как только для сохранения независимости своей страны.

...Наступал 1836 год. Новогодняя встреча проходила в доме В. Ф. Одоевского в Мошковом пере-

Открытие Александровской колонны. *Офорт Л. Тюмлинга. 1830-е гг.*

улке, в тесной дружеской среде. Дошедший до нас рисунок одного из участников запечатлел этот праздник, проводимый обычно в кругу самых близких людей. На рисунке рядом с Пушкиным изображены Жуковский и Н. Кривцов; слева от Жуковского — хозяин дома; рядом с Н. Кривцовым — С. Соболевский, И. Киреевский, М. Глинка. Все присутствующие связаны общностью интересов, давними дружескими отношениями и симпатиями. Рисунок этот указывает, с кем из современников особенно был близок Жуковский в середине 1830-х годов.

1836 год ознаменовался в жизни поэта многими важными событиями. В Петербурге начал выходить пушкинский «Современник» — новый литературно-

художественный журнал, объединивший передовые литературные силы. Жуковский, Одоевский, Вяземский, Гоголь стали ближайшими сотрудниками и помощниками Пушкина, составили «ядро» нового журнала. На страницах «Современника» увидело свет стихотворение Жуковского «Цвет завета». Новый издатель настолько заинтересовался им, что, как шутливо жалуется на него автор, «пиесу унес и уже в цензуру хватил». Жуковский просит Пушкина: «Нет, голубчик, в первую книжку ее не помещай. Она годиться может после, но для дебюту нельзя». «Пиеса» появилась в «Современнике» уже после смерти Пушкина, в пятом номере, вышедшем из печати осенью 1837 года. Сопротивление Жуковского объясняется тем, что стихотворение было написано в 1819 году и, наверное, казалось автору несколько архаичным.

Для первого номера «Современника» Жуковский выбрал другое произведение, недавно написанную им балладу «Ночной смотр», жемчужину его поэзии. Переведенная из немецкого поэта Цедлица, баллада просто и поэтично воссоздавала облик не реального, а легендарного Наполеона. Не того, каким он был в сознании русских в годы войны 1812 года, а изгнанного на остров Св. Елены, потерявшего свою армию и овеянного романтикой одиночества. По сигналу тревоги:

Встают молодцы-егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей Италийских.

Стихотворение вдохновило Глинку. В марте 1836 года в теснейшем творческом сотрудничестве поэта и музыканта был создан знаменитый романс на эти стихи. Рукописный текст «Ночного смотра» Жу-

ковский передал композитору, который в тот же день положил его на музыку. Вечером в квартире Глинки, расположенной в доме Мерца в Фонарном переулке (ныне дом № 3/8), новый романс в исполнении самого композитора слушали посетившие его Пушкин и Жуковский.

Возвратившись в Петербург из заграничной поездки весной 1834 года, Глинка снова стал бывать на литературных пятницах Жуковского, где, по воспоминаниям композитора, часто «пели, играли на фортепиано». Трудно удержаться от предположения, что в доме Жуковского Глинка — замечательный вокалист — исполнял и другие свои романсы на стихи прославленного поэта, такие, как «Певец», «Дубрава шумит», «Сто красавиц светлооких».

С именем Жуковского связано создание оперы Глинки «Иван Сусанин», открывшей историю русской оперной классики. В «Записках» Глинка отмечал: «Когда я изъявил свое желание приняться за русскую оперу, Жуковский искренне одобрил мое намерение и предложил мне сюжет „Ивана Сусанина“. Сцена в лесу глубоко врезалась в моем воображении; я находил в ней много оригинального, характерно русского».

Глинка обратился к Жуковскому с просьбой написать либретто оперы и, заручившись его согласием, принялся за работу. Однако поэт не смог выполнить своего обещания, и его участие в написании либретто ограничилось лишь текстом эпилога оперы и трио («Ах, не мне, бедному, ветру буйному...»). Желая, однако, помочь композитору, он нашел ему другого либреттиста, барона Е. Ф. Розена — поэта и драматурга, который, несмотря на различие в понимании и освещении исторических событий, все же в конце концов справился с трудной задачей. Жуковский

с неизменным интересом следил за работой Глинки и, когда требовалось, приходил на помощь. Одна из его записок 1835 года, адресованная Пушкину, указывает на постоянное участие Жуковского в постановке оперы. М. Глинка писал впоследствии, что поэт ездил вместе с ним к декоратору Ролеру и объяснял ему, «как устроить эффектно последнюю сцену в Кремле». Ко второй половине 1836 года опера была закончена, и начались ее репетиции в фойе недавно выстроенного Александринского театра.

Репетиция оперы, решившая судьбу постановки, проходила в доме Виельгорского 10 марта 1836 года, а премьера была приурочена к открытию Большого театра. Первое представление «Ивана Сусанина» состоялось 27 ноября 1836 года. Постановка оперы была воспринята как торжество национальной русской музыки. На обеде у А. В. Всеволожского 13 декабря в доме на Большой Морской улице (ныне улица Герцена, близ Почтамта) друзья чествовали великого русского композитора. В создании стихотворного шуточного «Канона», прославляющего Глинку, приняли участие Виельгорский, Вяземский, Жуковский, Пушкин. Текст «Канона» построен на остроумной игре слов и каламбурах. Строфа, сложенная Жуковским, звучит так же шутливо, как и другие:

В честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвеину стакан!

Текст был положен на музыку В. Ф. Одоевским, и «Канон» стал широко известен в Петербурге и за его пределами.

С именем Жуковского связана петербургская жизнь Гоголя. На его литературных вечерах Гоголь

Александринский театр. *Литография Ф. Шевалье. 1830-е гг.*

читал многие свои произведения. Так, Вяземский сообщал А. Тургеневу 9 апреля 1836 года: «Субботы Жуковского процветают, но давно без писем твоих. Один Гоголь, которого Жуковский называет Гоголек, оживляет их своими рассказами. В последнюю субботу читал он нам повесть о носе... Уморительно смешно! Много настоящего humour». Позднее Гоголь читал у Жуковского «Женитьбу» и главы из «Мертвых душ». О своих беседах с Гоголем о его поэме Жуковский вспоминал в одном из своих писем к нему.

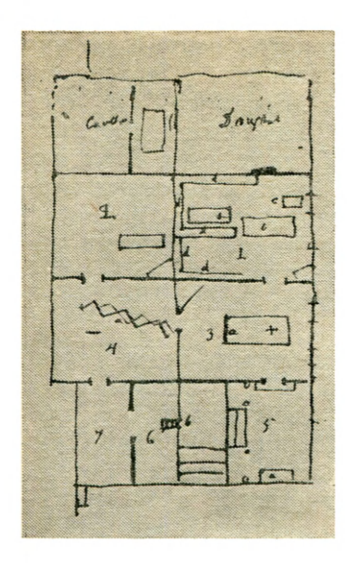
Весной 1836 года после длительных цензурных затруднений была принята к постановке на сцене Александринского театра комедия «Ревизор», премьера которой состоялась 19 апреля. Среди тех, кто в этот день горячо приветствовал автора, был и Жуковский.

К 1836 году относятся постоянные встречи поэта с К. П. Брюлловым. Слава замечательного художника значительно опередила появление в Петербурге его самого. Картина «Последний день Помпеи», законченная Брюлловым в Италии, была привезена в Петербург и выставлена сначала в Эрмитаже, а затем в Академии художеств. Жуковский мог видеть ее в Эрмитаже, так как имел туда свободный доступ. Он чрезвычайно высоко оценивал творчество прославленного русского художника. В одной из своих путевых заметок поэт писал: «С чувством национальной гордости скажу, однако, что между всеми живописцами, которых произведения мне удалось видеть, нет ни одного, который бы был выше нашего Брюллова и даже был бы наравне с Брюлловым». В 1835 году Брюллов вернулся на родину, остановившись сначала в Москве, где с ним виделся Пушкин, посетивший Москву весной 1836 года. В письме к жене поэт писал: «Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург, скрепя сердце: боится климата и неволи». В Петербурге Брюллов быстро занял видное место в его художественных кругах. Вскоре после приезда художника в столицу Санкт-Петербургская Академия художеств чествовала своего знаменитого питомца. Торжество состоялось 11 июня в здании академии. Среди «званых гостей», «любителей изящных искусств и литературы» находился и Жуковский. В той зале, где была выставлена картина Брюллова, был накрыт обеденный стол. Брюллова усадили на почетное место — между президентом Академии художеств и конференц-секретарем, вблизи Жуковского и Крылова. Один из тостов на этом празднике искусств был провозглашен за русских литераторов в лице присутствовавших Жуковского и Крылова.

В 1836 году в Петербурге впервые появился

А. В. Кольцов. Имя воронежского поэта-самоучки приобрело уже широкую известность. Первые его стихи были напечатаны еще Дельвигом в «Литературной газете», а выход из печати сборника стихотворений Кольцова в 1835 году стал событием литературной жизни тридцатых годов. Столичные литераторы встретили молодого поэта радушно и приветливо. Заинтересовавшись его лирикой, Пушкин напечатал в «Современнике» стихотворение «Урожай», а Жуковский пригласил Кольцова бывать на своих литературных вечерах.

Одно из таких посещений запечатлели на своей картине художники А. Мокрицкий, Г. Михайлов и другие. Точно и добросовестно изображают они просторный кабинет Жуковского. На диване сидят Пушкин, Крылов, Одоевский; рядом стоит Гоголь, в простенке у камина — Виельгорский, а у окна — хозяин квартиры, неизменно доброжелательный и приветливый. Несколько в отдалении, у книжного шкафа, перегораживающего комнату,— А. Кольцов, читающий свои стихи. Жуковский высоко ценил творчество этого замечательного поэта, выходца из народной среды. Со своей стороны Кольцов с неизменной теплотой вспоминал о встречах и задушевных беседах с Жуковским, Пушкиным и Вяземским. «Как хорошо мне было тогда!» — восклицает он в одном из своих писем к В. А. Жуковскому. Встречались они и позднее: в Воронеже, где Жуковский посетил Кольцова во время путешествия с наследником по России. В 1838 году в Петербурге, куда снова приехал Кольцов, В. А. Жуковский помогал ему в деловых хлопотах, и Кольцов отозвался из Воронежа благодарственным письмом, в котором благодарил «милого поэта России» за участие, покровительство, вспоминал «прожитое время в Петербурге», «ласки и внимание» со стороны

План квартиры Пушкина. *Чертеж Жуковского. 1837 г.*

Жуковского. Ему выслал он в Петербург и свою думу «Лес», которой откликнулся на трагическую гибель Пушкина...

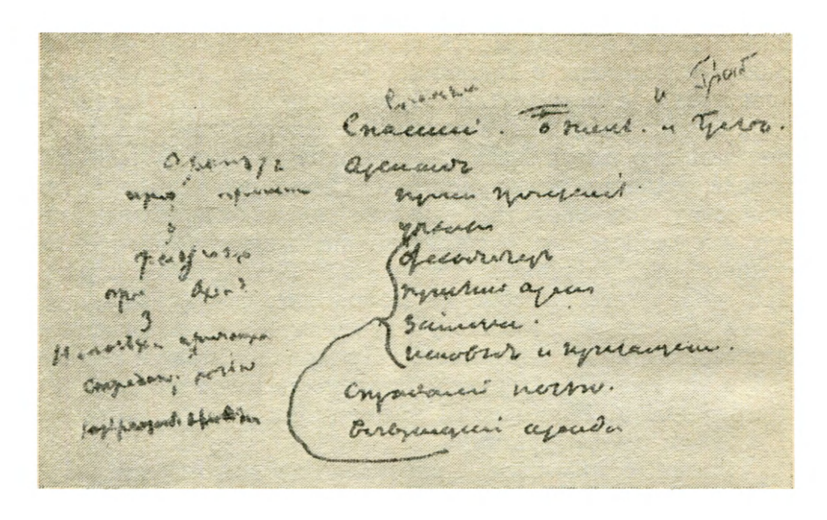
Известие о дуэли с Дантесом и о смертельной ране Пушкина застало всех друзей поэта врасплох. 27 января 1837 года Жуковский весь день был в разъездах и не заезжал домой. В 10 часов вечера он направился к Вяземским на Моховую улицу. Хозяев не было дома. Тогда он зашел к их родственникам в соседнюю квартиру. Зять Вяземского спросил поэта: «Получили ли вы записку княгини? К вам давно послали. Поезжайте к Пушкину; он умирает; он смертельно ранен». Оглушенный этим известием, Жуковский немедленно поехал на Мойку. У Михайловского дворца (ныне здание Русского музея) Василий Андреевич велел остановить сани, зашел во дворец, вызвал с концерта Виельгорского и сообщил ему страшную новость. В передней квартиры поэта Жуковский застал докторов Арендта и Спасского, П. А. Вяземского и П. И. Мещерского. На вопрос Жуковского: «Каков он?» — Арендт ответил: «Очень плох, он умрет непременно».

Началась двухдневная агония Пушкина, во время которой Жуковский отлучался с Мойки лишь ненадолго, с тем чтобы снова вернуться к умираю-

щему. В эти же трагические дни Жуковский принял на себя все хлопоты о Пушкине, о его семье, о судьбе его сочинений, его журнала. Пушкин погибал в расцвете творческих сил, многочисленные творческие замыслы гениального поэта были жестоко и неумолимо прерваны, работа брошена на полуслове... Семья его осталась, по существу, без средств, так как поэта «кормили», по его же словам, не «отцовские вотчины», а «торговля стишастая». Сознание умирающего угнетали огромные долги, его тревожило положение жены, будущее детей. Горькие заботы усугублялись мучительными физическими страданиями. Прекрасно понимая все это и стремясь облегчить нравственные терзания великого поэта, Жуковский направился к царю просить о помощи семье Пушкина.

«Сходя с крыльца,— рассказывал потом сам Жуковский,— я встретился с фельдъегерем, посланным за мной от государя». Возвратившись к Пушкину, Жуковский привез утешительное известие о том, что царь обещал позаботиться о семье поэта. Возникало впечатление (и Жуковский всячески его поддерживал), будто мысль о помощи Пушкину исходила от самого царя. На самом деле царская «милость» последовала лишь после особой записки Жуковского, обрисовавшего бедственное положение семьи поэта. Жуковский хотел, чтобы помощь ей была оказана за заслуги Пушкина перед отечественной литературой и известие об этом оглашено в особом манифесте, текст которого Жуковский вызывался написать. Но царь отказался издать его. Его помощь была частной благотворительностью.

Пушкин был еще жив, а Николая I страшила мысль о его «крамольных бумагах»: он боялся, что рукописи поэта, выйдя из его кабинета, станут известными всей России. Вот почему царь поручил Жуков-

Конспективные заметки Жуковского о гибели Пушкина. Запись четвертая. Предсмертные часы. 1837 г.

скому уже при первом разговоре с ним сразу же после смерти Пушкина «запечатать его бумаги».

Почти всю ночь на 29 января Жуковский, Вяземский, А. Тургенев и Виельгорский провели не смыкая глаз в квартире Пушкина, рядом с кабинетом, где лежал поэт. А между тем уже с 28 января к дому на Мойке стекались толпы людей, потрясенных общенациональным бедствием. «Число приходящих,— писал Жуковский,— сделалось наконец так велико, что дверь прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрестанно отворялась и затворялась». Пространство на улице перед домом заполнено было толпами людей, пришедших справиться о состоянии Пушкина. Бюллетени, написанные рукою Жуковского, были прикреплены к дверям пушкин-

ской квартиры и жадно перечитывались, передавались из уст в уста.

В полной мере осознавая историческое значение происходивших в эти дни событий, Жуковский сделал все, чтобы сохранить в памяти будущих поколений скорбную летопись последних дней жизни Пушкина. Он возвращается к своим прежним записям, которые вел еще в ноябре 1836 года, улаживая конфликт с Дантесом, продолжает их, восстанавливая в памяти эпизоды, свидетелем которых был, расспрашивает очевидцев, дорожа мельчайшими деталями не только дня, но и часа, минуты... Трудно переоценить значение документов, собранных Жуковским. Его рукой нарисован план последней пушкинской квартиры; благодаря его записям и письмам мы можем с точностью до часа, а порою и до минуты проследить состояние Пушкина в течение 27—29 января. В самый момент смерти Пушкина Жуковский стоял вместе с В. И. Далем, Вяземским и Данзасом у постели его, слышал последний вздох и последние слова поэта: «Жизнь кончена! — тяжело дышать, давит». Когда все ушли, Жуковский сел перед умершим один и долго смотрел в его лицо. Эту минуту — страшную и торжественно-величественную — Жуковский запечатлел в своем стихотворении «А. С. Пушкину»:

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив; голову тихо склоня...

Заботам Жуковского мы обязаны тем, что с Пушкина была снята посмертная маска — ценнейший источник будущей иконографии Пушкина. Жуковскому принадлежит рисунок «Пушкин в гробу». Когда спустя три четверти часа тело Пушкина было вынесено в соседнюю комнату, Жуковский, согласно приказу

Пушкин в гробу. *Рисунок Жуковского. 1837 г.*

Николая I, запечатал своей печатью пушкинский кабинет — хранилище бесценных рукописей поэта.

Вслед за этим наступили дни, смысл и значение которых Жуковский понял не сразу. То, что к гробу Пушкина шли сотни и тысячи людей, одни из которых хорошо знали поэта, а другие были только его почитателями, казалось Жуковскому совершенно естественным и не вызывало никаких опасений. Иначе не могло и быть: ведь умер гений, со смертью которого у каждого русского человека «отрывалось что-то родное от сердца», а Россия в его лице «лишилась самого любимого национального поэта». Вместе со всеми, кто побывал 29 января — 1 февраля в доме на Мойке, Жуковский разделял общую скорбь от потери великого

писателя, умершего в тот момент, когда «созревание его совершалось». Эти слова о Пушкине пришли позднее, когда Жуковский писал свое письмо отцу поэта, С. Л. Пушкину, находившемуся в Москве и не знавшему о смерти своего сына. Письмо Жуковского, законченное 15 февраля, адресовано не только «несчастному отцу», но и всей читающей России. Под заглавием «Последние минуты Пушкина» оно было напечатано в пятом номере пушкинского журнала «Современник». По цензурным соображениям Жуковский вынужден был изъять из печатной редакции многие подробности трагических событий и даже отказаться от упоминания слова «дуэль».

По первоначальному царскому приказу Жуковский должен был разобрать бумаги Пушкина один, добившись позволения уничтожить все то, что найдется в них «предосудительного». Однако Николай I вскоре отменил свое прежнее решение, приказав разбирать бумаги Пушкина в присутствии Л. В. Дубельта, начальника штаба корпуса жандармов. Жуковский справедливо истолковал новое распоряжение как выражение недоверия не только к покойному Пушкину, но и к себе лично. В ответ он хотел отказаться от возложенного на него поручения, о чем написал в черновике письма Николаю I, но сознание долга перед Пушкиным и русской литературой превозмогло обиду. Узнав о новом, еще более оскорбительном распоряжении Бенкендорфа — разбирать рукописи поэта в помещении III отделения, Жуковский возмутился. В письме на имя Бенкендорфа он настаивал на разборе рукописей в своей квартире. Шеф жандармов вынужден был пойти на уступку.

7 февраля 1837 года кабинет Пушкина распечатали, рукописи поэта собрали и уложили в два больших сундука и перевезли на квартиру Жуковского в

Шепелевский дом, где их поставили в «особенной комнате». Помещение было вновь запечатано, а ключи от сундуков с бумагами «приняты на сохранение» жандармом Дубельтом. Никаких сомнений в подлинных целях просмотра рукописей Пушкина не оставалось: Жуковский оказался в положении «понятого» при посмертном политическом обыске у Пушкина. Дубельт не интересовался литературным творчеством умершего поэта, а лишь искал в его бумагах политических стихов, эпиграмм, антиправительственных высказываний. Право сжечь те из бумаг Пушкина, которые могли быть «во вред его памяти», «дарованное» Николаем Жуковскому, фактически было отменено. Подобного рода рукописи Бенкендорф приказывал доставить к нему для прочтения, недвусмысленно поясняя в письме к Жуковскому, что «мера сия» принимается, чтобы «ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на всевозможные предметы».

Состояние Жуковского, в присутствии которого Дубельт читал письма декабристов Рылеева, Кюхельбекера, откровенные письма Вяземского и его самого, было чрезвычайно тягостным.

В черновике неотправленного письма Николаю I поэт писал не без горечи: «Хотя я сам и не читал ни одного из писем, а представил это исключительно моему товарищу генералу Дубельту, но все было мне прискорбно, так сказать, присутствием своим принимать участие в нарушении семейственной тайны; передо мной раскрывались письма моих знакомых; я мог бояться, что писанное в разное время и в разные лета, в разных противоположностях духа людьми, еще существующими, в своей совокупности произвело впечатление, совершенно ложное на счет их,— к счастью, этого не случилось».

Но ознакомление с бумагами поэта имело важное значение для Жуковского. Перед его глазами прошла вся жизнь Пушкина, в большей мере раскрылся ее глубокий драматизм. Стало особенно отчетливо видно, что к смерти Пушкина привели не семейная драма, не ревность, не случайность, а те обстоятельства, в которых был вынужден жить и работать поэт. Чтобы до конца понять истоки разыгравшейся трагедии, Жуковскому надо было перейти не только через рубеж 29 января, но и быть свидетелем трусливых «похорон» поэта, надо было день за днем, трепеща за близких и друзей, за будущую судьбу творческого наследия гениального писателя и его посмертную репутацию, читать под присмотром жандарма пушкинские рукописи.

Знакомство с новыми, неизвестными ранее произведениями поэта, его разнообразными замыслами, с черновыми тетрадями, хранившими следы упорного, кропотливого труда, раскрыло Жуковскому огромный размах творчества Пушкина, и рядом с этим особенно обостренно воспринималась ставшая еще более очевидной назойливая, мелочная и оскорбительная опека правительства, жандармов и царя, тяжесть которой по мере мужания поэта и созревания его гения становилась все нестерпимее. Только после участия в разборе пушкинских бумаг положение Пушкина в последние годы его жизни предстало перед Жуковским во всей трагической безысходности.

Свои мысли и переживания по этому поводу Жуковский изложил в письме к Бенкендорфу, в котором нарисовал картину травли поэта со стороны правительства и светского общества. «В ваших письмах,— заявлял он шефу жандармов,— нахожу выговоры за то, что Пушкин поехал в Москву, что Пушкин поехал в Арзрум. Но какое же это преступление? Пушкин хотел поехать в деревню на житье, чтобы заняться

на покое литературой, ему было в том отказано под тем видом, что он служил, а действительно потому, что не верили».

Жуковский пишет и о том тягостном положении, которое создало Пушкину решение царя стать его личным цензором, объясняет причины того огромного общественного резонанса, который вызвала смерть национального поэта, убитого рукой заезжего иностранца. Негодованием веет от заключительных строк письма, в которых Жуковский пишет о том, что друзья провожали тело поэта до церкви «под стражею жандармов». Прежде чем послать письмо по адресу, Жуковский ознакомил с ним своих друзей. Александр Тургенев нашел его слишком резким и опасным для Жуковского. Поэт, как это следует из его конспективных заметок, все же отправил письмо Бенкендорфу, заявив III отделению свой смелый протест и дав глубокий анализ причин дуэли и смерти Пушкина.

Велика роль Жуковского в сохранении пушкинского творческого наследия, которое он стремился сделать достоянием широкого читателя. Жуковский добился разрешения на полное посмертное издание сочинений Пушкина (вышедшее в 1838—1841 годах), одновременно опубликовав ряд новых произведений Пушкина в «Современнике» (в их числе «Медный всадник»).

Под давлением цензурных обстоятельств Жуковский допускал в своих публикациях искажения отдельных (порою весьма важных) стихов Пушкина, но именно ему русская литература обязана и бережным сохранением ценных материалов из пушкинского архива, и появлением в печати многих замечательных произведений поэта.

В мае 1837 года Жуковский покинул Петербург. Обучение наследника подходило к концу и должно

было завершиться путешествием по России. Жуковский был в составе его свиты.

Во время путешествия по России поэт познакомился с ее бескрайними просторами, древними городами, хранящими живую память веков, с ее народным искусством. Путевые впечатления поэта нашли отражение на страницах его дневника и в его рисунках. Путешествие по стране укрепило и связи поэта с передовыми деятелями русской культуры. В Вятке он познакомился с Герценом, томившимся в ссылке; в Воронеже виделся с А. Кольцовым, в Сибири встретился с молодым поэтом-самоучкой, выходцем из народа Е. Милькеевым, которому помог затем устроиться в Петербурге.

Всюду Жуковский умел находить живые, неиссякаемые родники талантливости и творческой одаренности русского народа. Проезжая по Сибири, Жуковский встречался с многими декабристами, разговаривал с ними, обещал им свою поддержку. Используя свое влияние на наследника, он уговорил его обратиться к Николаю I с просьбой об облегчении участи ссыльных декабристов. Со своей стороны Жуковский также написал царю письмо, в котором подробно развил свой план прощения декабристов и свободного поселения их по всей Сибири. На этот раз Николай I принял более снисходительно письмо Жуковского, постоянно просившего за «подозрительных людей». Плана Жуковского в целом он не принял, а согласился лишь на некоторое облегчение участи сосланных. Уступки, на которые вынужден был пойти царь, оказались большой победой Жуковского. Он почувствовал прилив новых сил.

После полугодового отсутствия Жуковский подъезжал к Петербургу 17 декабря 1837 года. Еще издали увидел огромное зарево пожара, полыхавшего над сто-

лицей: горел Зимний дворец. По свидетельству очевидцев, пожар начался с Фельдмаршальской залы. Вскоре загорелась вся часть дворца, обращенная к Неве: фасад, выходивший на Дворцовую площадь, был еще не затронут огнем. Но постепенно, пробираясь по крыше, языки пламени проникли и сюда. Вскоре посреди Петербурга бушевал огромный вулкан, извергая огонь, дым и копоть. Погибал замечательный памятник русского зодчества, созданный В. Растрелли, «чудный памятник искусства», как писал о нем позже Жуковский в статье «Пожар Зимнего дворца»: «Своею архитектурою он изображал могущественный народ, столь недавно вступивший в среду образованных наций». Указывая далее на обилие украшений, колонн, статуй, которые на первый взгляд казались лишними и отяжеляющими фасад, а по существу составляли неотъемлемую часть общего ансамбля, Жуковский добавлял: «Целое здание представляло какую-то разительную гигантскую стройность».

Перед глазами Жуковского на том месте, где раньше высилось здание дворца, за обгорелыми стенами под обрушившейся крышей лежали груды дымившегося пепла. Самоотверженными усилиями русских солдат и простых людей все художественные коллекции были спасены. Для того чтобы пожар не перекинулся на здание Эрмитажа, были разрушены крыши галерей, соединяющих дворцовые здания с главным корпусом дворца. «Таким образом,— замечает Жуковский,— пожар не достиг к Эрмитажу, хотя все пламя стремилось прямо на него по направлению сильного ветра». «За цепью полков, окружавших Дворцовую площадь,— пишет далее поэт,— стоял народ бесчисленною толпою в мертвом молчании». Предназначенная для журнала «Современник» статья «Пожар Зимнего дворца» была представлена в «высочайшую

цензуру». Ознакомившись со статьей, Николай I не дал разрешения на ее опубликование.

Пожар, уничтоживший Зимний дворец, не затронул здания Шепелевского дома. Вещи Жуковского, картины, ценные рукописи (среди них пушкинские, оставленные Василием Андреевичем у себя для подготовки полного собрания сочинений Пушкина) остались в полной сохранности. Стихия пощадила жилище поэта.

Комиссия по восстановлению Зимнего дворца во главе с В. П. Стасовым и А. П. Брюлловым вскоре приступила к работе, несмотря на суровую зимнюю пору.

В марте 1838 года заново отстроенный Зимний дворец, как и прежде, украшал Дворцовую площадь и набережную Невы.

Еще до отъезда в путешествие по России Жуковский начал энергичные хлопоты по освобождению от крепостной зависимости Тараса Шевченко, о тяжелом положении которого он узнал еще в апреле 1837 года от К. И. Брюллова, принимавшего горячее участие в судьбе молодого украинского живописца. Хозяин молодого художника потребовал за него огромную сумму выкупа — 2500 рублей. Было решено, что Брюллов напишет портрет Жуковского, который будет разыгран в лотерее. Вырученные деньги должны были составить сумму выкупа.

Первые сеансы в мастерской Брюллова состоялись перед самым отъездом Жуковского, а закончен портрет был уже после возвращения поэта в Петербург. По определению А. Мокрицкого, в то время уже ученика «великого Карла», этот портрет стал одним из лучших произведений Брюллова в жанре портретной живописи. Лицо поэта «спокойно, взор, хотя устремленный на зрителя, кажется занят внутренним созер-

цанием; он, кажется, обдумывая свой подвиг, покоится после перенесенных трудов». Жуковский торопил фрейлину Ю. Ф. Баранову, взявшуюся распространить лотерейные билеты. Наконец состоялся розыгрыш: портрет Жуковского, как это и было задумано, «выиграла» императрица, а сам поэт, заплатив требуемые помещиком деньги, спешил получить долгожданную отпускную для Шевченко. В письме к Ю. Ф. Барановой поэт в серии шутливых рисунков-карикатур изобразил разные этапы борьбы с бесчеловечным помещиком и ее участников, бурно празднующих свою победу. 25 апреля 1838 года в доме К. Брюллова Жуковский вручил Шевченко документ, сделавший его вольным. На отпускной расписался владелец крепостного — помещик Энгельгардт; далее идут подписи лиц, купивших Шевченко и давших ему вольную: Жуковского, Брюллова, Виельгорского. И это символично: на одной стороне — жестокий крепостник; на другой — поэт, художник, музыкант.

Незадолго до этого, 2 февраля, в кругу литераторов и художников отмечался 50-летний юбилей литературной деятельности и 70-летие со дня рождения И. А. Крылова. Жуковский стал одним из организаторов юбилея. На торжественном обеде, состоявшемся в зале Благородного собрания (ныне Невский проспект, 30), Жуковский обратился к присутствующим с замечательной речью в честь юбиляра. «Наш праздник, на который собрались здесь немногие, есть праздник национальный,— сказал оратор,— когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие...» Поздравляя Крылова от лица всех своих честных соотечественников, от имени русского народа, которому, как подчеркнул Жуковский, Крылов «так верно высказал его ум», поэт напомнил и об отсутствующих — о недавно умершем И. Дмитриеве и

В. А. Жуковский. *Портрет работы К. Брюллова. 1837 — 1838 гг.*

о Пушкине, «похищенном у надежд, возбужденных в отечестве его гением».

Организация юбилея не обошлась без осложнений. От участия в юбилейных торжествах отказались Греч и Булгарин, раздраженные тем направлением, которое принял этот поистине народный праздник. В своих «Записках» Греч объясняет это личной обидой «старых друзей» великого баснописца, якобы устраненных от участия в организации юбилея. Подлинными причинами было их недовольство Крыловым, остроумно высмеявшим Булгарина и Греча в басне «Кукушка и Петух». Впрочем, Греч сообщил в своих «Записках» и интересные подробности, связанные с освещением юбилейного торжества в печати.

Описание обеда было помещено в № 1 за 1838 год «Журнала министерства народного просвещения», а в приложениях появилась речь Жуковского. Греч сообщает в своих «Записках», что «Уваров приказал подать себе из цензуры, в рукописи, все статьи о юбилее Крылова и исключил из них слова Жуковского о Пушкине. Жуковский жестоко вознегодовал на это и настоял на том, чтобы речь его... была напечатана вполне». Так Жуковский продолжал свою борьбу за Пушкина и после его смерти.

Пушкин стал связующим звеном между Жуковским, старшим его современником, и представителем нового поэтического поколения М. Ю. Лермонтовым. Стихотворение «Смерть поэта», за которое молодой поэт поплатился ссылкой на Кавказ, стало известно в близких Жуковскому литературных кругах уже в начале февраля 1837 года и привлекло его внимание. С этого момента он начинает принимать живейшее участие в судьбе Лермонтова. Во время своего путешествия по России с наследником Жуковский, как свидетельствует запись в его дневнике от 21 октября

1837 года, хлопотал перед Бенкендорфом и Николаем I о смягчении участи Лермонтова и тем самым способствовал его возвращению из ссылки.

В январе 1838 года Лермонтов приехал в Петербург. Жуковский хотел лично познакомиться с молодым поэтом, которого ему представили. Как вспоминает современник, «маститый поэт принял молодого дружески и подарил ему экземпляр своей „Ундины" с собственноручною надписью». По просьбе Жуковского Лермонтов принес свою поэму «Тамбовская казначейша». В письме к М. А. Лопухиной Лермонтов сообщал: «Поэма очень понравилась Жуковскому и Вяземскому и будет напечатана в ближайшем номере „Современника"». Поэма действительно появилась в «Современнике», но со значительными цензурными сокращениями и исправлениями. Было изменено и ее заглавие — на «Казначейшу». Молодой поэт был недоволен этой правкой, но, видимо, понимал, что дело заключалось отнюдь не в редакторском произволе. Этот эпизод не омрачил добрых отношений Лермонтова с Жуковским.

Маститый поэт продолжал и в дальнейшем помогать молодому. Он сумел отстоять от цензурных притеснений «Песню про царя Ивана Васильевича...», используя свое давнее знакомство с С. С. Уваровым. Жуковский принимал участие и в хлопотах о Лермонтове, стремясь предотвратить его вторичную ссылку на Кавказ в 1840 году.

Во время пребывания Лермонтова в Петербурге поэты постоянно, а подчас и ежедневно встречались в домах общих знакомых и в литературных салонах Карамзиных и А. О. Смирновой. Находившийся в это время в Петербурге А. Тургенев отметил множество вечеров, проведенных вместе с Жуковским и Лермонтовым. 24 октября 1839 года все они присутствовали и

на обеде у Карамзиных, устроенном по случаю 25-летия Андрея Николаевича Карамзина (старшего сына писателя). Этот день запомнился Жуковскому и отразился в его дневнике. Вместе с М. Ю. Виельгорским по дороге из Царского Села в Петербург они читали рукопись новой поэмы Лермонтова «Демон». Глубокий философский смысл ее был внутренне близок Жуковскому. Когда-то в годы молодости он перевел отрывок из «Мессиады» Клопштока. Романтика-Жуковского привлек образ падшего Серафима Аббадоны, героя поэмы Клопштока:

Сумрачен, тих, одинок, на ступенях подземного трона
Зрелся, от всех удален, Серафим Аббадона...

Возможно, Лермонтов помнил эти поэтические строки, когда писал о своем Демоне:

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой...

Время неумолимо бежало вперед, и многое из творчества Жуковского становилось уже достоянием истории. Нет, талант поэта не угас, энергия не иссякла. Поэту еще предстояла долгая творческая жизнь, заполненная напряженными литературными трудами. С годами его поэзия обрела эпический размах и спокойную мудрость, но то новое и глубоко оригинальное в ней, что определяло живые процессы современной русской литературы, было уже высказано и получило новую жизнь в творчестве тех, кто пришел ему на смену,— Пушкина, Баратынского, а теперь и Лермонтова...

Новая эпоха властно заявляла о себе во всем: и в литературе, и в быту. «Демона» читали и говорили

о нем даже по пути в Петербург, уютно устроившись в маленьких вагончиках-экипажах, катившихся по первой в России железной дороге.

Открытие железнодорожного сообщения между Петербургом и Царским Селом состоялось еще осенью 1836 года. Сначала вагоны везли по рельсам лошади, а затем появился и паровоз. Жуковский, проводивший обычно лето в Павловске и Царском Селе, часто ездил этой дорогой, и вскоре она стала такой же привычной, как обычные экипажи и коляски.

В Царском Селе, в его удивительных парках, в его дворцах и павильонах безгранично господствовало прошлое. Здесь как-то по-особенному была ощутима связь времен. Проходя по тенистым аллеям, Жуковский с годами все чаще мысленно возвращался к прожитому времени. Наступала старость: память вмещала уже не годы, а целые эпохи...

Однажды, гуляя по Екатерининскому парку и привычно любуясь зеркальной гладью озера, Жуковский заметил у прибрежных зарослей старого лебедя, сторонившегося своих товарищей — горделивых и прекрасных молодых лебедей. «Наверное, мой ровесник»,— грустно подумал поэт. Потом он узнал, что старого лебедя называли здесь «екатерининским». Василий Андреевич стал наблюдать за ним и вскоре заметил, что он «всегда был один, никогда не покидал своего уединенного пруда и, когда являлся в обществе молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво».

В минуты испытаний и неудач,— а с годами он переживал их все острее и драматичнее,— старый лебедь становился в сознании поэта своеобразным символом его собственной, прожитой уже жизни. Наступала пора подведения итогов.

Петербург. *Рисунок Жуковского. 27 июня 1839 г. Публикуется впервые.*

Путешествием по Европе с мая 1838 по июнь 1839 года закончилось обучение наследника. Поэт ожидал не наград, а реальных результатов своей педагогической деятельности. Но он был горестно поражен тем, как быстро забыл «ученик» нравственные уроки своего учителя. Придворные празднества и церемонии, военные парады и маневры заняли не только все время будущего царя, но и целиком заполнили все его интересы. Отчуждение от своего недавнего воспитателя, безразличие и равнодушие ко всему тому, чему поэт так долго его учил, открыло Жуковскому глаза на истинное положение вещей.

Свое мнение поэт высказал в откровенном письме наследнику. Дневниковые записи Жуковского показывают, насколько напряженными стали отношения Жу-

ковского с царской семьей: «Все наши пожалованы, а мне не знаю, оплеуха или нет». На следующий день: «Парад кадетов. Великий князь во фрунте. Чтение моего письма великому князю». Еще через день — грустное размышление о русской истории, вызванное видом восстановленного Зимнего дворца: «Дворец, чудно воздвигнутый снова в один год: совершенный образец России; огромно, без точности, без общей связи, выражение одной общей воли, которая, повелевая, рабствует... Мы не идем вперед, а скачем от пункта к пункту, вперед ли, назад ли — все равно». За этими горькими строчками стоит переживаемый поэтом духовный кризис, разрушавший его прежний исторический оптимизм...

Дневниковые записи Жуковского 1839—1840 годов исполнены острого критицизма по отношению к царской семье, ее занятиям и ее интересам. С глаз поэта будто спала пелена, мешавшая ему видеть долгие годы истинное лицо «российского монарха» и его детей. Разрыв с двором становился неизбежным. Поэт возвращался мыслями к своей молодости, искал в ней ответа на мучившие его сомнения. Жизнь казалась прожитой напрасно.

В таком настроении поэт уехал из Петербурга на Бородинский праздник, состоявшийся в августе 1839 года. Там он был свидетелем пышного торжества, на котором были забыты герои — ветераны 1812 года. В письме, адресованном великому князю, Жуковский еще раз напомнил ему о долге перед народом, об участи защитников родины. Словно предчувствуя предстоящую разлуку с родиной, поэт торопился как бы снова прожить свою прежнюю жизнь: из Петербурга — на поле Бородина, оттуда — в Белев, где прошла молодость.

Всюду он был желанным гостем. Заботой окружают его и родные, жившие в Белеве и Москве, и многочисленные почитатели поэта, старые друзья. Из поездки Жуковский вынес впечатление, что люди, с которыми и для которых он жил, помнят и любят его. Сознание этого давало нравственные силы.

В Петербурге Жуковский при входе во дворец, с которым были связаны долгие годы его жизни, испытал «грустное чувство». Отставка становилась неизбежной. Жизнь в Петербурге подходила к концу. Впереди были новые путешествия по Европе, одно из которых внесло перемены в его дальнейшую жизнь. Находясь в Германии, он встретился с семьей своего старого друга, художника Е. Рейтерна. Его дочь Елизавета Рейтерн, которую поэт знал еще в детстве, стала взрослой, красивой девушкой. С восхищением и обожанием относилась она к знаменитому другу своего отца и вызвала у Жуковского глубокое и сильное чувство.

В мае 1841 года Елизавета Рейтерн стала женой Жуковского, который поселился с семьей в Германии. Покидая Россию, поэт думал со временем вернуться на родину. Но, в сущности, это была добровольная эмиграция, вызванная пониманием своего опального положения.

Более 11 лет прожил Жуковский вдали от родины. За эти годы он перевел монументальные эпические произведения — «Одиссею» Гомера, «Рустема и Зораба» Фирдоуси, написал немало статей. Но поэт тосковал, хотел вернуться в Россию, никогда не забывал о ней. Все чаще в его памяти оживали картины прошлого: Петербург, Царское Село и давний «знакомый» — «екатерининский лебедь», такой же одинокий «старик», отставший от своей стаи... Незадолго до смерти, в 1851 году, поэт пропел свою про-

Е. А. Жуковская. *Портрет работы неизвестного художника. Публикуется впервые.*

щальную «лебединую песнь». Своему старому товарищу П. А. Плетневу он писал: «Посылаю вам новые мои стихи, биографию Лебедя, которого я знавал во время óно в Царском селе. Мне хотелось просто написать картину лебедя в стихах, но вышел не простой Лебедь...» Глубокий лирический подтекст заключается в поэтических строках «Царскосельского лебедя»: в них поэт прощается со своим прошлым, с местами, где он долго жил, работал и где сейчас кипит новая жизнь.

Смерть настигла Жуковского в апреле 1852 года, вдали от родины, в Баден-Бадене. Выполняя желание поэта-патриота, Жуковского похоронили в Петербурге, где прошла большая и значительнейшая часть его жизни. Прах поэта покоится в Некрополе Александро-Невской лавры, рядом с могилой Карамзина.

Память о Жуковском живет в нашем городе: в 1887 году в Александровском саду перед Адмиралтейством был установлен бюст поэта работы В. Крейтана. Скульптор придал лицу поэта свойственное ему выражение спокойной мудрости и созерцательности. С 1902 года имя Жуковского носит бывшая Малая Итальянская улица.

Сбылось и пророчество Пушкина: поэзия Жуковского с честью прошла «веков завистливую даль». Его стихи звучат и в наши дни, не переставая волновать всё новые и новые поколения русских людей. В советское время неоднократно издавались баллады и сказки Жуковского, собрания его сочинений. Впереди — задача создания научной биографии поэта. Благородный облик Жуковского дорог и нашим писателям: Вс. Иванов и Вс. Рождественский посвятили ему свои новеллы. Стихи его вдохновляют советских компози-

В. А. Жуковский. *Бюст работы скульптора В. Крейтана. 1887 г.*

торов, звучат по радио, в школах, в вузовских аудиториях.

Заключая рассказ о жизни Жуковского, хочется напомнить слова декабриста Николая Тургенева, посвященные другу, поэту и просветителю: «Писатели, особливо поэты, как подобно Жуковскому, могут действовать на смягчение нравов, пусть они следуют сему призванию. Труд их всегда отзовется истинною пользою для народа...»

АДРЕСА В. А. ЖУКОВСКОГО

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Современное состояние дома
Март — апрель 1805	Дом генерала Варлонта, против Владимирской церкви	Владимирская площадь	Не сохранился
Февраль — март 1809	Дом Петра Ивановича Путятина в Итальянской слободке, на углу Шестилавочной и Малой Итальянской улиц, д. 35	Угол улиц Маяковского и Жуковского	Не сохранился
Май — июль 1815; январь — апрель 1816	Фонтанка, дом Голицына, квартира братьев Тургеневых	Фонтанка, 20	Сохранился в перестроенном виде
Август — декабрь 1815; декабрь 1816— январь 1817; май — сентябрь 1817	Невский проспект, дом Блудовой, Литейная часть, д. 177	Невский проспект, участок дома № 82	Не сохранился
Сентябрь — октябрь 1817	Галерная улица, 4, дом купца Риттера, 1-я Адмиралтейская часть, д. 207	Красная улица, участок дома № 4	Не сохранился

Продолжение

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Современное состояние дома
Сентябрь — 1818—1819	Коломна, дом Брагина у Кашина моста, на Крюковом канале. Вместе с А. А. Плещеевым	Проспект Римского-Корсакова, 43	Сохранился
Январь — октябрь 1820	Невский проспект, Аничков дворец	Невский проспект, 39/31. Дворец пионеров им. А. А. Жданова	Сохранился в перестроенном виде
Февраль 1822	Итальянская улица, близ Михайловской площади	Улица Ракова, близ площади Искусств	Не установлен
1822—1826	Невский проспект, дом Меншикова, против Аничкова дворца	Невский проспект, 64, угол улицы Толмачева	Перестроен
1827—1840	Миллионная улица, Шепелевский дом	Улица Халтурина, участок дома № 35 (Новый Эрмитаж)	Не сохранился

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Внутреннее обозрение.— Полн. собр. соч., т. 5, с. 340—341.

Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., изд. Всесоюзной книжной палаты, 1961 (по указ. имен).

Крупская Н. К. Неосновательные опасения.— «Правда», 1919, 6 февраля.

Жуковский В. А. Стихотворения, ч. I—II. СПб., 1815—1816.

Жуковский В. А. Стихотворения, т. I—III, изд. 3-е, испр. и умнож. СПб., 1824.

Жуковский В. А. Сочинения, изд. 7-е. Письма, т. VI. Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1878.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч., т. I—XII. Под ред. А. С. Архангельского. СПб., Изд-во А. Ф. Маркс, 1902.

Жуковский В. А. Собр. соч. в 4-х томах. М.—Л., «Художественная литература», 1959—1960.

Дневники В. А. Жуковского. С прим. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., изд. «Русского архива», 1895.

Уткинский сборник. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Письма В. А. Жуковского к М. А. Протасовой (Мойер) и А. А. Воейковой. 1815—1817.— «Русская старина», 1883, № 3, 5, 7, 8, 10.

Неизданные письма В. А. Жуковского к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг.— «Русский библиофил», 1912, № 7-8, с. 89—133.

Письмо В. А. Жуковского к Д. Н. Блудову. 1805.— «Радуга». Альманах Пушкинского Дома. Пб., Кооперативное изд-во литераторов и ученых, 1922, с. 15—27.

Письма В. А. Жуковского к П. А. Вяземскому. 1815—1849.— «Литературное наследство», т. 58, с. 33, 40, 47, 59—61, 110—111, 151.

Письма В. А. Жуковского к Ф. Н. Глинке.— «Литературный вестник», 1902, № 3, с. 259—260.

Письма В. А. Жуковского к Н. И. Гнедичу. 1814—1821.— «Книжки „Недели“», 1896, № 1, с. 7—11.

Письма В. А. Жуковского к Н. И. Уткину. 1820—1836.— «Русская старина», 1883, № 2, с. 485—488.

Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873, с. 50, 54, 63.

Арзамас и арзамасские протоколы. Вводная ст., ред. и прим. М. С. Боровковой-Майковой. Предисл. Д. Д. Благого. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

Баратынский Е. А. Письмо к В. А. Жуковскому от 25 февраля — 12 марта 1827 г.— «Литературное наследство», т. 58, с. 62.

Блудова А. Д. Воспоминания. М., 1889.

Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., кн. изд-во «Жизнь и знание», 1918.

Вигель Ф. Ф. Записки, ч. I—VII. М., изд. «Русского архива», 1891—1893; см. также изд. под ред. С. Я. Штрайха, т. I—II. М., изд-во «Круг», 1928.

Вольпе Ц. С. В. А. Жуковский (вводная статья).— В кн.: *В. А. Жуковский.* Стихотворения, т. 1. Л., «Советский писатель», 1939, с. V—XVII.

Вяземский П. А. По поводу бумаг В. А. Жуковского. Письмо к издателю «Русского архива».— «Русский архив», 1876, т. II, с. 248—262.

Гиллельсон М. И. Письма Жуковского о запрещении «Европейца».— «Русская литература», 1965, № 4, с. 114—124.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., «Наука», 1974.

Гоголь Н. В. Письмо к В. А. Жуковскому.— В кн.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. XIV. Л., Изд-во АН СССР, 1952, с. 33.

Греч. Н. И. Записки о моей жизни. М.—Л., «Academia», 1930.

Грот К. Я. Дневник И. И. Козлова. СПб., 1906.

Дубровин Н. Ф. В. А. Жуковский перед судом С.-Петербургского цензурного комитета.— «Русская старина», 1900, № 4, с. 71—89.

Дубровин Н. Ф. В. А. Жуковский и его отношение к декабристам.— «Русская старина», 1902, № 4, с. 45—119.

Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям.— СПб., изд-во «Вестника Европы», 1883.

Зонтаг А. П. Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского.— «Русская мысль», 1883, № 2, с. 266—285.

Из архива Булгарина. Почему Греч и Булгарин не были на празднестве И. А. Крылова? — «Русская старина», 1905, № 4, с. 201—203.

Истрин В. К биографии В. А. Жуковского (по материалам братьев Тургеневых).— «Журнал министерства народного просвещения», 1911, т. 32, № 4, с. 205—237.
Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1911.
Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка, т. 1. СПб., 1862, с. 165.
Лотман Ю. М. Жуковский-масон.— В кн.: Учен. зап. Тартуского университета, вып. 98, 1960, с. 311.
Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1871.
Кривцов Н. И. Дневник.— В кн.: *Гершензон М. О.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, с. 78, 83—84, 88.
Кольцов А. В. Сочинения. Воронежское обл. кн. изд-во, 1950, с. 169, 197—199.
Кюхельбекер В. К. Письма к В. А. Жуковскому. 1823—1840.— «Русский архив», 1871, № 2, с. 0170—0180; там же, 1872, с. 1004—1008.
Лыжин Н. Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы.— В кн.: Летописи русской литературы и древностей, т. 1, кн. 2. М., 1859, отд. 1, с. 59—78.
Модзалевский Б. Л. Жуковский и братья Тургеневы.— В кн.: Декабристы. Сб. статей. М., 1925, с. 149—154.
Новости Петербурга (о сооружении памятника Жуковскому).— «Отеч. зап.», 1859, № 1, с. 39.
Остафьевский архив (переписка П. А. Вяземского и А. И. Тургенева), т. I—IV. СПб., 1899.
Плетнев П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1853.
Погодин М. П. Несколько слов о детстве В. А. Жуковского (со слов А. П. Зонтаг).— «Москвитянин», 1849, май, № 9, кн. 1, с. 1—13.
Предтеченский А. В. Записка Т. Е. Бока.— В кн.: Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.—Л., 1951, с. 189—203.
Пушкин С. Л. Письмо к В. А. Жуковскому.— В кн.: Литературные портфели, т. 1. Время Пушкина. Пг., «Атеней», 1923, с. 70—71.
Смирнов Н. М. Из записок.— В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1967—1968. Л., Изд-во АН СССР, 1970, с. 4—13.
Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., «Федерация», 1929, с. 296—310.
Соловьев Н. В. Поэт-художник В. А. Жуковский.— «Русский библиофил», 1912, № 7-8, с. 41—88.
Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова-«Светлана». т. I—II. Пг., тип. «Сириус», 1915—1916.

Трубецкой С. П. Записки. СПб., 1906, с. 82.
Тургенев А. Записка о Жуковском, составленная для кн. А. Н. Голицына.— «Русская старина», 1901, т. VIII, с. 391—393.
Тургенев А. И. Письма и дневник. СПб., изд. Отделения рус. яз. и словесности АН, 1911 (Архив братьев Тургеневых, вып. 2).
Тургенев А. И. Хроника русского в Париже. Дневники (1825—1826). Л., «Наука», 1964.
Тургенев Н. И. Письма к С. И. Тургеневу. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936.
Тургенев Н. И. Дневники и письма, т. I—III. СПб., Изд-во АН, 1911—1921 (Архив братьев Тургеневых, вып. 1, 3, 5).
Тургенев Н. И. Россия и русские, т. 1. Воспоминания изгнанника. СПб., 1915.
Тургенев Н. И. Письмо к П. А. Вяземскому.— «Русский архив», 1872, с. 1200—1205.
Формулярный список о службе В. А. Жуковского.— «Русский архив», 1902, № 5, с. 86—87.
Фризман Л. Г. К истории журнала «Европеец».— «Русская литература», 1967, № 2, с. 118—119.
Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 111—118.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раиса Владимировна
Иезуитова

ЖУКОВСКИЙ
В ПЕТЕРБУРГЕ

Редактор *Л. Е. Кошевая*
Художник *Л. А. Чепец*
Художественный редактор
И. З. Семенцов
Технический редактор
А. И. Сергеева
Корректор *И. В. Левтонова*

Сдано в набор 27/VIII 1975 г. Подписано к печати 13/I 1976 г. М-29008. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 12,95. Уч.-изд. л. 12,22. Тираж 50 000 экз. Заказ № 265. Цена 83 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57

88 коп.

Р. В. ИЕЗУИТОВА ЖУКОВСКИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ